

Наталья Бочка

УБОРЩИЦА

16+

Наталья Бочка

Уборщица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67294524

SelfPub; 2023

Аннотация

Надя – уборщица в маленьком магазинчике, Андрей – владелец фирмы. Что связало их судьбы? Случайная встреча или череда жизненных обстоятельств? Если оступилась – получишь ли шанс всё исправить? Если забыл – будет ли возможность вспомнить? Даже если разлучила их судьба, всё равно столкнёт неожиданно и тогда бессмысленно сопротивляться.

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	51
Глава 11	56
Глава 12	59
Глава 13	65
Глава 14	72
Глава 15	75
Глава 16	80
Глава 17	84
Глава 18	89
Глава 19	94
Глава 20	98
Глава 21	104
Часть 2	107

Глава 1	107
Глава 2	111
Глава 3	115
Глава 4	119
Глава 5	124
Глава 6	128
Глава 7	133
Глава 8	138
Глава 9	144
Глава 10	150
Глава 11	155
Глава 12	161
Глава 13	165
Глава 14	169
Глава 15	175
Глава 16	180
Глава 17	183
Часть 3	187
Глава 1	187
Глава 2	192
Глава 3	196
Глава 4	201
Глава 5	207
Глава 6	211
Глава 7	213
Глава 8	217

Глава 9	220
Глава 10	223
Глава 11	229
Глава 12	234
Глава 13	240
Глава 14	245
Глава 15	250
Глава 16	254

Наталья Бочка

Уборщица

Часть 1

Глава 1

Надя Цветкова выходит замуж за Вовку Горохова – эта новость облетела двор с такой быстротой, что казалось, будто она передаётся по воздуху. В субботу к обеду только ленивый не обсуждал подробности. Двор гудел, как большой улей. Каждый имел свою версию и усердно её доказывал.

Особое рвение проявляла тётя Люда. Без её участия не проходило ни одно событие. Она носилась от одного к другому, как назойливая муха, болтала без умолку и смаковала детали. Огромное удовольствие она испытывала, если слушатель ещё не знал, о чем идёт речь. В таком случае приступала к рассказу как актриса, вносящая в свою роль каждый раз всё больше страсти и импровизации.

– Как, вы не слышали новость? Надька Цветкова замуж выходит! – говорила она с важным видом первооткрывателя.

– Как? За кого?

– Да за Вовку Горохова. Вы что с луны свалились, весь двор уже об этом говорит. Но я вам скажу – здесь дело явно не без греха. Надька точно беременна и скоро уже будет заметно. Помяните моё слово, – грозила вещунья пальцем у лица собеседника.

– Да с чего вы взяли, что она беременна? Может, есть другие причины?

– Говорю вам как на духу – это проверенная информация. Вы разве не видите – что за девка? Это ещё парень порядочный попался, другой бы послал куда подальше, и дело с концом. А у этого просто не было выбора. Заставили!

– Как заставили?

– А вот так. Либо – женись, либо – в тюрьму. Надька-то – несовершеннолетняя!

– Ну и дела!

– Вот-вот, – загадочно кивала Людмила. – Теперь всё, попался, пойдёт у парня жизнь наперекосяк. А ведь ему только двадцать один, мог ещё гулять и гулять, а тут на тебе – женись. Пропадёт парень с такой девкой-то.

– А мать её куда смотрела?

– Уж известно куда – в бутылку! Она же кроме водки ничего не видит. Дай только глаза залить, и всё!

Завидев ещё кого-то, женщина бросала предыдущего собеседника и бежала навстречу новому, чтобы повторить всё сначала.

Лилась весть о Надином замужестве от одного человека к другому, с бескорыстной помощью тёти Люды Бубенцовой.

Два года на пенсии – она чувствовала себя достаточно молодой и интересной женщиной. Невысокого роста, очень худая. Лицо её, если сохранило былую красоту, то где-то далеко в глубине морщин, избороздивших дряблые щёки. Одно время тётя Люда много пила, давняя привычка эта легла отпечатком на всю её внешность. Маленькие голубые глазки, пустые и не выражающие ничего, кроме чрезмерного любопытства. Под глазами мешки из высохшей кожи, во рту не хватало с десятков зубов. Плохо покрашенные хной, редкие седые волосы она собирала на затылке и прихватывала блестящей резинкой. Яркая помада на тонких губах растекалась по морщинкам словно звезда.

Единственная радость Людмилы Бубенцовой – жить новостями внешнего, а если конкретно, дворового мира. Привычка совать нос в чужие дела, позволяла забыть о делах своих. Это получалось у неё лучше всего. Не обязательно услышать то, что потом нужно рассказать. Путём собственных умозаключений она могла порождать великолепные слухи. В них верили и не раз пересказывали. Обсуждение жизни соседей оказалось самым настоящим призванием тёти Люды. Невероятный дар – из ничего сотворить что-то, талант создавать сплетни.

Большую часть времени она проводила во дворе, или около булочной с другой стороны дома. Но чаще всего на лавке

возле третьего подъезда. Лучшего наблюдательного пункта нельзя и представить. Отсюда виден весь двор, как на ладони, ни одно движение не могло ускользнуть от зоркого ока Людмилы. Кто куда пошёл, по какому делу, она всё хотела знать.

Двор по улице Вишнёвой по форме напоминает квадрат. С трёх сторон пятиэтажки, а с четвёртой – забор. Посредине, как полагается, детская площадка с песочницей и парой кривых качелей. В каждом из трёх домов по три подъезда. Все они отличаются разной степенью ухоженности. Где-то посажены цветочки, подпилены деревья, плитка выметена, лавочка покрашена. А возле некоторых – кучи мусора, палисадник зарос бурьяном, дверь еле держится на петлях.

Всё-таки по-разному относятся люди к месту своего проживания. Иногда достаточно одного человека, и ваше парадное крыльцо радуется глаз. Но если такого энтузиаста нет, то и возмущению нет предела. Почему никто не уберёт всю эту грязь?

Квартира Бубенцовой на первом этаже. Порядок, который наводила она под окнами, щепетильно оберегала, готовая выскочить в любой момент и проучить нарушителя. И если уж кто попался – то держись.

Субботним утром, как всегда на посту, тётя Люда оценивающе разглядывала клумбу у подъезда напротив. Она завистливо щурилась на нарциссы, что распустились раньше,

чем у неё. Ласковое майское солнце заглянуло во двор и сквозь листву тонкими лучами касалось жёлтых цветов. Они будто улыбались. И, как решила тётя Люда, делали это ей назло.

Она пока не знала, о чём вести разговоры сегодня, так как вчера ещё домучивала новость с прошлой недели об украденном велосипеде Ковалёвых. Это уже почти никого не интересовало, и собирательница слухов терпеливо ждала хоть какого-то намёка на происшествие. С терпением охотника, она могла часами наблюдать за обитателями двора. Прислушивалась, приглядывалась.

Не покидало ощущение, что именно сегодня труд её не пропадёт даром. А такие предчувствия редко обманывали. Тёплое утро располагало и вселяло надежду на то, что сегодняшней день непременно принесёт новое событие.

И вот ожидание закончилось совершенно неожиданно, и так быстро.

Дверь соседнего подъезда скрипнула, худенькая женщина с растрёпанными волосами, в халате, похожем на кимоно, выскочила, почти со скоростью ветра пересекла двор и скрылась в подъезде дома напротив.

Спустя несколько минут из приоткрытого окна на втором этаже стали доноситься крики. Громкие ругательства и брань. С лавки, где сидела тётя Люда, недостаточно хорошо слышно, о чём шла речь, но отдельные слова всё же долетели

до напряжённого уха.

Беременна. Вовка. Суд.

Сплетница ликовала. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, о чем шла речь. Наконец-то достойная весть, а не какая-то мишура! Теперь, блеснуть талантом можно по-настоящему. Такого двор давно не слыхал. Беременна. Суд. Это же сенсация, триумф!

В предвкушении звёздного часа тётя Люда обдумывала детали, когда тяжёлая дверь подъезда хлопнула и показалась растрёпанная женщина в ярком халате. Лицо её искажено злобой, кулаки сжаты. Никого не замечая, она двигалась в обратном направлении и громко повторяла: «Я вам покажу!»

Это маленькое происшествие и послужило поводом для разговоров, начало которым положила тётя Люда Бубенцова.

Глава 2

Сказать, что Света Цветкова легкомысленная женщина, будет неправильно. Скорее ей просто не везло. В погоне за собственным счастьем она почему-то забывала о дочерях. А попытки достичь душевного равновесия с помощью новых поклонников казались правильными. Почему кто-то замужем и счастлив, а она нет?

Так было не всегда. После смерти мужа жизнь как бы накренилась. А потом, чем дальше, тем ниже. Попытки вернуться к исходной точке не имели успеха. Ненасытное желание не сдаваться и искать заставляло бросаться в новые отношения. Но всякий раз обстоятельства вмешивались в поиски новой любви. Все время что-то мешало и было не так.

В тридцать девять её внешность была почти девичья. Тонкие светлые волосы, симпатичное лицо и маленькая фигурка создавали образ подростка. Короткие юбки и обтягивающие футболочки дополняли образ и порой притягивали в Светкины сети, совсем молодых парней.

Мужчины слетались к ней, как мотыльки на огонь. В поисках настоящей любви Светлана рассматривала и поощряла всех. Иногда попадались неудачники, не оправдавшие чьих-то ожиданий. Захаживали женатые, с вечными обещаниями непременно развестись. Света верила в обещания, и каждый новый избранник мог пользоваться этим бесконечно. Пона-

чалу контингент вроде ещё не совсем плохой, но с годами более-менее приличные мужчины перестали засматриваться на бойкую продавщицу.

Иногда Света вспоминала о детях. Скорее досадовала на них, как на то, что мешает развернуться по-настоящему. Все неудачи она списывала на то обстоятельство, что двое детей вечно путались под ногами.

Стоит отметить, порой, когда бывлые воспоминания наполняли сердце нежностью, в порыве накатившей доброты она могла сделать что-то хорошее и для своих девочек. Нужно отдать должное и попыткам исправиться, снова стать прилежной матерью. К сожалению, всё оканчивалось только попытками. Такие моменты случались редко, и когда дети становились старше, уже не реагировали на проявление фальшивой заботы.

Добродушная соседка Татьяна Кирилловна время от времени приглашала Светлану к себе, с целью наставить её на путь истинный. Бывало, долго разговаривали они редким вечером за чашкой чая или бокалом вина. Неизменно Света плакала, каялась и изливала потоки жалоб на терпеливую собеседницу.

И женщина верила и жалела эту заблудшую овцу. Но было одно обстоятельство, которое тревожило. Каждый раз после таких разговоров она никак не могла понять, почему при таком верном понимании проблемы Светлана не в силах её ре-

шить. Ведь дело не в том, что она мало зарабатывает, и не в отсутствии мужа, а прежде всего в воле, в желании человека что-то менять. Если не хочет опуститься, то и не опустится. А Света не хотела, но опускалась.

Может быть, она просто не замечала зависимости от того, любит её кто-то или нет. Эта потребность в любви занимала все мысли. А то, что рядом есть дети, и им нужно то же самое – совсем не важно.

Если с очередным любовником ладилось, Светлана была счастлива, но напрочь забывала о детях. Когда любовник бросал её, она уже глубоко несчастна, и конечно, страдали окружающие. Промежутки между двумя этими состояниями почти не случались, редко приходили минуты прозрения.

Так складывалось, что именно в эти моменты Света и заходила к соседке.

– Бросай ты, Светка, с мужиками водиться, – упрекала Татьяна Кирилловна. – Ни к чему хорошему это не приведёт. У тебя дети. Ты о них должна думать. Чему они могут научиться? Только шашни водить? Посмотри, во что ты превратилась за эти годы – кожа да кости, смотреть жалко. А вспомни, когда вы с Сашкой, Мариночкиным отцом, пусть земля ему будет пухом, только поженились. Как Мариночка родилась. Какая семья у вас была счастливая. Как все вами любовались, в пример ставили.

Упоминание о прошлом заставляло Светлану задуматься, и она с грустью отвечала:

– Вот и долюбовались. Сашки давно уже нет, а без него у меня ничего не клеится. Совсем ничего не получается, – и Света пускала одинокую слезу.

– Не дури. При чём здесь это? У тебя дети – и всё! Что ж теперь и самой загнуться? Сколько женщин без мужей живут и справляются, не дают себе опускаться, а ты? – с запалом говорила соседка.

– А я не сильная! Я не могу! Но я люблю своих детей! – повышала голос Света и била кулаком по столу. – Не говори мне, что я их не люблю! Я на всё для них готова!

– А ты не кричи. И в грудь себя не бей. Это никому не нужно, поверь моему слову. Где много криков – там мало дела. Не нужно мне доказывать, как ты их любишь, иди – покажи это им. Делай что-то для них, и тогда тебе не придётся доказывать кому-то, что ты их любишь. Это и так будет ясно. А кто много кричит о любви к своим детям, тот явно в чём-то перед ними виноват. Запомни Света, обернёшься потом на свою жизнь – наплачешься. Тошно тебе станет. Поймёшь всё – поздно будет.

Так и сидели они на кухне, одна поучала, а другая плакала.

Глава 3

Надя, по сути, выросла на улице. Отец её – один из многочисленных сожителей матери – ушёл в неизвестность, едва узнав о будущем ребёнке. Разговоров об отце Нади никогда не было, и никто никогда не вспоминал, что он за человек.

С раннего детства познавала Надя уличную науку и была совершенно свободна, так же, как и сестра Маринка. Никто за ними не присматривал и не следил. Мать больше занята поиском очередного мужа, чем воспитанием детей. Росли девочки у всех на глазах, никому не нужные, отовсюду гонимые. Соседи смотрели кто с грустью, кто со злобой. Один пожалеет, а другой отшвырнёт.

Немало хлопот доставляли сёстры в округе. Где в окно камень кинут, у кого игрушку отберут. Разное бывало. Любое хулиганство во дворе на них сваливалось. Что ни случись, во всём Цветковы виноваты. Конечно, были и те, кто защищал, но таких людей – горстка.

Двор смаковал каждое событие, происходившее в двадцатой квартире. Темы настолько разнообразны, что слушателям ни на минуту не приходилось скучать. То Светку побил новый любовник алкаш, то из окон квартиры неслись такие речи, что на прослушивание их можно было, словно на спектакль, продавать билеты.

Первая в очереди на такие спектакли, конечно же, тётя Люда. А её красноречивые комментарии в совершенно неизменённом виде разносились по двору, словно истина.

– Мужиков к себе водит, что ни день, то новый, – тараторила Бубенцова в окружении соседок.

Только Татьяна Кирилловна из двадцать шестой в ответ на такие разговоры, часто Людмилу осаживала:

– Что же ты Людмила злая такая? В чужом глазу соринку видишь, а в своём бревна не замечаешь. Сама ты, что ли мужиков никогда не водила? Или за Гришку боишься, как бы Светка не увела? – говорила она со смехом.

Но Людмила не останавливалась. И лились из неё подробности, словно из рога изобилия. Будто завидно, что у Светки столько ухажёров. Да за своего сожителя побаивалась, как бы он по дороге в соседний подъезд не завернул. Всё-таки Светка помоложе и покрасивее.

– Да мой Гриша на такую лахудру даже не позарится. У неё в квартире грязи на вершок, и гора посуды немытой. Я своими собственными глазами видела, – оборонялась тётя Люда.

В чём в чём, а в этом она была права. Квартира Светланы совсем не походила на уютное семейное гнёздышко. Пыль, мусор и немытая посуда накапливались месяцами. Мебели почти не было. Её давно вынесли, продали, или обменяли на водку. И там в этой грязи двое детей.

Татьяна Кирилловна порой звала к себе маленькую Надю, кормила супом, опекала девочку, как могла. А та и вправду диковата, других людей сторонилась. Худенькая, хрупкая, с короткими светлыми волосами, она напоминала мальчишку. Лицо почти всегда неумытое. Россыпь мелких веснушек по щекам, грустный взгляд.

Бубенцова при встрече посмеивалась:

– Смотри, Татьяна, стащит Надька что-нибудь, вот и будет тебе расплата за всю твою доброту.

– Ты, Людмила, совсем в людях хорошее видеть перестала, – отмахивалась Татьяна Кирилловна.

– А ты сама не понимаешь, что за девчонка? Стащит и имя не спросит.

– Не нужно думать обо всех плохо, а Надя – девочка хорошая.

– Да, хорошая? А кто у меня под окном всю сливу оборвал?

– Так дерево не твоё, а общее.

– Как это? Оно у меня под окном растёт, и я за ним ухаживаю, – кипятилась Людмила.

– Это же дети! Себя ты, что ли, в таком возрасте не помнишь? – добродушно смеялась Татьяна Кирилловна.

А Людмила умолкала, нечего было ответить. Да и не любила она разговаривать с Татьяной Кирилловной, которая вечно всех оправдывала.

Шло время. Росли дети, выросли.

Светлана, пережив очередную любовную историю, выпивать стала больше. Чуть ли не через день приходила домой пьяная. Девочки мать любили и жалели. Но чем больше понимали, тем сильнее отдалялись. Жили своей жизнью, так, как получалось.

Старшая Марина быстро переняла разгульные привычки матери. Скандалила и обвиняла мать во всём. К пятнадцати годам, вполне самостоятельная, она уже не слушала, что ей указывают, да, собственно, никто и не указывал.

Надя в двенадцать лет была ещё слишком привязана к матери. Другой жизни не знала и поэтому не сравнивала. Но чем старше становилась, тем больше отстранялась. Она чувствовала, что не такая, как все, и от этого грустила. Не сразу пришло осознание, что все семьи в округе живут не так, как их семья.

Однажды старшая сестра собрала вещи, назвала мать алкоголичкой и ушла, пообещав никогда не возвращаться. Надя поплакала. Сестру она любила и никак не могла понять, почему так вышло. Теперь ей приходилось одной терпеть выходки пьяной матери. И Надя совсем замкнулась.

В тринадцать лет мир вокруг Нади стал казаться совсем другим. Своеобразное осмысление поступков матери послужило поводом для обиды и злости. На мать, на её мужчин, на соседей. На всех. Только в тринадцать Надя осознала, насколько обделённой была.

Из тихого ребёнка она стала превращаться в странную девушку. Косые взгляды давно уже не заботили. Надя словно возвела барьер между собой и другими. Казалось, ей на всё наплевать.

Мать не желала замечать перемен. Это не интересовало её совсем. Лучшие друзья – собутыльники, и вынужденное присутствие дочери раздражало. Основной вопрос – где взять на выпивку. Света ходила по соседям, пыталась выпросить займы, но делала это часто и люди давно перестали давать. Редко в доме у Цветковых была еда.

К четырнадцати годам Надя стала расцветать той странной красотой, что опалена солнцем, вымыта дождём и высушена ветром. Худошавое тело всё ещё напоминало мальчишеское, но теперь, на нём определились признаки женственности.

Когда очередной ухажёр Светланы похотливо разглядывал девушку, это неизменно вводило мать в яростное состояние. И уже привычным казался её ненавидящий взгляд.

Всё чаще Надя загуливалась с дворовыми пацанами до поздней ночи. К пятнадцати годам узнала и дворовую любовь. Домой не тянуло. С матерью виделись редко. Каждый разговор превращался в перебранку. Неосознанно Надя повторяла слова сестры, что та когда-то говорила матери.

В этот период удивительное сочетание наивности и дерзости бесконечно бросало из одного состояния в другое. Возможно, она была бы только дерзкой, если бы во многих её по-

ступках не сквозила глубокая наивность. И возможно, осталась бы наивной, если бы обстоятельства не заставляли быть дерзкой. Это была та дерзость, которая кажется смешной всякому, кто видит её проявление. И та наивность, которая кажется странной на фоне отчаянной дерзости.

Черты характера Нади были столь противоположны, что казалось непонятным, как кротость уживается с нарочитой развязностью, а почти детская доброта с неожиданной злобой. Можно лишь точно сказать – то хорошее, что в ней было – дано природой, а к плохому принудили обстоятельства.

Глава 4

В неполные шестнадцать лет Надя имела смутное представление о жизни. Почти не думала, только смотрела. Всё что она знала и видела – это то, как жила её мать.

По-своему понимала – хорошо и плохо. То, что нравилось – хорошо, если не нравится – плохо. Надя не чувствовала полутонов, не понимала, что может быть хорошо – но не очень, плохо – но не совсем. Она не умела приспособливаться. Мысли, если они были, примитивны и поверхностны. Со стороны она казалась глуповатой, недалёкой. Не имела цели, не строила планы, даже не мечтала. Перемещалась, но не знала, зачем. Желание нравиться порождало желание меняться. А привычное ощущение всеобщей нелюбви всё же вносило в существование некоторое беспокойство. Надя не знала, почему так происходит. И не было того, кто ответил бы ей на этот вопрос.

Все её действия были продиктованы либо инстинктами, либо влиянием. Неразборчивая, она просто подчинялась обстоятельствам и верила, что так нужно. Она почти не ходила в школу. От обычного нежелания учиться, да и никто этого не требовал. Учителя оставили попытки достучаться до её матери. Когда пришло время, школа без лишнего сожаления выпроводила Надю за свой порог.

Независимость как паутина. Попала в неё Надя и не со-

противлялась. Зачем?

Проще всего с пацанами. Среди них она чувствовала себя нужной. Не замечала истинных целей такой с ней дружбы, не догадывалась о происхождении интересов. Главное – отношение. Просто доверяла словам и обещаниям, и не ждала обмана. Она отвечала взаимностью любому, кто говорил ей ласковое слово. Обделённая любовью, искала её там, где она могла быть. Необходимость в любой, пусть даже самой маленькой нежности, притупляла осторожность. Сама того не замечая, Надя постепенно становилась такой же, как её мать, с той лишь разницей, что делала это неосознанно.

Вовка Горохов бывал в той же компании. Он обращал внимание на Надю, ведь говорили, что она неразборчива и глуповата. Порой смешная, не по делу дерзкая. Внешность Нади нравилась ему, а наивность притягивала. Глядя на то, как легка эта добыча – Володька не удержался от искушения воспользоваться ситуацией. Недолго думая предложил встретиться, а Надя не отказалась.

Они встретились раз, потом второй. А дальше, все вечера стали проводить вместе. Наивная Надя притягивала его всё больше, ему хотелось оберегать её и воспитывать. Неожиданно Володька понял, что ошибался. Ведь дерзость Нади заканчивалась там, где начиналось доброе к ней отношение. С интересом, слегка приоткрыв рот, она слушала все, что он говорил. И верила во всё. Он мог рассказывать что угодно,

даже самую бессмысленную ерунду. А Надя слушала и удивлялась.

Ему нравилось быть для неё героем. Рядом с ней он чувствовал себя взрослым мужчиной. Конечно, мысленно он спорил с собой. Настроение менялось как погода. То он ругал себя за то, что связался с Надей и собирался немедленно расстаться, то оправдывал. А потом решил – когда придёт время и встретится другая, более порядочная девушка, он тут же легко расстанется с Надей. А она очень быстро найдёт другого. Ведь на такую девчонку всегда есть желающие. Совесть немного мучила Володьку, но так он решил.

Глава 5

Итак, улица гудела от разговоров. А что, собственно, произошло? Люди постоянно женятся и выходят замуж, но не всегда это обстоятельство воспринимается так шумно. Нет ничего необычного, нужно радоваться.

Но тут ведь случай особый.

В то субботнее утро Светлана заглядывала в пыльное зеркало и пыталась уложить редкие волосы. Надя тут же, у окна. Это тревожило мать. Должен прийти новый ухажёр, нехорошо, если Надя останется. Нужно выпроводить её побыстрее.

– Что-то, Надюха, ты скучная стала, – издалека приступила Светлана. – На улицу не идёшь? Пойди, погуляй.

– Не хочу.

– Скоро должен Шурик зайти – раковину починить, – Света пыталась поправить причёску, но скользкие пряди не слушались.

– Знаю я эту раковину, – буркнула Надя.

– Ты как с матерью разговариваешь?! – взвизгнула Светлана.

– Как могу, так и разговариваю! – Надя встала, зашла в комнату, закрыла дверь.

– Ты мне тут не хлопай перед носом! Смотрите, бедовая какая, – влетела в комнату Света. – Я тебе так хлопну... – и

осеклась. – Ты чего это? Что с тобой?

Надя лежала на кровати, повернувшись к стене, и тихонько всхлипывала.

– Ну, что такое? Не хочешь гулять, не иди, – Светлана забеспокоилась. – Полежи, отдохни. Может, поспишь пока?

– Со мной что-то не так, – глухо сказала Надя и положила руку на живот.

Света как стояла с раскрытым ртом, так и села. Тишина.

В эту минуту многое пронеслось в голове Светланы. «Как же так? Это ещё и ребёнок здесь появится? А моя жизнь? Я ведь не успела найти нормального мужика. Как же теперь его искать, когда тут будет ещё и ребёнок? Что же это на мою голову всё валится? Почему я такая несчастливая? Нет, не может быть, Надька что-то напутала». Потом вдруг вернулась в реальность и резко вскочила.

– Кто этот гад?! – визгливо вскрикнула она.

– Вовка.

– Горохов?

– Да.

Опять тишина. Осмысление. Ещё минута.

– А ну пошли, – Света схватила Надю за руку. – Вставай сейчас же!

– Не пойду я никуда. Чего прицепилась?! – Надя с силой выдернула руку.

– Нет? Ну и ладно. Без тебя разберёмся. Теперь мы посмотрим, кто на что способен. Они у меня попляшут!

В голове Светланы моментально созрело решение.

– Сиди дома, я скоро! – крикнула она уже из прихожей, потом снова заглянула в комнату Нади и погрозила пальцем: – И смотри, чтобы тихо, а то... – и она скрылась за дверью.

По двору пронеслась, словно на крыльях. Ещё мгновение, и она уже с силой давит на кнопку звонка.

Дверь распахнулась.

– Зачем так трезвонить? Пожар, что ли? – на пороге появилась плотная женщина в засаленном на груди халате.

Возраст её потерялся где-то в районе пятидесяти – шестидесяти лет. Лицо, простое без намёка на красоту или приятность, скорее строгое, чем злое. Маленькие глазки подозрительно выглядывали из прорезей век. Крупный нос, похожий на мужской. Короткие волосы, густо сдобренные сединой, неопрятно свисали на лоб.

Зоя Семёновна Горохова, мать Володьки, открыла Светлане дверь.

– Чего ты? – спросила Зоя Семёновна, вытирая руки грязным полотенцем.

– Поговорить надо, – сказала Света и шагнула в квартиру, отталкивая хозяйку.

– Заходи, если поговорить. Но зачем трезвонить? Случилось чего?

– Случилось!

Света проследовала на кухню и с уверенным видом села

на табурет.

На плите что-то кипело, аромат бульона защекотал в ноздрях. В квартире Светланы никогда так не пахло, и она на мгновение забыла, зачем пришла. В желудке начало подсасывать. Что-то вспомнилось из детства, но грубый голос Зои Семёновны вывел из приятной задумчивости.

– Ну, что? Говори, зачем пришла. Если деньги просить, то не дам. Знаю я твои потребности, – женщина сняла крышку с кастрюли, зачерпнула содержимое, поднесла к губам и стала громко дуть.

Света опомнилась, приняла строгий вид и сразу приступила к делу.

– Надька беременна от Вовки! – выпалила она.

От неожиданности Зоя Семёновна обожгла губу.

– Здравсти, твоя Надька с кем не попадя валандается, а Вовка уже и виноват? Что-то ты Светка напридумывала. Эдак любая может забеременеть и сказать, что от Вовки. Нечего мне мозги пудрить, – раздражённо ответила хозяйка.

– Она сказала, что от Вовки, – не унималась Светлана.

– И что? Вовка пацан – мало ли у него этих девок, и если каждая беременеть начнёт, то, что ему на всех жениться? Нет, дорогая. Решайте свои проблемы сами. Не желаете, чтоб ребёнок появился – знаете, куда идти. А хотите – так воспитывайте. Только всем известно, какое вы воспитание можете дитю дать.

– Нет, Зоя, если бы я так подумала, то не пришла бы к

тебе на разговор. Надька сказала, что от Вовки, значит – от Вовки. А ему сколько лет? А? Вот то-то и оно! – многозначительно улыбнулась Светлана. – А Надьке ещё шестнадцать не исполнилось. Чуешь, куда клоню?

Зоя Семёновна помешала в кастрюле, положила ложку и повернулась к Свете. Прищурилась.

– На что это ты намекаешь? – голос её становился угрожающе спокойным.

– А что он думал? Попользуется и до свиданья. За всё платить надо! – с ехидством сказала Светлана.

– Платить?! За то, что весь двор бесплатно имеет! А ну уходи отсюда, пока я ещё в руках себя держу, – закипела Зоя Семёновна. – Платить. Ишь, чего задумала. Они там шлятся направо и налево, а мы платить?!

– Да я на вас в суд подам! – вскочила с табуретки Светлана и тут же почувствовала натиск грузного тела Зои Семёновны. – И анализ закажу, если потребуется!

– Я сама на тебя в суд подам, за такие наговоры! – женщина грубо выталкивала Светку из кухни в прихожую. – Шантажировать задумала?! Как бы не так. Докажи сначала!

– И докажу! – упиралась Света, но под сильным давлением стала отступать. – Вот потом побегаете. Хочешь, чтобы сын в тюрьму сел?

– Ах ты, гадина, чего удумала! Сама потаскуха, каких свет не видывал, и девки такие же. А теперь ещё и аферистками стали. Да я сейчас всем соседям расскажу о твоих аферах! –

Зоя Семёновна выталкивала Светку из квартиры, голос её разносился эхом по всему подъезду. Стали щёлкать замки и приоткрываться двери.

Тут обе женщины одновременно смолкли.

Светка ушла, злобно ругаясь себе под нос, а Зоя Семёновна захлопнула дверь и с озабоченным видом вернулась на кухню. Она ожесточено помешала в кастрюле и с силой бросила ложку на стол.

Нет, ну это надо же такому случиться.

Глава 6

Жизнь Зои Семёновны никогда не была лёгкой. Когда она была деревенской девчонкой, необходимость вставать чуть свет, доить корову, кормить кур, свиней и другую живность заложила в ней бесконечное терпение. Когда вышла замуж, перебралась в город, тут работала на прядильной фабрике. Одного за другим родила двоих сыновей.

Покойный муж Михаил – тоже труженик, любой тяжёлой работы не чурался. И он, и она – простые люди. Отношения строили на взаимопонимании и доверии. Болезни и нехватку денег стойко переносили. Все тяготы на двоих. На жизнь никогда не жаловались. Трудились, как могли, ради будущего детей.

Сыновья по-разному оценивали жизнь родителей. Валера старший – стеснялся и отца и мать. Считал, что рабочий человек это просто муравей в большом муравейнике. Делай своё дело и молчи. Не нравилась ему такая перспектива, и он стремился к более высоким горизонтам. Искал место пожирнее, чем работягой на заводе. Но на жирные места всегда находились охотники пошустрее. Валера терпел неудачи. Но однажды всё-таки и ему повезло. Выгодно женился и уехал с женой столицу.

Володя младший – родителей своих уважал именно за то,

что они всю свою жизнь трудились не покладая рук. Гордился тем, что отец и мать – простые люди, и никогда этого не стеснялся. Как истину запомнил – руки кормят, и это правило стало основой его жизни. Выучился на автослесаря. И был уверен в будущем. В том, что семья его никогда не будет нуждаться.

Терпение и трудолюбие он впитал с молоком матери. Стремление помогать, простое и естественное, и его добрый отзывчивый характер притягивали людей. Он всегда помогал от души, не отказывал никому.

Сыновей Зоя Семёновна любила по-разному. Валеру – снисходительно, многое прощала и оправдывала. Володьку – ласковой любовью. Немного эгоистичной, но не настолько, чтобы не давать свободы.

Не всегда она могла скрыть свои порывы. Разность этой любви была слишком значительна. Неумышленные, случайные поступки матери всегда заметны. Будь то лишний поцелуй или лучший кусочек, слово, оброненное невзначай. Ребёнок, которого хоть немного меньше любят, всегда это замечает. Как бы его ни пытались уверить в обратном.

Всё это откладывается в душе. Копится долгое время. А в какой-то момент выплёскивается наружу, вместе горечью или обидой, и тогда никакие аргументы не спасают от жёстких выводов. Тот, что был всегда вторым, если и не обозлится, то отойдёт.

Отошёл и Валера.

Муж Зои Семёновны умер несколько лет назад. Вёл машину, припарковался у обочины, положил голову на руль и всё. Сердце его просто остановилось.

С тех пор Зоя Семёновна и Володька жили вдвоём. Были друг для друга поддержкой и опорой.

После ухода Светланы Зоя Семёновна долго сидела на кухне и уже не обращала внимания на яростно кипевший суп. Потом протянула руку и выключила огонь.

То, что произошло, не могло даже представиться. Как это случилось? Сын с этой? Её Вовка, которого так лелеяла и оберегала. Он – её мальчик, её любимчик. Он не мог так поступить. Конечно, когда-нибудь у него должна была появиться девушка – но не такая! Это несправедливо! Почему именно он попался на эту удочку? Ведь не этого она желала. Не такой жизни для своего сыночка. Его затянули в свои сети эти гадкие люди. Зачем Володька вообще связался с этой девочкой? Как он мог?

Мысли кружились в голове. Они налетали роем, смешивались. Женщина не знала, за какую уцепиться. То одно, то другое приходило в голову. Мысли искали выход, но не находили. И вот уже в сотый раз Зоя Семёновна спрашивала себя: «Как быть? Что делать?»

Вечерело. За окном сумерки окутали двор. Там весёлые голоса. Весна. Люди не спешат закрыться в квартирах. Сбились по лавкам. Разговаривают.

А Зоя Семёновна всё сидела, и не знала, что скажет Володьке, когда он придёт.

Но вот шаги на лестнице. Он? Нет. Прошли дальше. Где он? Она посмотрела на часы. Полдевятого. Что же так долго? Снова шаги. Он!

В замок вставили ключ. Послышался скрип открываемой двери.

– Мама! – окликнул Володя.

Женщина сидела в сумерках и боялась отозваться. Володька заглянул в кухню.

– Ты чего свет не включаешь? – весело спросил он и щёлкнул выключателем. – Что вкусенького? – тут он внимательно посмотрел на мать. – Ма, ты чего сидишь в темноте? Что-то случилось?

Вид у неё наверняка беспомощный и жалкий.

– Случилось, Вова, – она пыталась подобрать слова. – Светка приходила.

– Какая Светка? – он вопросительно смотрел на мать. – Ма, скажи толком?

Кто приходил?

– Цветкова.

– Ну и что? – забеспокоился Володя.

– Надька беременна. Сказала, что от тебя. Светка собирается в суд подавать, – с трудом выдавила Зоя Семёновна.

– Да что ты говоришь? Какой суд?

– А это ты у неё пойдя спроси! – вдруг вскочила с табурета

Зоя Семёновна.

Володька примолк, потупился.

– Вова, ты мне сейчас всё скажи, я мать – я пойму. Таскался ты к этой Надьке?

– Ну, вроде того, – нерешительно ответил Володька.

– Вроде того, – зло передразнила мать. – А теперь вот она беременна, и всё на тебя сваливают. А там, может, не только ты побывал, а весь двор, да и соседний в придачу.

– Мама, не нужно. Мы с Надей встречаемся. А всё, что о ней говорят – это враньё, – защищался сын.

– Не знаю уж, кто там что говорит, а только теперь ты – козёл отпущения. А знаешь ты, сколько ей лет? Она же малолетка. Ты об этом думал, когда с ней встречался? Где твои мозги? Это уголовка!

– Да при чём тут это. Не надо так кипятиться. Ничего страшного не произошло. Если так, – он задумался на мгновение, будто решался, – то я женюсь на ней.

– Что?! – Зоя Семёновна стала глотать ртом воздух, схватилась за бок, опустилась на табурет.

Вовка бросился набрать воды, потом к шкафчику.

– Ой, ой, – тихо повторяла мать.

Володя быстро накапал в стакан и подал матери. Она выпила.

– Ох, сыночек, ну и удружил ты, – тяжело дышала Зоя Семёновна.

– Мама, послушай, – Володя сел напротив и взял руку ма-

тери. – Надя нормальная. Она хороший человек, и ты зря думаешь, что всё так плохо. Конечно, я не думал, что так получится. Но отступить я не стану.

– Но сынок, я просто не могу себе представить, чтобы эта девка...

– Надя, мама, – твёрдо сказал Вовка.

– Что Надя станет твоей женой. Как вы жить будете? Ей шестнадцать лет.

– Да уж как-нибудь проживём.

– Ну, не знаю, не знаю, – грустно сказала Зоя Семёновна. – Ты разве не понимаешь, что это за люди? Я просто не могу представить, что ты женишься на ней. Не для того я тебя растила, чтобы в один день отдать тебя в лапы жуликов.

– Я не принуждаю себя делать это. Просто хочу, чтобы всё было правильно. Тем более что здесь есть и моя вина.

– Ну, хорошо. Может, ты и прав. Но ведь ты можешь жениться на ней, но не обязан с ней жить. Будем помогать по возможности. Мне хотелось не такой для тебя судьбы и не такой невесты.

– Ничего, мама, я тебе обещаю, ты сама поймёшь, какая Надя хорошая. Её просто нужно забрать оттуда. Сейчас мы не можем знать, как всё будет. Давай не будем загадывать.

– Ох, Вовка, ярмо ты на шею себе вешаешь. Помяни моё слово, – женщина покачала головой.

– А ты, мама, что же, не с ярмом ходишь? Думаешь, я не видел, как ты всё тянула на себе.

– Смотри, Вова. Не ошибись. Бог знает, как я хочу, чтобы твоя жизнь сложилась иначе, чем моя. Сразу тогда бери Надьку эту в руки и покажи, кто в доме хозяин, глядишь, не забалует. Ежели что, кулак под нос, и баста, – показала Зоя Семёновна.

– Ну, мама. Ты уже совсем хочешь из меня какого-то монстра сделать, – усмехнулся Володя.

На том и остановились.

Глава 7

Вечерело. Сумерки окутывали парк серой вуалью. Ещё можно видеть вдаль, но уже сложно рассмотреть детали. Только тени и силуэты.

На узкой дорожке в глубине парка, где растёт большой куст шиповника, стоит скамейка, не заметная с центральной аллеи. Тут иногда встречались Володька с Надей. Здесь он впервые её поцеловал. Здесь рассказывал бесконечные истории своей жизни.

Кажется, как давно это было. Будто год прошёл, а на самом деле всего пара дней. Володька сидел и вспоминал свою пустую болтовню. Вспомнил грусть в глазах Нади. Как он не заметил? Тогда это было не важно, и он не придавал значения. Если бы был чуть внимательней, он должен был узнать обо всём первом. Но так не случилось. А теперь какая разница. Кто первый, кто второй.

Сомнения терзали его день и ночь. Так неожиданно случилось. Разве мог он предположить вчера, когда шёл с работы, что уже через час будет готов жениться. Но так складывались обстоятельства, другого пути не было. Надя, конечно, нравилась ему, но Володька совсем не думал, что женится на ней. Встречаться – это одно, а жениться – совсем другое.

К женитьбе он собирался подойти со всей серьёзностью, а не так с бухты барахты. И уж конечно, не под давлением.

А тут получается, что его желание жениться продиктовано только страхом суда и тюрьмы. Решение принято, но не принято ли оно сгоряча, только для того, чтобы ответить матери. Правильно ли он сделал, что так сказал? Может, всё-таки поторопился? Нужно поговорить с Надей. От неё зависело, окрепнет его решение или нет. Да что она может сказать, просто подчинится. И всё. Выбора у неё нет.

Ответить самому себе, любил ли он Надю, Володька не мог. Возможно, это увлечение, влюблённость в девчонку, которая так послушна и покладиста. Да, она, возможно, не та, и не так он рассчитывал когда-нибудь жениться. Но сейчас обстоятельства загнали в тупик.

Иногда проскакивала другая мысль. Почему, собственно, он должен это делать? Только потому, что она ждёт ребёнка? И что с того?

Нет, тут что-то другое. Ведь не просто так он сказал матери, что женится, совсем не сгоряча. Что-то изнутри толкнуло сказать эти слова. Что? Володька хотел понять это при встрече с Надей. Нехорошо получилось, Надя ведь так молода. Но с другой стороны, это даже лучше, её ещё можно перевоспитать. Правильно мама сказала, сразу показать – кто в доме хозяин.

Володька осмотрелся. Справа медленно бредёт пара пожилых людей. Чуть дальше на лавочке парень с девушкой. В конце дорожки показалась Надя, он понял это по силу-

эту. Чем ближе она подходила, тем отчётливей вырисовывалась одежда, волосы, лицо. Джинсики в обтяжку, футболка, всё одно и то же. Надя такая, как всегда, но Володьке показалось, что-то новое появилось в её образе, что-то родное.

Надя подошла. Глаза припухшие, точно плакала. Села. Несколько минут сидели молча, каждый думал о своём.

Надя комкала в руках носовой платок. Володька оперся локтями на колени и смотрел в сторону, он боялся нарушить тишину. Достал сигарету, покрутил её в руке, скомкал и бросил в кусты. Встал.

– Так, – выдохнул он. – В общем, я уже всё решил. Мы с тобой распишемся.

– Как это? – Надя подняла взгляд.

– Как все люди. Пойдём и распишемся. А чего мусолить? Ты же не возражаешь?

– Я не знаю, – тихо сказала Надя.

– А о чём ты думала? – строго спросил он.

– Думала, ты будешь ругать меня за всё это, – она опустила взгляд.

– Да чего тут ругать. Оба виноваты. И я не меньше твоего. Послушай, раз уж так вышло, то лучше бы нам расписаться. А там уже посмотрим. Не понравится, разведёмся, долго, что ли. Но пока так. И тебе хорошо, и я не буду выглядеть гадом.

Надя смотрела на свои руки. Она, видно, совсем не ожидала такого поворота и не стала противиться.

– Ну, хорошо, – тихо произнесла она и заморгала, пытаюсь

удержать набежавшие слёзы.

– Хорошо. Тогда решено, завтра идём в ЗАГС, – Вовка внимательно посмотрел на Надю.

– Хорошо, – сказала она, и губа её по-детски задрожала.

– Да ладно, Надюха. Ведь решили уже, – Вовка присел рядом и обнял Надю. – Завтра бери паспорт... – он остановился. – А ты... Паспорт у тебя есть?

– Нет, – в голосе её послышался испуг.

– Это хуже. Ладно, завтра всё порешаем. Надо подумать, где мы жить будем. С матерью поговорю. А может, у тебя?

– А мама? – забеспокоилась Надя.

– А что мама? Придём жить, и точка, – сердито отозвался Володька.

Через две недели Надя и Вова были уже женаты.

Глава 8

Удивительно, как непредсказуема жизнь. Как изменчивы повороты судьбы. Сегодня мы ведём однообразное существование, а завтра несёмся и решаем ворох невысказанных задач. Утопаем в океане дел. Порой нам кажется, всё отрегулировано. Неизменно. Стабильно. Но что-то случается, и отлаженное ломается. Прямая линия гнётся.

Неожиданность таких поворотов – удивляет нас. Останавливает. Заставляет задуматься.

Повороты судьбы непредсказуемы. Для каждого – свои. На наших героях перемены сказались по-разному.

Надя, так неожиданно ставшая женой, поняла, что небесполезна. Воспаряла духом. Всё доброе, что годами скрывалось, вдруг проснулось. Ей хотелось оправдаться. Показать Володьке, что он не ошибся. Всеми силами своей юной души она потянулась к нему. Ведь понимала – он сделал доброе дело. Помог. Заступился. И теперь она не одна.

Повезло. В период податливости семена вредных привычек не успели пустить корни. Недозрелость ума, стала спасительной соломинкой. Период распутия ещё не пришёл. И Надя ещё не делала основательных выводов.

Один человек привыкает к серому и уже не может переносить белый. Вся жизнь Надя провела в одних и тех же

условиях. Не знала ничего другого. Но только обстоятельства поменялись, цепкое желание перемен завладело юным сердцем. Надя увидела путь. Возможность разрушить старое и создать новое. Это желание ещё не вырывалось наружу, но стойко теплилось. Появилась надежда. Небольшой луч. Направление. И Надя покорила этим обстоятельствам.

Новая жизнь. Пусть даже с небольшими переменами, но всё же – новая. Надя как будто проснулась. Все, что было раньше, растворилось в прошлом. Теперь появилась цель. Ребёнок. Володька. Семья.

Володя после женитьбы почувствовал большую ответственность. Неожиданная смена статуса заставила быстро поменять привычки и приспособиться к обстоятельствам. Теперь он – муж. Скоро станет отцом. С большим рвением взялся за эти роли Володька. Всё. Игры кончились. Началась новая жизнь.

Светлана предавалась мечтам. Бесконечно представляла, как тратит деньги Гороховых.

Во-первых, приоденется, а то совсем пообносилась. Во-вторых, устроит пирушку для друзей. А там придумает, как дальше. За всё время мечтаний пару раз вспомнила о Наде. «Всё же хорошо, что Надька забеременела от этого болвана – Вовки. Он неплохо зарабатывает, да и мать небедная».

А тут как снег на голову – женятся. Такого поворота, Све-

та никак не могла предугадать. Весь её план шантажа и вымогательства рухнул, словно карточный домик. Только она начала представлять, как поправится финансовое положение, и как безбедно она заживёт, и вот – разочарование. «Жизнь несправедлива ко мне», – думала Света. «Только я почувствовала себя человеком, как снова всё то же. Не могла Надька загулять с кем-то, кто не хочет жениться. А он, смотрите, какой порядочный отыскался. А если она вообще не от Вовки беременна?» И проводила Света дни в этих грустных размышлениях. Очень злилась. Она не допускала мысли, что на её Надьке может кто-нибудь жениться.

Для Светланы поворот судьбы оказался совсем нехорошим. Мало того, что вся выгода уплыла из рук, так ещё и поселились молодожёны в её квартире. Всякий раз, как она приглашала к себе друзей, Володька устраивал скандал. Напоминал, что Надя беременна, и ей ни к чему видеть пьяные посиделки. Светка пыталась огрызаться. Но воинственный настрой Володьки пугал. Приходилось уступать. Теперь из-за Надькиного положения и друзей нельзя пригласить? Света негодовала. Что же получается, сейчас беременна, а потом ребёнок, тогда вообще ни повернись ни развернись? Неудобство – совсем озлобило Светлану. С тех пор, как поселился этот защитник Вовка, жизнь стала просто невыносимой.

– Если не нравится со мной жить, так катитесь отсюда оба! – щетинилась Света в перепалке с зятем.

– Вот сами вы и катитесь! – отвечал Володька.

– Я у себя дома! – орала она.

– Мы тоже дома!

Всякий такой разговор оказывался бесполезным. Хоть и пускала она в ход весь запас бранных слов. А теперь всей душой ненавидела Вовку, и Надю вместе с ним.

Какова же была радость для Светланы, когда в один прекрасный день она пришла с работы, а никого нет. И вещей нет. Только записка: «Мама мы переехали к Вове».

Поначалу Зоя Семёновна совсем поникла. Ей было жаль сына. Как он мог попасться в лапы к таким людям? Окутали. Завлекли. Жениться хочет. На ком – на малолетней гулёне! Да, сердце матери такое с трудом может вынести. Поплачет, выпьет капель, грустно вздохнёт, да делать нечего.

Она страдала. По ночам Зое Семёновне снилось, как Володька ходит с бутылкой, в стельку пьяный и орёт неприличные песни. Сердце матери, обливалось слезами. Как она могла отпустить сына к таким людям?

Сначала сопротивлялась, не хотела принимать Надю. Но страх за сына сильнее нежелания видеть невестку. Уж лучше терпеть её, чем потерять сына.

Каждый день Володька забегал к матери. Зоя Семёновна кормила его, давала пакет с собой. Как-то намекнула на знакомство с невесткой. Володька согласился. Привёл Надю. Поговорили. Попили чай.

После первой встречи с Надей Зоя Семёновна с удивлени-

ем обнаружила, что все её представления оказались неверны. Знакомство с Надей стало сюрпризом. Она ожидала наглую беспардонную девицу, но всё оказалось совсем не так. Надя была тихой и покладистой, и это стало открытием. Зоя Семёновна, настроенная на борьбу, почувствовала полное подчинение. Она видела грустные глаза Нади. Чувствовала, что именно сейчас может стать ей близким человеком. Было совершенно ясно, что девчонка старается угодить. Угловато, тихо, но старается.

Они сдружились, быстро и просто. Вскоре молодые переселились из одного дома в другой.

Под руководством Зои Семёновны, Надя стала готовить. Свекровь не скупилась на слова одобрения. Замечала счастливый огонёк во взгляде невестки. И тоже радовалась за себя и за Надю.

Глава 9

Стоило только молодой семье пересечь двор с двумя небольшими дорожными сумками в руках, как сразу разнёсся слух: «Светка выгнала беременную дочь с мужем».

С большим усердием за дело взялась тётя Люда Бубенцова. С самого утра у дозорного пункта обсуждались все возможные причины переезда молодых.

– Говорю вам, Светка выставила их вещи на лестницу и заперлась в квартире со своим новым хахалем. Надька весь день под дверью упрашивала мать впустить её, – на ходу придумывала Людмила.

– Да нет, – возражала пожилая соседка тётя Маша. – Они сами ушли, потому что Светка материла их на чём свет стоит. А Надька ведь беременная, и не может слушать трёхэтажный мат. А ну как ей дурно сделается?

– А я думаю, – вступал в разговор пенсионер Иннокентий Фёдорович. – Я слышал, Вовка побил Светкиного полюбовника. Отдубасил так, что ребра сломались. Побёгли скорую вызывать, а полюбовник-то убёг.

– Да где вы такое слышали? – налегала тётя Люда, руки в боки. Она не могла позволить, чтобы кто-то придумывал новости за неё. – Если не знаете, Фёдорыч, то и нечего повторять всякую ерунду. Если бы Вовка кого-то побил, я бы уж точно знала.

Фёдорович притих под напором авторитета Людмилы.

– И правильно сделали, что ушли.

Это включилась в разговор восьмидесятилетняя бабушка Фаня. Она шамкала беззубым ртом и потрясала сморщенной рукой.

– Надя хорошая девочка, я её с детства помню, как она маленькая ишо была. Чего ж ей с этой непутёвой Светкой сидеть?

– А Надька сама, что ли, подарок? Яблоко от яблони недалеко падает, – отвечала Людмила.

– Да, видно, поцапались, ежу понятно, – не унимался Фёдорович.

– Фёдорыч, вы совсем оглохли? Говорю, на лестнице весь день стояла, а он – поцапались, да поцапались, – налетела на него Людмила.

Тот снова притих.

– Что за семейка, никак не могут жить по-человечески, – сетовала тётя Маша.

– Где уж им. Такие люди. Не одно, так другое. Это уже навсегда, – сделала заключение Людмила.

Так и крутили они со всех сторон, все возможности обсуждали, да ходы просчитывали. Кто-то отходил, кто-то подходил, но тётя Люда не оставляла своего поста.

Ближе к вечеру показалась Зоя Семёновна. Она шла с работы с двумя полными авоськами в руках. Разговоры затихли.

– Семёновна! – остановила её Людмила. – Что, новые квартиранты у тебя?

– Какие квартиранты? – не поняла Зоя Семёновна.

– Ну как же? Сын с невестушкой, – сделала Людмила сладкое лицо.

– Разве это квартиранты? Они у себя дома, – в той же манере ответила женщина.

Видно, догадалась, что до её появления беседа шла о Володе с Надей. Поставила сумки, чтобы отдышаться, а заодно и ответить, как полагается.

– Ну что невестушка? – растянула Людмила рот в улыбке, которая открывала несколько пустых мест среди зубов.

– Да что там невестушка, дай Бог каждому, – улыбнулась в ответ Зоя Семёновна. – Вот сейчас приду, ужин готов, в квартире чистота, бельё выстирано. Чего ещё желать? Поужинаю, да завалюсь на диван, сериалы смотреть. Ни забот, ни хлопот, – она взялась за сумки. – До чего работающая девочка, что лучше и не пожелаешь.

Бубенцова не сразу решила, что ответить на такое неожиданное признание.

– Ну-ну, – только и смогла выдать она.

Зоя Семёновна пошла дальше. Когда отдалилась на приличное расстояние, дискуссия продолжилась.

– Думаете, всё так, как она говорит? – Людмила проводила женщину подозрительным взглядом и с ехидством заметила: – Я считаю, она сильно приукрасила. Не может быть,

чтобы Надька была работающая.

– Почему же, она и мне как-то сумку помогала нести, – откликнулась тётя Маша.

– И мне, – задумчиво произнёс Фёдорович, стараясь не разозлить Людмилу.

– Ну, помогла, а вы сумки потом проверили? Может, она стащила что-нибудь, а вы и уши поразвесили, – и немного погодя добавила: – Все-таки, наверное, приврала.

– Да нет. Я Зою знаю, она врать не станет, – вступилась тётя Маша.

Людмила понимала, что проигрывает, и решила обязательно докопаться до истины.

Глава 10

Надя словно оказалась в другом мире. В новом жилище – атмосфера уюта и тепла. Трудно поверить, что люди так живут всегда. Внимание сначала пугало. Надя не понимала, чем заслужила хорошее отношение. Не верила поначалу, но постепенно привыкала. Здесь она почувствовала, что можно жить иначе. Жить и не стыдиться. Каждый день казался лучше другого. Хотя все они были почти одинаковыми.

Вечерами, перед тем как заснуть, Надя думала – вдруг всё закончится?

Тогда снова придётся идти домой, к матери. От этой мысли Надя вздрагивала, открывала глаза и долго смотрела в потолок.

Сначала она робела и постоянно спрашивала разрешения. Немного погода освоилась и перестала это делать.

Зоя Семёновна всякий раз говорила:

– Не нужно обо всём спрашивать. Хочешь включить телевизор – включай. Хочешь, есть – ешь. Ты у себя дома.

Надя смущалась, но слушалась. Иногда замечала внимательный взгляд свекрови. Это настораживало. Казалось, вот сейчас сделай она что не так, и Зоя Семёновна рассердится и прогонит. Но ничего такого не происходило, и Надя успокаивалась.

Как-то, вытирая с подоконника пыль, она зацепила горшок с цветком. Тот упал на пол и разбился. Дрожащими руками Надя убрала осколки. От страха перехватывало дыхание. Два часа не находила себе места.

– Говори уж, что стряслось? – с порога спросила Зоя Семёновна.

– Я ваш любимый цветок разбила случайно, – тихо сказала Надя и потупила взгляд, но спохватилась и добавила: – Я куплю новый.

– Только-то, – улыбнулась Зоя Семёновна. – Ничего страшного. Наплюй. Не очень-то я его и любила.

– Так вы не злитесь на меня? – приободрилась Надя.

– С чего бы это, глупая? Ты ведь ничего плохого не сделала, а случайно разбила цветок. Ты же не специально?

– Нет.

– Ну, вот и всё, – заключила Зоя Семёновна.

В благодарность за такое отношение Надя платила уважением и исполнительностью, не давала Зое Семёновне даже прикоснуться к домашней работе.

Тревога и напряжение Нади уходили под напором душевного тепла свекрови. Здесь было добро. Надя чувствовала себя ребёнком, которого любят. Старания её не остаются незамеченными. Надя привязалась к свекрови, хоть и побаивалась немного.

Порой задумывалась о матери. Иногда видела её из окна, пьяную, с друзьями. Иной раз Надя представляла, как могла

сложиться жизнь, если бы Вовка не женился. От таких мыслей становилось страшно. Она с ребёнком и рядом мать. Что она смогла сделать? Что изменить? Ничего.

Со временем, наверное, стала бы такой же. А её ребёнок бегал бы на улице, как когда-то бегала Надя. Когда думала об этом, то мысленно благодарила Володьку, ведь он не дал этому случиться.

Однажды Надя со свекровью управлялись на кухне. Внезапно Надя подошла к Зое Семёновне, взяла её руку и быстро поцеловала.

Женщина чуть не отпрыгнула.

– Ты что это удумала? – выкрикнула она.

– Спасибо вам, – сказала Надя.

– Вот дурочка, – Зоя Семёновна обняла невестку, а Надя обхватила необъятную талию свекрови.

Прошла минута, но эта минута длилась долго. Они стояли как мать и дочь, которые глубоко любят друг друга, и каждая была по-своему счастлива. Это был момент, который навсегда их сблизил. Одна эта минута изменила всё.

Живот рос. Новая жизнь пробудилась и напоминала о себе. Новые ощущения каждый день. Надя округлилась, похорошела и выглядела теперь совсем не так, как раньше.

Но ведь кроме свекрови был ещё и муж – Володька. Надя не испытывала к нему тех чувств, которые должна бы испытывать. Она любила его как брата и сторонилась. Чувствова-

лось, что он тоже не воспринимает её как жену, скорее, как младшую сестру, которой требуется забота.

С тех пор как поженились, Володька не прикоснулся к ней, будто боялся. Надю это не тревожило. Конечно, если бы он хотел, она бы не отказала, ведь теперь она его жена. Но он – не хотел.

Казалось, если она плохо будет выполнять свои обязанности, то Володька разведётся с ней. И снова мысли о возвращении домой. Нет. Этого нельзя допустить. Всеми доступными средствами Надя старалась задержаться здесь как можно дольше и не испортить то, что есть.

Но иногда она замечала, как он задумывается. Володька никогда не упрекал, не говорил ничего такого, что могло насторожить. Сложно было определить его настроение. Порой он был весёлым и общительным, иногда злым. Надя почти понимала, почему он такой, но старалась избегать плохих мыслей. Ведь если она ответит себе на этот вопрос, то жизнь здесь станет невыносимой. Казалось, что-то летает в воздухе, и очень скоро отравит их существование. Она ждала. И это пугало. Она терпела, молчала и угождала.

Вечерами они гуляли. Это было уже не так, как раньше. Тогда их ничего не заботило.

Они болтали о всяких пустяках. Теперь – больше молчали. Лишь пара фраз, и только.

Прошло лето. Жаркие дни сменились свежими тёплыми.

Осень, ещё не показала краски, но её аромат уже заполнял воздух. Больше всех времён года Надя любила осень. В это время она грустила, но грустила с вдохновением. Думала о будущем, и оно почти всегда представлялось счастливым. Осенью просыпались мечты и надежды. Всё, что Надя хотела – это уголок, где могла бы жить и не зависеть ни от кого. Жить тихо и свободно.

Сентябрь зачастил дождями. Но именно дождь и серое небо так любила Надя. В такие дни её нельзя было удержать дома, она любила гулять под дождём. Останавливал только сильный ливень. Тогда Надя садилась у окна и долго смотрела, как бушует непогода.

В сентябре пошёл восьмой месяц беременности.

Однажды утром Надя открыла глаза и увидела Володьку. Он сидел на стуле напортив и смотрел на неё. Едва она собралась сказать – «Доброе утро», как он поднялся и вышел из комнаты.

И вот тогда Надя по-настоящему испугалась.

Глава 11

В дверь позвонили. Света открыла один глаз, второй открыть пока не удавалось. Встала с кровати. Пошатываясь, вышла в прихожую. Дёрнула входную дверь.

На пороге Надя. Или кто-то похожий. Вторым глазом наконец открылся. Светка внимательно осмотрела дочь. Она уже не похожа на ту бледную худую Надю, которая так раздражала. Румяное лицо, аккуратно собранные волосы, курточка, большой живот.

– А, это ты, – равнодушно протянула Света, повернулась и пошла на кухню.

Вытянула из кучи грязной посуды кружку, налила воды и жадно стала пить. Надя проследовала за матерью.

– Я тебе продуктов принесла, – она поставила на табурет большой пакет.

– Наконец-то вспомнила, что у тебя мать есть.

– Я помню об этом всегда, – Надя, медленно выкладывала на грязный стол продукты.

Мать заметила, что и разговаривает дочь как-то иначе. Спокойно. Снисходительно.

Это злило.

– А чего не навещаешь? Порядочная, что ли, стала? Я вижу, ты там неплохо устроилась.

– А чего мне сюда ходить. Посмотри, какая тут грязь.

Залепанные стены, по углам повисли серые ткани паутины, грязная посуда. В углу – строй пустых бутылок, на полу мусор. За несколько месяцев здесь стало ещё хуже.

– Когда-то тебя это не смущало, – Света разорвала пакет с сосисками, достала одну и откусила половину.

– У меня не было выбора, – Надя поискала глазами, взяла тряпку, протёрла табурет и села. – Я пришла помочь тебе убрать в квартире.

– А если я не хочу?

– Мама, так нельзя. Посмотри вокруг, как можно жить в таких условиях?

Надя облокотилась на стол и посмотрела на мать. Худая неопрятная женщина, что стояла напротив и ела сосиски одну за другой, вызывала только жалость. Давно не крашенные, грязные волосы блестели сединой. Много новых морщин легло под глаза. Почти серая кожа обтягивала худое тело. Почему она стала такой? Что мешало ей быть нормальной?

Ничто уже ей не поможет. Ну, уберёт она в квартире, перемывает посуду, принесёт продуктов, а через день всё будет снова, так, как сейчас. Образ жизни матери не менялся годами.

– С каких это пор ты такая добрая стала? Смотрите, пришла тут, Мать Тереза местного масштаба. Сама как-нибудь управлюсь! – Светка злобно жестикулировала перед лицом

Нади.

– Так жить нельзя, – повторила Надя задумчиво.

– Да что ты заладила, нельзя да нельзя? Живу, как могу, и не перед кем отчёт держать не собираюсь. Ты что, пришла морали мне читать?

– Неужели ты не понимаешь, то, что ты делаешь – плохо, – Надя показала на бутылки.

– А что тут такого? Человек уже и выпить не может? – показала плечами мать. – Ты сама-то давно ли такой правильной стала? Пришла тут. Меня учить не надо – уже учёная.

Разговор этот был бесполезен. Мать никогда не изменится. Надя решила, что доброе отношение поможет. Но, ошиблась.

Она встала. Мать посмотрела на большой живот и немного смягчилась.

– А ты, как вообще? Свекровь не обижает? А то я могу...

– Не обижает.

– Так ты заходи. Поболтаем.

– Как-нибудь зайду, – Надя грустно посмотрела на мать.

– И поестьхвати, – поспешила напомнить Света.

Никто из них не догадывался, что это была их последняя встреча.

Глава 12

На станции техобслуживания, где работает Володька, есть традиция. Каждую пятницу после работы мужики идут в ближайшую забегаловку, отдохнуть от рабочей недели. Каждый раз звали с собой и Володьку: «Хватит, мол, под каблуком ходить, пора показать, кто в доме хозяин». Поначалу посмеивались над ним. Шутили по поводу быстрой женитьбы. Он обижался.

От посиделок с мужиками Володька отказывался, чувствовал ответственность перед Надей. Но в ту пятницу решил плюнуть на всё и немного расслабиться. Уговорили.

В заведении, за бокалом пива, заботы словно улетучились. Сиди, попивай холодненькое, да слушай анекдоты. За пару часов Володька захмелел. В голове туман, в теле приятная истома. Словно ничего не тревожило, незначительные угрызения совести, отступили и уже не возвращались.

Когда распрощались, побрёл Володька домой неверной походкой. Как проделал он этот путь, осталось загадкой, но инстинкт вёл в нужном направлении.

Около одиннадцати вечера Володька стоял возле квартиры и хлопал по карманам, пытался найти ключи. Но тут дверь открылась, и Надя в домашнем халате вышла на лестничную площадку. Остановилась и испуганно посмотрела на Володьку.

– Что смотришь? – громко сказал он.

Надя молчала.

– Чего уставилась? – повторил Володька.

– Ничего, – голос её дрогнул.

Надя повернулась, чтобы зайти обратно, но Володьку это задело, и он схватил её за руку.

– Куда пошла? – дёрнул на себя.

– Вова прекрати, заходи домой. Люди услышат, – попыталась вырваться Надя.

– А мне плевать! – неожиданная, горячая волна ненависти затуманивала ему рассудок. Володька тряс Надю, как маленького цыплёнка. Злое и обидное чувство подкатило и не отпускало.

Резко Надя попыталась выкрутиться, оступилась, и в следующее мгновение уже катилась вниз по лестнице.

К Володьке вдруг вернулось сознание. Он отрезвел ментально. Кинулся вниз.

Надя лежала без движения. «Я убил её!» – пронеслось в голове.

– Надя, Надюша, – тряс он её за плечи. – Надюша, очнись.

Но она не приходила в себя. С безумным взглядом он сидел и пытался привести её в чувство, но безвольное тело, словно игрушка, болталось в его руках. На её щеке показалась кровь. И Володька в страхе отступил.

Скрипнула дверь подъезда, слышались шаги. Медленно, отдуваясь, кто-то поднимался по лестнице. В пролёте по-

казалась Зоя Семёновна. Она засиделась у приятельницы, выпила пару рюмочек коньяка и теперь возвращалась в хорошем настроении.

От того, что она увидела, лицо исказилось.

– Вовка? – грузность её тела вдруг пропала и она влетела на лестничную площадку, как большая птица. – Что ты сделал?

– Мама, – Володька сидел, как ребёнок, которому требовалась помощь. – Я не знаю, как так получилось.

Женщина склонилась над Надей. От Володьки пахло перегаром.

– Ты что пил? Пил?! – повторяла она, а он беспомощно смотрел на неё. – Быстро неси её в квартиру! – скомандовала мать.

Володька подхватил тело Нади.

Её уложили на кровать. Зоя Семёновна позвонила в скорую. Володька сел, уронил голову на руки и боялся пошевелиться.

– Что я наделал? Что я наделал? – без конца повторял он.

Надю увезли в больницу. Рано утром Гороховы тоже были там. Доктор, сказал – пришлось срочно делать операцию. Надя в реанимации, ребёнок в интенсивной терапии. Угрозы жизни мальчика нет. У Нади состояние нестабильное.

На вопрос: «Что случилось?» – Зоя Семёновна ответила, что Надя оступилась и упала с лестницы. Но когда говорила,

старалась не смотреть доктору в глаза.

Тихо сидели Гороховы в комнате ожидания. У каждого свои мысли.

Володька клял себя за происшедшее. Не мог поверить, что такое натворил. Ведь он никогда не был злым и жестоким. И не мог понять, откуда взялась эта ненависть. Пытался дать себе ответит на вопрос – «Зачем?». Но не мог ответить. Просто винил себя во всём.

Он не подпускал мысли, что давно не дают покоя. То, кем была Надя до знакомства с ним. Что она делала, как жила. Это грызло его изнутри и отравляло разум. А что если она опять станет «такой»? Если, она только прикидывается, а сама затаила что-то плохое? Может, он совершил ошибку, когда решил жениться на ней?

Он много над этим думал. Но когда приходил домой и видел Надю, все дурные мысли сразу улечивались. Да, она действительно другая. Не может быть, чтобы в этой маленькой тихой девушке было что-то плохое. И Володька успокаивался на время.

Но стоило ему выпить, и коварные мысли с новой силой завладели умом. Злость и обида толкнули на грубость. А когда Надя открыла дверь, ему показалось, или он почувствовал укор в её взгляде. Конечно, падение – это случайность. Если бы он не схватил её, и она не была такой маленькой и хрупкой, и если бы... Он терзал, и терзал себя, не в силах

думать ни о чём другом.

Зоя Семёновна тоже не могла найти покоя. Ведь она всей душой полюбила Надю, как родную дочь. Не думала, что и эта девочка, так прикипит к ней, словно к матери. Ведь Зоя Семёновна даже не могла предположить, что Надя, которую весь двор считал наглой блудливой хулиганкой, станет ей родным человеком.

Слёзы катились по лицу. Страх за Надю, обида на Вовку, беспокойство за ребёнка. Навалилось всё и сразу. Напряжённое ожидание и страх.

Подошла медсестра.

– Пройдёмте со мной.

По пустым коридорам больницы они следовали за сестрой. Шаги эхом звучали в тишине. Чем дальше, тем страшнее. Надели халаты.

В отделении реанимации Надя лежала на кровати и казалась такой крохотной, как ребёнок. На лице большой синяк и ссадина. Вокруг штативы капельниц.

– Надюша, – на глаза Зои Семёновны навернулись слёзы.

Сердце рвалось на части. Женщина села на стул рядом с кроватью, взяла маленькую ручку.

Надя слабо улыбнулась, ещё под действием лекарств.

– Надюша, с ребёночком всё хорошо, не беспокойся. Главное чтобы ты была здорова.

Подбородок Нади задрожал, и маленькая капля оказалась у края глаза, остановилась на мгновение и покатилась по виску.

Зоя Семёновна почувствовала, как комок подступает к горлу. Вот-вот разрыдается прямо здесь, у постели. Но она громко вдохнула и удержалась. Кому нужны сейчас её слёзы?

Володька стоял в оцепенении. Капельки пота появились у него на лице, руки дрожали. Он всё смотрел на огромный синяк на щеке Нади.

– Не переживайте, – с трудом выговорила Надя. – Я справлюсь.

– Ты умница, – подхватила Зоя Семёновна. – Ты поправишься, всё будет хорошо.

– Да. Так и будет, – попытался что-то сказать Володя.

Им разрешили побыть совсем немного.

После они пошли домой. Молчание было попутчиком. Дома Зоя Семёновна долго плакала на кухне. Володька угрюмо сидел в гостиной и смотрел в окно.

Глава 13

Немного времени потребовалось, чтобы о несчастном случае узнали все. Создавалось впечатление, что весь двор не спал в полдвенадцатого ночи только затем, чтобы наблюдать, как машина скорой помощи, увозила Надю в больницу.

Наутро, говорили только об этом. Самой популярной была версия о том, что среди ночи у Нади начались схватки, пришлось Гороховым вызвать скорую. Но кое-кто с более изощрённой фантазией не мог себе позволить делать такие простые выводы. История обрастала подробностями, как снежный ком. К обеду уже насчитывала с десятков вариантов версий.

Как удаётся некоторым людям быть настолько прозорливыми? Откуда они узнают подробности странных историй? Можно, конечно, списать всё на изощрённое воображение, если бы догадки этих людей не были так близки к истине. А секрет прост – немного любопытства, чуть-чуть сноровки, ну и конечно, отчаянная смелость и желание добыть информацию любым доступным, а иногда и не очень, способом.

Тётя Люда Бубенцова была в ударе. Так кстати выглянула она ночью в окно. Обстоятельства складывались идеально. Но потребовалось и некоторое проворство.

Как обычно, в девять вечера Людмила прилегла. Но в ка-

кой-то момент чуткий её сон был прерван. В открытую форточку доносился звук работающего мотора. Женщина встала, выглянула в окно. Возле дома напротив разглядела машину, похожую на скорую помощь. В окнах второго этажа, в квартире Гороховых, заметила движение и предположила, что у Нади начались схватки.

Возможно, дело закончилось бы только выглядыванием, но Людмила такой человек, который хочет узнать всё подробно. Мгновение, и она оказалась во дворе. Заняла удобную позицию в тени у дерева, достаточно близко, чтобы наблюдать, но оставаться незамеченной. Эта женщина имела талант по части конспирации и уникальное терпение снайпера, замершего в ожидании.

Когда на носилках вынесли Надю, рот тёти Люды даже приоткрылся, глаза сощурились, и она пожалела, что не захватила очки. Но разглядеть подробности всё же удалось. Свет фар помог шпионке.

Лицо Нади перепачкано кровью, закрытые глаза, безвольно свисающая рука, всё это повергло Людмилу в состояние, близкое радостной истерике. Она прикрыла рот рукой, чтобы ни один звук не вылетел из горла.

Обычно она беспокойно реагирует на подобные зрелища. Всегда с шумом, пытаясь привлечь как можно больше внимания. Но сейчас была ночь и вряд ли кто-то выйдет так же, как она. Мысли эти на несколько мгновений отвлекли, но суетящаяся Зоя Семёновна и оторопелый Володька напом-

нили Людмиле – здесь она не затем, чтобы суетиться. Мозг снова заработал в нужном направлении. Детали, которые на мгновение упустила, быстро собрала воедино.

Как прилежный зритель Людмила досмотрела спектакль до самого конца. Когда скорая уехала, и всё затихло, женщина огляделась по сторонам. Никого. Тихо юркнула в подъезд, крадучись взошла на второй этаж, остановилась у двери Гороховых и обернулась. Посмотрела вверх, вниз, прислушалась. И когда полностью удостоверилась, что вокруг ни души, приложила ухо к двери.

Все, кто живёт в пятиэтажной «хрущёвке», знают – здесь утаить громкий звук нельзя. Будь то музыка, телевизор или дрель, беготня детей, крики, ругань – всё разносится по этажам. И если днём звуки сливаются в один общий гул, то по ночам каждый отдельный звук особенно понятен. Как бы кто ни пытался тихо шагать по дороге от спальни к туалету, всё равно звук сливного бачка разнесётся на одну квартиру вверх, вниз и в стороны, а иногда даже по диагонали. Не говоря уже о скрипах кроватей или звоне посуды, если кто-то решил помыть её поздно вечером. Шаги, разговоры, кашель, лай, мяуканье – всё это ночью приобретало индивидуальность.

Людмила прислушалась. Звуки из кухни хорошо слышны на лестничной площадке. А если ещё и ухо приложить, и дверь не самая толстая, то вы даже можете ощутить, что присутствуете во время разговора. То, что услышала женщина,

привело её в состояние возбуждения в предвкушении завтрашнего дня. Каждое слово отчётливо и ясно. Нечасто она получала информацию прямо из первых рук.

На кухне Володька сел, а Зоя Семёновна стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на сына.

– Как это случилось?

– Я не знаю, – понуро ответил Володя.

– Что значит, не знаю? Ты же был там, и не знаешь? – строго произнесла мать.

Володька обхватил голову руками, взъерошил волосы и тяжело вздохнул:

– Я взял её за руку, а она стала вырываться, а потом как-то так получилось, она не удержалась и упала.

– Ты пил?

– Ну, выпил немного, – как бы оправдываясь, сказал он.

– Ох, Вова, молись, чтобы всё было нормально, иначе я не знаю, что сделаю, – погрозила пальцем мать. – Всё время Надя страдает. И чего тебе спокойно не живётся? Не одно, так другое. Дай бог, чтобы с ребёнком ничего не случилось. О, господи, – она тяжело села.

Так сидели они и даже не догадывались о том, что завтра, весь двор будет знать о ночном происшествии.

А наутро, когда Гороховы уже отправились в больницу, тётя Люда Бубенцова, торжественно и складно рассказывала

с таким трудом полученные сведения. Правда, подробности о способе добычи, она не сообщала. Но клялась – информация проверенная.

Люди были в ужасе, узнавая, какой Володька оказался монстр. «Скинул жену с лестницы, да ещё и смеялся – подделом, мол, тебе», – говорили одни. «Он схватил её за волосы и таскал, пока она не свалилась с лестницы», – откликались другие. «Да нет. Она сама на него набросилась, а он только отклонился, она и упала», – судачили третьи. И неслась людская молва, как река – не остановишь. К вечеру уже не было ни одного человека, который бы не знал о случившемся.

Возле лавки собралась небольшая толпа и шумно обсуждала новость. Люди спорили и ругались, каждый был уверен в своей правоте и пытался переспорить других.

Тётя Люда – у руля.

– А вы, Настасья Пална, не знаете, так не приписывайте. Я точно знаю – что говорю.

– А я и не приписываю. Мне Майя Никитична всё подробно рассказала, а уж она врать не станет, – сердилась Анастасия Павловна.

– Да откуда Майя Никитична там у себя, на пятом этаже, может точно всё знать? – язвила Бубенцова. – У неё, вон, звонок украли, а она только через неделю узнала, да и то, я ей сказала. Сама бы вряд ли додумалась, потому что мозги у неё плохо работают, – Людмила пыталась удержать паль-

му первенства и всеми правдами и неправдами обезвредить конкурентов.

Долго бы пререкались женщины, если бы обе не заметили Светлану. Шум сразу стих. Все повернулись.

– Здравствуй, Света, – нарочито вежливо приветствовала Бубенцова.

– Здравсьте, – ехидно буркнула Светлана.

– Как поживаешь, Света? – ещё более вежливо сказала Людмила.

– Тебе-то что за дело? – дёрнула плечом Светлана.

– Как, что? Надька-то твоя в больнице, или не знаешь? – довольная неведением Светки, приступила к атаке тётя Люда.

– Чего это вдруг? – тут Светлана заметила, что все смотрят на неё, будто чего-то ждут.

– А её Вовка с лестницы спустил! – выкрикнул Фёдорович, не дав Людмиле насладиться моментом.

– Вы что это врётё! – начала надвигаться Светлана.

Новость застала её врасплох. Как раз сегодня она собралась повеселиться с новым ухажёром Мишкой. Она пыталась отбить его у подружки Любки и наконец отбила – а тут такое.

– Ты, Света, съездила бы в больницу – дочку навестила, – посоветовала тётя Маша.

– Да идите вы все лесом! – махнула рукой Светка и пошла дальше.

Да, не очень приятную новость узнала она. И надо же, совсем некстати. В предвкушении вечера она купила две бутылки водки и закуски. С этой мыслью Света грустно посмотрела на пакет, который несла в руке. Что ж теперь, бросить всё и мчаться в больницу?

«Завтра обязательно схожу. Сегодня не могу. Нет», – подумала Света и успокоилась.

Но не пошла она в больницу ни завтра, ни послезавтра, никогда.

А во дворе до позднего вечера не утихали разговоры, только теперь в них добавили ещё и бессердечную мать-алкоголичку.

Глава 14

Минута за минутой, час за часом, день за днём. Для Нади время текло медленно, пока она неподвижно лежала в больничной палате. Менялись лица. День менялся с вечером. Ночь с утром. Сколько ещё так лежать? То сон, то явь. Всё перемешалось. Многие успела обдумать, вспомнить. Прошлое бежало перед глазами кадр за кадром.

Вот она – совсем кроха, идёт с мамой по аллейке парка. Вот взлетела стая дымчатых голубей. Заворожено Надя смотрит, кажется, и она может вспорхнуть и полететь вместе с ними. Вот мама плачет и обнимает нежно. Вот опять мама кружится по комнате, она почему-то счастлива и Надя счастлива вместе с ней.

Вспоминалось только хорошее. Почему всё так изменилось? С тех пор Надя не чувствовала от матери ни любви, ни нежности. Как так случилось, что Надя вдруг оказалась не нужна. Стала обузой. Ведь сколько раз в школе она слышала фразы: «Дети – наше будущее», «Дети – наше богатство». Почему же для своей матери она не стала этим самым богатством?

«Может быть, – думала Надя, – я сама виновата. Возможно, если бы я была немного другой, она больше любила бы меня».

Иногда казалось, вот сейчас откроется дверь и мама, кра-

сивая и добрая, войдёт в комнату, сядет рядом, и скажет: «Девочка моя, как же я тебя люблю. Я пришла помочь, чтобы ты никогда больше не страдала».

Но мама не приходила.

Думала о Зое Семёновне. Удивлялась тому, как эта женщина приняла её в своём доме. Как по-доброму стала относиться, привязалась, полюбила так, как не любила родная мать. Отчего эта женщина просто поверила в Надю, в которую никто никогда не верил?

О Володьке думала тоже. Ведь это он вытянул её из беспутной жизни. Благодаря ему она узнала о вещах, раньше недоступных. Так почему она должна сердиться? Нет, она не сердится. Всё, что произошло – это лишь случайность, и он совсем не виноват.

Чаще всего Надя вспоминала о малыше. Как всё теперь будет? Уже неделя в больнице, а она ни разу его не видела. Что с ним? Может, он болен? Всякий раз, когда в палату заходила медсестра или врач, Надя не решалась задать ни одного вопроса. Она боялась. С самого начала, когда пришла в себя, ей сказали – ребёнок недоношенный и нужно держать его в особых условиях. Поэтому тихо терпела и ждала.

Много раз она представляла себя дома с малышом на руках. Вот – готовит кашу. Вот – пеленает его. А вот – играет или читает книжку.

Она догадывалась, что теперь действительно стоит на пороге другой жизни. Всё поменялось и прошлого уже не бу-

дет. Даже боль не казалась такой нестерпимой.

Шли минуты, часы, дни.

Большой радостью были визиты Зои Семёновны. Всякий раз, когда свекровь навещала, словно добрый ветер врывается в комнату. Она приносила лекарства, продукты, бельё, журналы. Всегда в хорошем настроении. Это действовало оживляюще и придавало сил, и снова вдохновляло.

Когда приходил Володька, Надя видела, как он мучается и чувствует себя виноватым. Она старалась успокоить его. Говорила, что не сердится, но он всё равно был подавлен.

Однажды в комнату вошла медсестра со свёртком в руках. И к большому изумлению Нади ласково сказала:

– Ну вот. Мы пришли повидать нашу маму, – она протянула свёрток, и Надя увидела маленькое сморщенное личико.

– Ой! – от неожиданности не нашла, что сказать.

Потом долго и пристально разглядывала его.

– Оставить его на минутку? – спросила сестра.

– Если можно, – ответила Надя, не отрывая взгляда от малыша.

– Ну хорошо, я скоро зайду, – и женщина вышла, прикрыв за собой дверь.

Когда Надя осталась одна с сыном на руках, нерешительно произнесла:

– Так вот ты какой?

Глава 15

Шло время. Состояние Нади, что поначалу внушало опасения, спустя несколько дней значительно улучшилось. Вскоре она пошла на поправку. Доктор разрешил понемногу вставать и медленно ходить.

Во время ходьбы, швы болели, но это всё же лучше, чем беспомощно лежать.

Как раз в тот день, когда доктор позволил вставать, произошло событие, которое закончило однообразие больничной жизни Нади.

Несколько неуверенных шагов по палате доставили немало хлопот. Надя повернула в обратную сторону. Вдруг шум в коридоре. Суматоха. Быстрые шаги, тревожные возгласы, звук колёс носилок. Любопытство подстегнуло, и Надя медленно подошла и приоткрыла дверь.

В конце коридора, стояли медсёстры и врачи. Открылась дверь лифта, выкатили носилки. Произошла непонятная суматоха и уже через несколько секунд вся эта компания ринулась в сторону Надиной палаты.

Отчётливей видны очертания человека на носилках. Кровью перепачкано лицо и одежда. Крепкое тело его выднелось из разорванной на груди рубахи. Здоровяк. Когда носилки повернули, Надя увидала его профиль. Всего мгнове-

ние. Крупный нос, густые брови, глаза закрыты. Тёмные волосы слиплись от крови.

Что случилось с этим человеком?

Одна из медсестёр заметила открытую дверь Надиной палаты и поспешила закрыть.

Дверь хлопнула, Надя вздрогнула и отошла.

– О, да ты молодец, – доктор вошёл в палату и увидел, что Надя ходит. – Как самочувствие?

Она присела на кровать.

– Всё хорошо, – сказала она и улыбнулась.

– Вижу, – весело заметил он.

Доктор, невысокий плотный мужчина с бодрим лицом. Круглые очки сидели на мясистом носу так близко к глазам, что казались продолжением его лица. Он как будто играл роль весёлого доктора. Часто шутил, но не всегда смешно. Наде он нравился, потому что был добрым человеком, а все добрые люди нравились ей.

– Ну что, завтра можно перевести тебя на второй этаж, нам тут уже делать нечего, – сказал он.

– Сергей Алексеич, – влетела в палату медсестра. – К Лозовому! Срочно!

Доктор подскочил и с необычной для его комплекции прытью выбежал из палаты.

После визита врача зашла медсестра Оля, принесла лекарства. Она всегда много говорила и уже через несколько ми-

нут Надя узнала, что в соседней палате лежит Андрей Лозовой. Он попал в серьёзную аварию. Погибли его жена и сын. Сам он ещё не приходил в сознание, а жизнь его висит на волоске.

– Такой симпатичный, а может умереть. Говорят, у него своя фирма, – совсем без грусти подытожила Оля.

Надя приняла лекарства и Оля ушла.

«Такой симпатичный, а может умереть», – повторила Надя. Ей вдруг захотелось посмотреть на него. Она лежала и вспоминала лицо, испачканное кровью. Думала об аварии, о его жене и сыне. Какие они были? Почему погибли? Наверное, он был за рулём? Как это произошло?

Поздно вечером Надя встала с кровати и медленно подошла к двери, приоткрыла её и выглянула. Никого. Тихо, где-то рядом слышны звуки аппаратов. Почти на цыпочках Надя прошла небольшой отрезок коридора. Дверь в соседнюю палату приоткрыта. Слабый свет лампы. Надя осторожно заглянула в комнату.

Лежит Лозовой, словно мумия, со всех сторон штативы и аппараты. На экране монитора медленно ползёт кривая. Пи – пи – пи. Трубки, трубки. Надя встала возле кровати. Она посмотрела на человека и вспомнила слова медсестры. Да, действительно, сейчас он не кажется живым. Только звуки, наполняли комнату и говорили о том, что этот он ещё дышит.

Стояла Надя и не могла оторвать взгляд.словно под гип-

нозом. Сколько времени она так провела, неизвестно. Странная картина. Человек, которого за бинтами почти не видно, немного лица и тела, а вокруг то, что поддерживает его жизнь.

Вдруг Надя заметила лёгкое движение. Это заставило её вздрогнуть. Он шевельнулся, ресницы задрожали. Сама не поняла, зачем, она взяла его большую руку. Захотелось как-то поддержать его, сделать так, чтобы он почувствовал кого-то рядом. Мысль о том, что он может умереть в любую минуту, пугала, но и придавала смелости. Пальцы его на мгновение сжали её пальцы и ослабли.

Ноги, натруженные за день, ныли. Надя присела на краешек кровати. Она не могла уйти. Ночь. А она всё сидела и смотрела на Лозового, на аппараты, в окно. Тихо и так спокойно.

Тут, в этой комнате с совершенно незнакомым человеком Надя почувствовала себя нужной. Ей казалось, что если сейчас она оставит его, то он умрёт. И она не могла сдвинуться с места и боялась пошевелиться.

Наверное, она просидела бы так всю ночь, если бы не услышала звук мотора лифта. Надя порывисто встала и поспешила уйти.

Когда она засыпала, думала об этом человеке. Андрей Лозовой – кто он? Какая у него семья? Был ли он счастлив? Жена и ребёнок погибли, а он ещё не знает об этом. А если он и сам умрёт? А может, нет? А если выживет, как изме-

нится его жизнь, ведь он потерял близких людей. Как будет жить без них?

На следующий день Надю перевели на второй этаж.

Глава 16

Стояли тёплые дни конца сентября. Деревья одеты в выгоревшие под летним солнцем листья. Южный ветер аккуратно трогает пожелтевшую траву. Ещё не зачастили дожди, не подкралась промозглая сырость, но лёгкое дыхание осени уже носится в воздухе. В больничном парке Надя проводила много времени. Задумчиво сидела на скамейке, наслаждалась тишиной.

Как-то Зоя Семёновна принесла книгу, на тумбочку положила, Надя не сразу заметила. А когда увидела, улыбнулась, ведь она никогда не читала. Дома книг не было, а в школьных учебниках ничего её не увлекало. И вот сейчас, неожиданно для себя, начала читать и уже не могла остановиться. За все свои шестнадцать лет, она не прочла столько, сколько за три недели в больнице.

Иногда по вечерам, Надя откладывала книгу и думала о пациенте, что лежал там, наверху, в реанимации. Пришёл ли он в сознание?

Медсестра Оля всегда очень много говорила. Рассказывала про жениха, что встречает её с работы, про его глуповатый вид и вообще, что он уже надоел до чёртиков. Надя слушала эту историю и ждала момента, чтобы задать давно мучивший вопрос.

– А как там больной, который после аварии? Он очнулся? – наконец Наде посчастливилось вставить слово.

– Лозовой? Да нет пока. Жаль, конечно, парня. Но никакой надежды нет. Сергей Алексеевич говорит, мы сделали всё, что могли. К нему и посетители не приходили ни разу. Никто не знает, где его родственники.

– А можно я как-нибудь навещу его? – неожиданно спросила Надя и сама удивилась собственной смелости.

– Да, можно конечно. Тебя же там все знают, думаю, не будут против. Пусть хоть кто-то приходит к нему.

Заручившись этим разрешением, Надя уже после обеда поднималась на третий этаж. По привычке прихватила книгу.

В палате, где лежал Лозовой, ничего не изменилось. Аппараты, капельницы, звуки. Только человек на кровати стал немного другим. Голова не забинтована. Теперь ясно можно рассмотреть то, о чем раньше приходилось только догадываться. Возраст где-то в районе тридцати. В чертах сквозила властность и упрямство. Густая щетина покрывала щёки и подбородок, придавая лицу суровый вид. Странное чувство. Казалось, будто Надя когда-то видела этого человека, только не могла вспомнить, где и когда.

Она взяла стул, придвинула к кровати, села, открыла книгу и начала читать вслух. Через минуту остановилась, посмотрела на Лозового. Задумалась. Слышит ли он её голос? Представляет ли то, о чём она читает? Наверное.

Дальше она уже не останавливалась. Последней книгой, которую принесла Зоя Семёновна, была «Анна Каренина». И теперь Надя читала её Лозовому.

С того дня она навещала его каждый день. Всё так же он не приходил в сознание. Надя и сама не понимала, отчего тянуло её сюда. То ли чувство сострадания, то ли ещё что-то. Ей казалось, он уже не может без неё, ждёт, когда она придёт и почитает.

В одни из дней Наде позволили навестить ребёнка. Медсестра провела в отделение, где находился мальчик. Он изменился, порозовел, стал выглядеть посимпатичнее, чем тогда, когда она видела его в первый раз. Надя наклонилась над ним и улыбнулась.

Всё время, пока находилась в больнице, она часто думала о малыше. Но как-то не до конца осознавала, что он, этот маленький мальчик – её сын.

И вот сейчас она смотрела на него и чувствовала неизвестное, неиспытанное ощущение. Прилив нежности к маленькому человечку. Надя протянула руку и дотронулась до ладошки малыша, а он тут же ухватился за её палец. Да, теперь она точно поняла, что это её сын, и совершенно неожиданно произнесла:

– Андрюша.

Он посмотрел на неё.

– Ты уже имя ему дала? – отозвалась медсестра.

– Да. Андрюша, – не отрывая взгляда от ребёнка, ответила
Надя.

Глава 17

Посещение Надей палаты Лозового активно обсуждалось. Одни полагали, что она делает правильно. Читает книги и своим присутствием, возможно, даже помогает искалеченному человеку. Говорили, что это никому не мешает. Раз к Лозовому никто не приходит, то пусть хотя бы Надя читает ему книги. Но другие были с этими аргументами не согласны, сетовали на нарушение порядка. Да и нехорошо молодой девушке ходить к постороннему мужчине. Мнения в больнице разделились.

А Надя продолжала ходить. Если это и выглядело несколько странно, то Надя этого не понимала. Теперь она делила день на три части. С утра навешала маленького Андрюшу. После обеда шла на свежий воздух, в парк, повидаться с Зоей Семёновной или с Володькой. Вечером поднималась на третий этаж.

Посещение ребёнка наполняло сердце нежностью. Она наблюдала за малышом, кормила из бутылочки, меняла подгузник. Надя чувствовала себя взрослой.

Встречи с Зоей Семёновной тоже были в удовольствие. Свекровь всегда находила, чем порадовать невестку. То сладенького принесёт, то расскажет что-нибудь смешное.

Но когда Надя поднималась на третий этаж, необычное загадочное ощущение захватывало, и, не в силах противиться

ему, она окуналась в состояние тайны. Теперь она чувствовала обязанность прийти и быть там. Казалось, она пытается наполнить пустую жизнь этого человека. Стремится вдохнуть в него целительный воздух. Пускай даже таким странным способом, как чтение.

В пятницу всё как обычно. Завтрак, уколы. Доктор Марина Дмитриевна осмотрела Надю, заглянула в карточку, что-то написала и сказала:

– Ну что, Цветкова, пора домой.

– Я бы с радостью, – улыбнулась Надя.

– Вот в понедельник я приду на обход, если всё нормально, будем выписывать.

– И Андрюшку?

– Нет, Андрюшу пока подержим.

– С ним что-то не так? – встревожилась Надя.

– Не волнуйся, всё нормально, но ребёночек недоношенный, нужно его ещё понаблюдать, – успокоила врач.

Вечером Надя поднялась на третий этаж. Осталось только три дня, последних. Хотелось ещё немного побыть там, с этим человеком, перед тем как расстаться, возможно, навсегда.

Как обычно, Надя взяла стул и поставила возле кровати. Посмотрела на Лозового. Захотелось подойти и дотронуться, но не осмелилась. Села, открыла книгу. Несколько секунд смотрела на буквы. Начала читать. Сегодня она делала

это по-другому, медленно, выразительно. Речь лилась плавно, без остановок. Мысли замедляли чтение. Когда нужно было перевернуть страницу, Надя поднимала взгляд и смотрела на Лозового.

Что же всё-таки тянет её сюда? Его неподвижное тело, лицо, его одиночество? Что? Она пыталась понять, зачем нужен ей этот человек? Ведь он всё равно никогда не увидит её. Не узнает, что она была здесь и хотела ему помочь.

Надя продолжила читать.

Переворачивая страницу, она подняла голову и замерла. Он смотрел прямо на неё. Глаза его чуть приоткрыты, тёмный взгляд из-под ресниц. Боясь пошевелиться, она смотрела в его глаза и чувствовала, будто проваливается в неизвестность. Несколько секунд показались вечностью. Будто неразрывная цепь сковала взгляды и притянула их друг к другу. Словно не было ничего вокруг, только маленький клочок земли. Надя почувствовала, что нет ни одной преграды в сердце этого человека. Вокруг всё исчезло, не было ничего, только этот взгляд, что проникал глубоко в душу.

Но вот ресницы его дрогнули, глаза медленно закрылись. Словно темнота объяла со всех сторон. Будто захлопнулась дверь, в которую Надя так хотела зайти, но не успела. Веки его сомкнулись, и мечта, которая вот-вот должна была исполниться, навсегда прекратила существование.

Глупая надежда. Глупые мечты. Зачем они закрадываются в душу? Живут там. Разрастаются и не дают покоя. Чего

ждать, если нет даже намёков на их исполнение? Чего ждала Надя? Она не знала. Лишь надеялась, что он очнётся, поговорит с ней. А она успокоит его и скажет – всё хорошо. Скажет, что жизнь не кончена и есть ещё много путей, по которым можно пройти. Он поправится, и она будет рядом.

Но момент ушёл и больше не возвращался. А она сидела и всё ждала. Ведь так много она хотела ему сказать, но было уже поздно.

Послышались шаги. В комнату вошла медсестра. Надя обернулась.

– Мне показалось, что он посмотрел на меня, – сказала она.

– Да, такое бывает, но это бессознательно, – ответила медсестра.

– Он что, ничего не понимает? – с беспокойством спросила Надя.

– Нет, – девушка подкрутила регулятор подачи лекарства.

«Вот и всё. Он ничего не понимает. А если это не так, но они не знают? Ведь его взгляд был осознанным. Я уверена – он что-то хотел сказать мне, но не мог», – думала Надя и наблюдала за действиями сестры.

– Поздно уже, ты бы шла отдыхать.

– Хорошо, – Надя чуть задержалась у двери, чтобы ещё раз посмотреть на Лозового. – Спокойной ночи.

– И тебе тоже, – откликнулась медсестра.

Уже в кровати Надя вспоминала всё. Она не могла поверить в то, что смотрел он неосознанно. Представила его глаза, вспомнила ощущение единства. А если ошиблась? Выдала желаемое за действительное. Показалось. Да, скорей всего, так и было.

Надя беспокойно поёрзала. Натянула одеяло и стала засыпать.

Глава 18

В субботу, как всегда, Зоя Семёновна собралась на рынок. В полвосьмого вышла из подъезда. Поёжилась, вдохнула чистый утренний воздух, осмотрелась. Двор пуст. Выходной.

На рынке Зоя Семёновна остановилась поболтать с парой знакомых. Купила продуктов и поспешила домой, чтобы успеть приготовить обед и сходить в больницу. Хотела порадовать Надю тем, что Володька купил вчера ванночку для маленького Андрюшки, а соседи Ермольниковы отдали детскую кроватку. Все эти мелочи радовали Зою Семёновну, ведь теперь у неё есть внук. Она хотела поскорее увидеть его и начать заботиться. Понятно, хлопот прибавится, но они такие долгожданные.

С этими приятными мыслями женщина вышла во двор и не сразу заметила суматоху у второго подъезда. Народ собрался, рядом полицейская машина и скорая помощь. Зоя Семёновна не удержалась и решила подойти поближе. Тяжёлые сумки с продуктами не позволяли идти быстро. Пока она подходила, из подъезда вынесли носилки и погрузили в машину скорой помощи. Тут же скорая уехала, и люди начали расходиться. Остались несколько человек, заинтересованных.

Тут были Татьяна Кирилловна, Бубенцова, Фёдорович, тётя Маша и другие. Они что-то увлечённо обсуждали. Люд-

мила первая заметила Зою Семёновну.

– Зоя, ты опоздала! Тут такое! – с жаром накинулась на женщину Бубенцова.

– Кого это забрали? – спросила Зоя Семёновна.

– Светку – убили! – с выпученными глазами приблизила лицо Людмила, стараясь опередить всех и первой рассказать Зое Семёновне событие.

– Как убили? Что ты болтаешь? – не поверила женщина.

– Это ещё неизвестно, – вмешалась в разговор Татьяна Кирилловна. – Возможно, она сама упала и ударилась головой. Не наводи, Люда, напраслину.

– Что? Я навожу? Ты видела, какие к ней ходили – самые что ни на есть убийцы. А рожи их ты видела? Во! – и Людмила показала на своём лице что-то, по её мнению, страшное и отвратительное.

– Так она что, умерла? – испуганно спросила Зоя Семёновна.

– Конечно умерла! Её же убили! – ответила Бубенцова.

– А я думаю, – тут вмешался Иннокентий Фёдорович, – это тот Мишка, который в последнее время к Светке зачастил. Или его бывшая – Любка. Помните, она Светке приходила скандал закатывать. Что, мол, Светка, этого Мишку отбила.

– А вы видели, какая у него рожа, как будто всю ночь, черти горох толкли. Тьфу, – подхватила Бубенцова.

И они снова взялись за обсуждение убийства, не обращая

внимания на Зою Семёновну. Татьяна Кирилловна оттянула её в сторону.

– Нужно Надюше сказать как-нибудь помягче.

Зоя Семёновна испуганно глянула. Она сама была немного в шоке, но при упоминании о Наде встрепенулась и закивала.

– Да-да, я всё сделаю.

– Зоя, – серьёзно посмотрела на женщину Татьяна Кирилловна. – Возможно, здесь действительно было убийство – ещё неизвестно.

– Ужас, вот беда-то, – покачала головой женщина.

– Да, невесело, – согласилась другая.

– Пойду, нужно к Наде собираться, – взялась за сумки Зоя Семёновна.

– Как там она?

– Неплохо. В понедельник, может, уже выпишут.

– Привет передай. Хотя, какой тут привет.

Зоя Семёновна кивнула и направилась к своему подъезду.

«Да – дела, – думала она. – Не было печали. Видать, не отпускает Надю злая доля. Всё сыплются несчастья. И за что ей такое выпадает? Как же я скажу? Ох, не знаю».

Они сидели на лавке в тихом скверике. Свекровь теребила ручку сумки, избегала смотреть в глаза. Надя заметила неладное, насторожилась.

– Что-нибудь случилось? – не удержалась она.

Женщина смутилась, ведь она никак не могла придумать, с чего начать. По дороге вроде подготовила слова, которые скажет, но теперь всё забыла.

– Надюша, твоей мамы больше нет. Она умерла.

Надя смотрела на свекровь круглыми глазами и словно не понимала, что та говорит.

– Твоя мама умерла. Её больше нет, – повторила женщина, и в глазах её показались слёзы.

Вдруг Надя произнесла:

– Да?

Прошло несколько минут, прежде чем она заговорила снова.

– А почему? Что с ней случилось?

– Она упала с лестницы, ударилась головой.

Надя задумалась.

– Вам не кажется это странным? – она посмотрела на Зою Семёновну.

– Что?

– Я упала и ударилась головой – но жива, а она – умерла, – Надя снова застыла и всё смотрела перед собой.

– Да, это просто случайное совпадение, – возразила Зоя Семёновна, но про себя подумала – действительно странно.

Они ещё немного посидели молча. Надя в глубокой задумчивости. А Зоя Семёновна не хотела её тревожить. Она была удивлена странным поведением невестки. Ни слёз, ни звука.

В этот же день Надя собрала вещи и ушла из больницы.

Глава 19

Через несколько дней забрали из больницы маленького Андрюшу. Жизнь семьи Гороховых потекла по-новому. В заботах не оставалось времени для грусти.

Тихое спокойствие Нади скрывало страдание и чувство вины. Иногда она плакала ночами. Жалела себя и свою мать.

Прошло много дней, прежде чем Надя решилась пойти к себе домой. Но однажды всё-таки, повернула ключ в замке. С порога – запах сырости и испорченной пищи. Везде погром.

Надя остановилась посреди комнаты и огляделась. На полу возле ящика разбросаны газеты, журналы, фотографии. Надя нагнулась и подобрала одну. Грязная карточка, на ней – мама. Красивая. Улыбается.

Надя присела на край грязного табурета и закрыла лицо руками. Сколько так просидела, неизвестно. Только когда уходила из квартиры, в голове созрело важное решение.

Всю следующую неделю с утра и до позднего вечера Надя драила, мыла, стирала, выносила мусор. Днём оставляла Андрюшку у Татьяны Кирилловны, иногда забегала, справиться о нём. Вечером приходила очередь Зои Семёновны.

Иногда приходил Володька, ремонтировал испорченную мебель, электропроводку. Он чувствовал перемену, но молчал. Как-то вечером он стоял на табурете в зале и прилаживал новую люстру. Надя остановилась в дверном проёме.

Немного постояла, а потом сказала:

– Я хочу развестись.

Он медленно обернулся. Соскочил с табурета.

– А как же Андрюшка? – спросил он.

– Будет со мной.

Володька присел. По правде, он сам частенько задумывался об этом, но предлагать такое не решался. Известно, почему. Ему давно хотелось освободиться. Он был не против заботиться, но лучше помогать на расстоянии. Он устал, хотел независимости. Лямка, которую он тянул, порядком уже надоела. Предложение Нади прозвучало как раз кстати. Почему бы не развестись, если она сама предлагает. Живут в одном дворе, от Андрюшки он не отказывается, будет помогать.

– Хорошо, – сказал Володька и снова встал на табурет.

На том и порешили.

Конечно, важно и то, что скажет Зоя Семёновна, но решение Нади было твёрдым. Любви, такой, как полагается, у них с Володькой никогда не было. Свекровь поймёт.

В середине октября Надя собрала свои и Андрюшкины вещи. Зоя Семёновна всплакнула. Сели на кухне друг против друга.

– Ты, Надюша, приходи к нам, когда захочешь. Мало ли чего понадобится, или просто поговорить, – утирая слезу, сказала женщина.

– Обязательно буду приходить. – Надя положила руку на широкую ладонь свекрови. – Роднее вас, у меня никого нет.

– Ты знаешь – ты мне как дочь. Конечно, если бы всё было по-другому, я бы не разрешила вам расходиться. Но складывать то, что не складывается, неблагодарное дело. У вас ещё столько впереди. Я одного желаю больше всего на свете – чтобы ты была счастлива, чтобы Володька был счастлив. Что поделаешь, ну не получилось. Значит, не судьба.

– Спасибо вам за всё, – сказала Надя.

В кухню вошёл Володя, увидел слёзы матери.

– Вы, как вроде навсегда расстаётесь. Живём ведь напротив, не забыли?

– Ох, сынок, одно дело жить рядом, а другое, как раньше, – вздохнула Зоя Семёновна и встала. Она обняла Надю, громко чмокнула её в щёку и уже повеселее сказала:

– Ну, с Богом.

Все, кто сидели в этот день на лавке, наблюдали, как Надя с ребёнком на руках и Володька с сумками прошли через двор и скрылись во втором подъезде.

– Кажись, опять переселяются, – сказала тётя Маша.

– Точно, – подтвердил Фёдорович.

– Наверное, с Зойкой поцапались, – предположила Людмила.

– Напрасно вы так рассуждаете, квартира-то теперь свободна. Нужно занимать. Дело молодое, – вступился Фёдорович.

вич.

– Всё-то вы знаете, – огрызнулась Людмила, она каждый раз пыталась переспорить его. – А я вам гарантирую, неспроста это. Вечно у них что-то происходит. Ну и семейка.

– Что да, то да, – подтвердила тётя Маша. – Это ты точно подметила.

Тихо жила Надя в своём новом доме. Заботилась о малыше. Хлопотала по хозяйству. Не забывала навещать свекровь. А иногда Зоя Семёновна заглядывала в гости. В общем, немного изменилось, отношения прежние. Володька часто заходил, погулять с сыном да починить, если что сломалось.

Новый дом и, кажется, снова – новая жизнь

Глава 20

Когда жизнь становится стабильной, течение времени незаметно. Однообразие дней, измеряется лишь незначительными моментами, которые отделяют один промежуток времени от другого. Нет желания перемен. Зачем что-то менять, когда, наконец достигнуто спокойствие? Нет тревог. Монотонность затягивает, словно тихий омут. В нём уютно и безмятежно. И не хочется выбираться наружу. Кажется, сделай движение, и безмятежные дни уйдут. Вот и не нужно. Зачем?

Но иногда в ровном существовании становится скучно. Тоскливо. Однообразие дней угнетает, и в какой-то момент захватывает желание перемен. Приводит в смятение мысли. Точит молодое сердце беспокойными каплями. Вселяет надежду. Ждёт случая. Чего-то иного. Непривычного. Встряски. Небольшой, но хорошей. Появляется желание поменять траекторию движения. Встать, идти, или бежать. И делать, делать, делать.

Два с половиной года стабильной жизни Надя жила по инерции. Спокойствие и уют её дома не нарушался ничем. Повседневные заботы не были в тягость. Но иногда задумывалась она, и мысленно заглядывала за пределы двора. Она мечтала, но мечты, казалось, не были реальными. Только лишь немного скрашивали однообразное существование.

Дни шли за днями. Вроде всё хорошо и спокойно, но их монотонное течение начинало тяготить. Так не должно продолжаться всегда. Нужно что-то делать. Не сидеть, словно в клетке.

Подрастал Андрюша. Весёлый любознательный мальчуган. Володькина копия. Этот маленький человечек стал настоящим открытием для Нади. Она любила за ним наблюдать, и не была строгой.

Новое чувство, неведомое раньше, поселилось в сердце. Никогда Надя не знала такой любви. Она могла бы любить мать, но та не дала такой возможности. Пыталась полюбить Володьку, но эта любовь была просто придуманной. Надя любила Зою Семёновну, но это другая, совсем не такая любовь.

И вот теперь сын оказался центром до сих пор неизведанных чувств и эмоций. На него Надя выплёскивала потоки нежности, какие не дарила ещё никому. Он заполнил пустоту в её сердце, и теперь Надя знала своё предназначение. Она стремилась быть самой лучшей мамой на свете.

Заботы о сыне приносили большую радость и удовлетворение, но порой вечерами, когда Андрюша засыпал, Надю охватывало тоскливое чувство одиночества.

Но эти два года не прошли даром, они многое изменили. После рождения ребёнка Надя слегка поправилась, тело её будто дозрело. Угловатость подростка, сменила женствен-

ность юности. Мягкие линии угадывались под одеждой. Движения плавны и неторопливы. В голосе бархатистые нотки сквозили спокойствием. Надя – стала другой.

Она смотрела в зеркало и понимала, кого видит. Свою мать, но юную и свежую. Какой сохранили её образ старые пожелтевшие фото. То, что Надя видела, и радовало, и печалило.

Одевалась она очень скромно. Нового не покупала. Татьяна Кирилловна заразила шитьём. И, бывало, до поздней ночи Надя засиживалась за перешивкой.

Вместе с развитием тела происходило и созревание ума. Ростки, которые посеяла в нём Зоя Семёновна, когда приняла у себя Надю, разрослись в цветущие растения. Доброта, отзывчивость, сердечность глубоко укоренились в сознании. Порой Надя сама не понимала, как могла быть другой. Простая и скромная она стала совсем доверчивой, за что не ругала её Зоя Семёновна.

Не то чтобы Надя совсем ничего не понимала, она просто не чувствовала обмана, и ни в чём не видела злого умысла. Она верила в людей и не ждала ничего плохого. А раз многие вопросы приходилось решать самой, то в характере её наряду с мягкостью появилась и тихая твёрдость. Она совсем не была простушкой, но всё же на первом месте – доверие.

А пока не попадались на её пути люди, которые стремились бы обмануть. Поэтому и не приходилось стоять перед трудными вопросами. Будучи прилежной ученицей в жиз-

ненной науке, она старалась принимать правильные решения. И строго, без поблажек, давала себе отчёт.

Ещё не совсем уверенно, и словно заново, она усваивала понятия отношений между людьми. То, чего она хотела, к чему стремилась, вырисовывалось размыто. Медленные но верные шаги самопознания она делала, задумываясь и взвешивая каждый из них. Больше всего Надя боялась оступиться и запутаться. Боялась возврата к прошлому, и не позволяла себе расслабляться.

Она ещё не имела чёткой цели, не знала точного пути, и пыталась нащупать и понять, верно ли следует. Всякий раз, перед тем как двинуться дальше, она задавала себе вопрос: «Правильно ли я делаю?» И когда отвечала: «Правильно» – это добавляло смелости и отбрасывало сомнения. Она понимала, что должна двигаться, а пока всё тихо и размеренно.

Чувство тоски всё чаще одолевало Надю. Порой она останавливалась у окна и долго смотрела во двор. О чём думала, и сама не знала. Разрозненные мысли бродили в голове. Но всё же в такие моменты она понимала – есть то, чего в её жизни недостаёт. Вроде бы всё хорошо, но чего-то не хватает. Некоторая пустота ощущалась в самом дальнем уголке сердца. А что делать, чтобы жизнь не казалась пустой? Возможно, просто нужно что-то поменять?

Вопросы, вопросы. Но не находилось ответов.

Ей девятнадцать. Она стала немного мудрее, ровно на-

столько, насколько позволял узкий круг её занятий. И это не означало, что она совсем ничему не научилась.

Первое, что поняла Надя – теперь она ответственна за чью-то жизнь. Старалась оградить сына от маленьких дворовых опасностей, будь то жук или сломанные качели. Надя прочла пару книг по воспитанию детей, и теперь старалась неукоснительно следовать тому, что в них написано.

Второе, что помогли узнать книги – на свете бывает Другая Любовь. Любовь к мужчине.

Светлая, нежная, высокая, долгая, короткая, коварная, лживая, роковая, односторонняя, внезапная, терпеливая, страстная, неразделённая и любовь на всю жизнь. Все ранние представления о любви померкли и уступили место новым, более точным.

Но вот незадача, где взять её – такую Любовь. Ту, что на всю жизнь. Конечно, только ту, что лучше других. Сейчас, когда душа и тело требовали этой Любви, Надя была в совершенной растерянности. Ведь чтобы любить, нужны двое, а она одна. Надя чувствовала, что должна испытать – необыкновенное, неземное, лучшее.

И когда по вечерам, после дневных забот, стояла у окна и смотрела на яркие пятна чужих окон, она думала. Что там? Возможно, там живёт – Её Любовь. Её счастье.

В ответ на эти мысли, она вспоминала. Того мужчину, которого навещала в больнице. Вот его бы она полюбила. Всей душой, всем сердцем. Но его нет. Где он теперь – неизвест-

но. Жив ли? Умер? Кто знает...

Она вспоминала его. Засыпала, просыпалась, мыла посуду, стирала белье, гуляла с сыном – всякий раз любое течение мыслей приводило к тому человеку.

Надя не знала, почему так происходило. Но она не могла назвать это любовью, лишь – неосуществимой мечтой.

Ведь чтобы любить, нужны двое, а Надя одна.

Глава 21

Неожиданно решение подсказали обстоятельства.

Соседка Татьяна Кирилловна зашла вечером к Наде. Она часто приносила гостинцы для Андрюши или просто заходила поболтать.

За окном кружит снег. В маленькой кухне тепло и уютно. На столе в больших чашках крепкий чай. Вазочка с вареньем. Полное блюдо только испечённых пирожков с яблоками.

– Почему бы тебе не отдать Андрюшу в детский сад? – сказала Татьяна Кирилловна. – Ты могла бы устроиться на работу.

– Я тоже об этом думала, – ответила Надя. – Но мне кажется, он ещё слишком маленький.

– Самсонова Ирка свою девочку оформила в ясли и на работу вышла. А ведь её Насте только два исполнилось. И ты можешь. Андрюше-то почти три, чего ждать. Скорее отдашь – скорее дитё привыкнет.

– Ну, не знаю. Может, весной, – Надя встала, заглянула в комнату, где спал Андрюша, тихо сказала: – Спит.

– Правильно – весной. А пока можно справки собрать, как раз к теплу и пойдёте, – Татьяна Кирилловна с наслаждением жевала пирожок. – Какие вкусные пирожки, небось, све-кровь научила? Зоя Семёновна в этих делах специалист.

– Конечно она, кто ж ещё.

– Запишешь рецепт. А с садиком не откладывай. Дома-то весь век не просидишь. А работать пойдёшь, хоть какое-то общение. Я-то знаю, сама всю жизнь на почте, так хоть среди людей. А сейчас вышла на пенсию, и не вижу, куда себя приткнуть. То к одним схожу, то к другим. Но каждый же день ведь не будешь по гостям бродить. Надоест недолго.

– Только не мне. К нам можете хоть каждый день придать.

– Добрая ты, Надюша, ох и добрая. Смотри не обожгись. Люди, знаешь, разные бывают.

– Так и вы добрая, тётя Таня, – улыбнулась Надя.

– Ну, я другое дело. Я уже старая, а ты молодая, неопытная. Что толку, хоть и замужем побывала.

– Да ведь без толку, наверное, ничего не происходит, всё к чему-то делается.

– Это точно. Вон у тебя теперь какой парень растёт. Залюбуешься. А шустрый, диву даюсь. Верно в Вовку – непоседа.

Надя улыбнулась.

– Как ни крути, Надюша, а должна ты и о себе подумать. Вижу я твою тоску. Может, я здесь и не советчица, но только ты меня послушай и не смейся. Ты девка молодая, и не будет никакой корысти в том, что ты себя в четырёх стенах заперла и сидишь, ни шагу за порог ступить не можешь. Ты понимаешь, что я имею в виду.

– Не знаю, – неуверенно произнесла Надя.

– Вижу я. У тебя же в глазах всё написано. Поэтому и говорю – ты должна найти себе работу, да чтобы среди людей, – настаивала Татьяна Кирилловна.

– Я и сама это понимаю. Надеюсь, к весне и Андрюшу в садик оформлю, и работу поищу.

Но всё уладилось гораздо раньше. Знакомая медсестра Татьяны Кирилловны помогла быстро собрать справки и пройти комиссию. А знакомая Зои Семёновны нашла Наде работу – уборщицей, в одном из маленьких магазинчиков, через три автобусных остановки от дома.

Никогда Надя не думала, что станет уборщицей, но и не строила иллюзий. Сейчас это оказалось самым удобным. Работа только с утра, целый день свободна.

Вот с тех пор начались для Нади трудовые будни.

Часть 2

Глава 1

– Андрюша, завтрак готов, – растягивая слова, как в песне, прокричала из кухни мама.

– Угу, – отозвался Андрей.

Каждое утро он не мог заставить себя подняться с кровати, но аромат кофе будил окончательно.

На часах семь. Быстрее, быстрее. Андрей старался всё успеть, но всякий раз, что-то забывал. Если бы мама не жалела, тормошила посильнее, вставал бы раньше. Она – жалела. Он – опаздывал.

Из прошлого почти ничего не осталось. Нарушение памяти – после аварии. Как ни всматривался в фотографии, всё бесполезно. Маму помнил. Больше никого. Жизнь свою восстанавливал по маминым рассказам.

В той страшной аварии погибли жена и сын. По фотографиям Андрей знал их лица, но не мог вспомнить, как жили вместе, что чувствовал, как любил. Ничего.

Иногда он напрягал память, пытался хоть что-то выудить из тёмной глубины, куда попали все воспоминания. Но от этих усилий начинала страшно болеть голова. Он надеялся,

всё придёт само собой. Ощущения. Чувства.

Когда Галина Васильевна Лозовая – мать Андрея – получила известие о том, что сын и его семья пострадали в аварии, немедленно собралась в дорогу. Почти неделю добиралась поездом. Когда приехала, Соню и Ванюшу уже похоронили родители Сони.

Андрей в реанимации. Каждый день между жизнью и смертью. Разное слышала Галина Васильевна, то ему лучше, то хуже. Врачи то радовали, то огорчали. Нервы на пределе. Ожидание, что придёт врач и скажет – нет больше вашего Андрюши. Сколько слез выплакала. Страх потерять сына не отпускал ни на минуту.

Но Андрей выжил. Кости срослись. Спустя столько времени только лёгкая хромота напоминала о пережитом.

Был один из тех мартовских дней, когда по обочинам ещё виден грязный снег, но тротуары сухие и чистые. Бледное небо над головами прохожих. Деревья невзрачными фигурами. Путь Андрея – несколько кварталов. Каждый день в восемь утра он выходил из дома и пешком шёл на работу. Врачи советовали больше двигаться. По дороге заворачивал в маленький магазинчик, купить сигарет.

В этот день, как обычно, он брёл по тротуару и совсем не смотрел по сторонам. Мысли бродили где-то в квартальном отчёте. Завернул в магазин. Открыл дверь. Подождал, пока

уборщица, белокурая девушка, протрёт у порога пол, и зашёл внутрь. С минуту постоял у витрины. Продавец сняла с полки пачку сигарет и приветливо улыбнулась. Уголками губ ответил. Положил деньги, сунул сигареты в карман и повернул к выходу.

У двери уборщица в свитере и джинсах склонилась над ведром. Волосы упали на лицо. Когда она выпрямилась, взгляд её робко скользнул по Андрею. Потом, она расправила тряпку и стала прилаживать к швабре. Вдруг движения её замерли. Девушка выпрямилась, медленно повернула голову и посмотрела на Андрея открытым взглядом. Во взгляде этом замер вопрос. Какой – неизвестно, но точно вопрос.

В этот момент что-то произошло. Андрей смотрел на девочку и не мог ничего понять. Время будто остановилось. В глубине её взгляда он увидел радость, тепло. Что-то родное и хорошее отразилось в нём. Андрей знал и помнил это лицо. Точнее, сейчас вспомнил, прямо в эту минуту. Если бы девушка подошла и поздоровалась, то всё бы сразу стало понятно, но она стояла с тряпкой в руке и не двигалась. Только смотрела.

Всего несколько мгновений.

– Надя, иди, протри в кабинете, – послышался голос, девушка подхватила ведро и швабру и ушла.

Андрей быстро вышел на улицу. Постоял на крыльце. Может, вернуться и выяснить?

Кто она? Почему посмотрела так, как будто его знает? Он

уже видел эти глаза, лицо, волосы. Но где, когда?

Весь день он думал об этой встрече. Пытался понять и представить, что могло быть общего у него с этой девушкой. Она – уборщица. В магазине. Андрей заходил туда каждое утро, но её увидел впервые. Ещё и ещё раз он прокручивал в памяти утреннюю встречу. Его тянуло туда, в этот магазин. Хотелось очутиться там и снова посмотреть ей в глаза.

Узнать, кто она?

Отчёт не клеился. Андрей нажал кнопку, дверь отворилась и вошла секретарь, стройная брюнетка Лиза, которая была на высоченных каблуках. С её появлением в кабинет проник загадочный аромат духов.

– Вызывали, Андрей Александрович? – заискивающе спросила она.

Не глядя, он бросил на край стола папки.

– Доделайте это, – сказал он несколько грубовато и нетерпеливым жестом толкнул документы.

– Хорошо, Андрей Александрович, – она подхватила папки и скрылась за дверью.

И опять он окунулся в размышления. Каждый день он думал об одном и том же. Хотел всё вспомнить. Жизнь до аварии, семью, себя. Но проходили дни, недели, месяцы, а всё, что он знал, это то, что есть мама, фирма и подчинённые ему люди. А до этого всё тайна.

А теперь ещё и эта девушка.

Глава 2

Семь лет назад отец Андрея погиб автомобильной катастрофе. Он был рискованым человеком, любил скорость. Любовь эта его и погубила. После смерти отца, Андрей стал хозяином солидной станции техобслуживания автомобилей.

Мать Андрея ушла от отца гораздо раньше. Не выдержала взрывного и любвеобильного характера мужа. Уехала в Хабаровск, досматривать мать. Там и осталась.

Как и отец, Андрей любил машины и скорость. На дороге для него не существовало правил. Уверено и нагло, не замечая ничего вокруг, ездил, как хотел. Гаишников не боялся, многие из них – его клиенты. А если даже штраф – тьфу, ерунда.

Заметная его фигура, высокая, крепкая, всегда производила впечатление. Кто видел его впервые, понимал, что перед ними человек властный. Пронзительный взгляд не оставлял сомнений. Андрей нравился многим женщинам, но немногие женщины нравились ему. Этим он и отличался от отца.

С подчинёнными Андрей не церемонился, властвовал, как властвовал когда-то его отец. Самоуверенный. Жёсткий. Делал, что хотел, и разрешения не спрашивал. Сотрудники фирмы его побаивались. Но он давал работу, хорошую зарплату. А значит, нужно молча терпеть характер хозяина. Кто

не мог терпеть – уходил.

С приходом Андрея к управлению фирма заметно расширилась благодаря его деловому чутью и интуиции.

В двадцать семь лет он увлёкся дочерью одного из мастеров. Через год женился. А спустя ещё год она родила сына. Браком Андрей был доволен вполне. Он почти всё время проводил на работе. Жена Соня занималась домашним хозяйством, воспитывала ребёнка. Иногда ей приходилось терпеть взрывной характер мужа. Довольно часто он возвращался домой раздражённый и злой. Временами совсем не приходил. Но говорить ему о недостатках было непозволительно. Поэтому она молчала. Да и обеспеченная жизнь крепко держала Соню.

Андрей очень любил сына. Мальчик был похож на него, так же, как сам Андрей похож на своего отца. В них чувствовалась порода крепких самцов. Сын и работа – только это было действительно важно. Всё остальное второстепенно и лишь использовалось по назначению. Окружающие чувствовали свою незначительность в присутствии Лозового. Даже Соня, которая любила Андрея, понимала, что она всего лишь мать его ребёнка.

Нужно всё же признать, Андрей обладал и другими качествами. Он был вспыльчив – но отходчив, жесток – но справедлив, порой агрессивен – но и добр. Только в соотношении более человеческие черты сильно уступали всем остальным.

А с другой стороны, будь он мягким и добрым, возможно, не достиг бы результатов, которые имел. Ведь настоящему лидеру не должна быть помехой сентиментальная возня. Цель – только это главное.

В то утро Андрей, Соня и маленький Ваня ехали на загородную дачу. Как обычно, Андрей не в настроении. Угрюм. Жмёт на педаль газа. Накрапывал мелкий дождь. Машина на большой скорости неслась по мокрому шоссе.

Всё произошло неожиданно и быстро. За одним из крутых поворотов Андрей увидел велосипедиста, что ехал по краю шоссе, резко нажал на тормоз, крутанул руль в сторону. Машину занесло, потянуло и выбросило в кювет.

Об аварии рассказала мама, а ей врачи. Прошло около трёх лет, но он часто вспоминает тот день, когда вернулось сознание. Андрей открыл глаза и увидел маму. Она сидела у окна и читала газету. На кончике носа смешные очки. Маленькая, плотная. Короткие седые волосы. Постарела.

Давно забытое чувство шевельнулось где-то внутри. Андрей сделал движение, и она быстро встала и подошла.

– Мама, – шевельнулись без звука его губы.

Она ласково улыбнулась и положила руку ему на щёку.

– Сыночек мой, – подбородок её дрогнул.

– Как ты? – едва слышно спросил он.

– Ничего. Помаленьку, – вздохнула она.

Он смотрел на неё с давно забытой нежностью. Слеза не удержалась и покатилась по её щеке.

– Не плачь. Я в порядке, – попытался улыбнуться Андрей.

Они не виделись около десяти лет.

Глава 3

Теперь они жили вместе. Андрей уже не позволял матери уехать. Да она и не сопротивлялась. Незачем было возвращаться. Несколько лет назад мать Галины Васильевны умерла. У самой тоже здоровье уже не то, да и возраст. Куда ехать, зачем? Теперь тут её заботы. Давно её сюда тянуло. Но тогда никто не звал, а теперь сам Бог велел. Вот и осталась.

Она видела и чувствовала, как изменился Андрей. Что-то надломилось в нём. Когда-то вулкан, теперь словно пепелище. Серьёзный и замкнутый, он вздрагивал, когда она входила в комнату. Если раньше страшно было смотреть на его гнев, теперь тяготила его грусть. Он будто потух. На время или насовсем? Неизвестно.

Слишком хорошо она помнила, что позволял себе его отец. В ярости он мог унижить, оскорбить, даже ударить. Но и Андрей позволял себе такое. Сына она оправдывала наследственностью и отцовским влиянием. И всё же надеялась, что он изменится. Глупо, конечно, как может перемениться взрослый человек? Но ей так хотелось.

Теперь он стал другим. И она решила, именно сейчас появилась возможность исправить все ошибки. Сейчас он доверял только ей. Слушал только её. Галина Васильевна чувствовала – вот сейчас он, её сын, учится жить по-другому. По-новому. А она старалась быть рядом.

Но иногда спящий вулкан всё же напоминал о себе.

На следующее утро после встречи в магазине всё было как всегда. Мама крикнула из кухни, что завтрак готов, по квартире разнёсся аромат свежесваренного кофе. Андрей поёрзал в постели, резко поднялся. Умылся. Оделся. Расправился с завтраком, поцеловал маму и вышел.

Моросил мелкий дождь со снегом. Андрей вернулся, взял зонт и вышел на улицу вновь. Ноги будто сами понесли. В какой-то момент заметил, что идёт чуть быстрее обычного, даже больную ногу почти не чувствует. Настроение хорошее и противному дождю его не испортить.

Вот и магазин. Андрей вошёл, огляделся, прислушался. Полки, прилавок. Где-то за дверью слышно радио. Продавщица посмотрела приветливо, кивнула. Андрей замешкался, сделал вид, будто что-то выбирает, снова огляделся. Ничего нового, всё то же. Пока он делал сосредоточенный вид, вошли люди. Кивнул на сигареты, расплатился, повернул к выходу, глянул на пол.

Пол вымыт.

«Значит, я опоздал», – подумал Андрей, и хорошее настроение сразу улетучилось.

На следующее утро всё повторилось. Так несколько дней. Андрей ходил чернее тучи. А причину и сам себе не мог объяснить.

Вечером попросил маму разбудить пораньше, сослался на

важные дела фирмы. В полвосьмого утра, ещё до открытия магазина, он уже стоял под дверью. Андрей приложил руку к стеклу и заглянул внутрь. То, что он увидел, обеспокоило и огорчило. Пол мыла другая женщина.

Андрей резко развернулся и зашагал прочь.

«Хватит, – подумал он раздражённо, – хватит уже. Чего я сюда бегаю? Что мне нужно? Ну, увидел кого-то, неизвестно кого. Да кто угодно может смотреть на меня, но ведь это ничего не означает. А я, как пацан, околачиваюсь тут. Мне тридцать пять лет, и как дурак бегаю, неизвестно за кем. Именно бегаю – по-другому и не скажешь. Всё, хватит. Буду жить спокойно. Никто меня не интересуется, ни в этом магазине, ни где-то ещё».

Но не так случилось. На следующее утро ещё издалека увидел девушку, уборщицу. Она мыла крыльцо. Потёртые джинсы, растянутый свитер.

От неожиданности Андрей остановился. Забыл обо всём, о чём думал вчера. Он наблюдал со стороны и пытался понять, отчего казалось, что её он знает. Откуда? Она слишком проста. Не мог он её знать.

Тем временем она выкрутила тряпку и кинула на ступеньку. Взяла ведро, подошла к ближайшей клумбе и выплеснула воду. Андрей успел разглядеть её лицо, оно действительно казалось знакомым. Тут девушка заметила Андрея, на мгновение остановилась, потом взяла тряпку и вошла в магазин.

Теперь Андрей понял, он должен что-то сделать. Ведь не

мог он просто взять и уйти. Нужно разобраться в вопросе здесь и сейчас. Подойти и поговорить было самым лёгким и понятным решением. Но он не решался, и это злило. Немного потоптался у порога. Подождал.

И в этот раз плюнул и ушёл. Потом весь день ругал себя. Отчего не подошёл сразу, когда она мыла крыльцо и не заговорил? Упустил момент, а теперь если подойдёт, будет выглядеть настоящим болваном.

Мысли Андрея летали где-то возле магазина или в нем, только не на работе. Рассеяно он перебирал документы и не совсем понимал, что делает. Ходил по кабинету, но не мог сосредоточиться.

В какой-то момент он почувствовал, что даже не загадка, которая заключается в этой девушке, а сама девушка манит его, как магнит. И уже неважно, как и когда она посмотрела. Важно, что она есть. А ему отныне нет покоя.

И он пытался понять, почему она – уборщица в растянутом свитере, так прочно обосновалась в его мыслях?

Глава 4

Резко зазвонил телефон. Вернул Андрея из лабиринта мыслей в четыре стены кабинета. Нехотя нажал кнопку.

– Андрей Александрович, – послышался из динамика голос Лизы, – пришёл Валевич, просит принять.

– Пусть войдёт.

Дверь открылась, на пороге показался старший механик Степан Валевич. Лет пятидесяти, тёмное лицо и руки. Смелый взгляд из-под густых бровей. Бронзовая от загара шея, грязный мандариновый комбинезон. Он вошёл в кабинет, прикрыл дверь. Поздоровались. Валевич сел без приглашения.

Он работал на станции с тех времён, когда отец Андрея купил небольшой ангарчик на пару тройку машин. Благодаря умелым рукам Валевича строилась и процветала фирма Лозовых. Потом были и другие мастера, но Степан считался спецом высокого уровня. Если в мастерской проблема, к хозяину шёл Валевич. Он единственный, кто не боялся гнева Лозового. Роль громоотвода давно была Степану привычна. Порой дело решалось прямо в кабинете, без выхода хозяина в мастерскую. И тогда все облегчённо вздыхали.

– У нас проблема, – серьёзно сказал Валевич.

– Говори, – недобро буркнул Андрей.

– Вовка Горохов Тойоту немного попортил, – Валевич по-

смотрел прямо в глаза Андрею.

Лицо Лозового резко изменилось. Валевич знал эту перемену, не в первый раз был её свидетелем. Лозовой вскочил, с силой толкнул дверь и быстро вышел из кабинета.

Валевич последовал за ним. В приёмной он обменялся взглядом с Лизой, она вздохнула и сочувственно развела руками. Она знала, что новости плохие, если пришёл сам Валевич.

Лозовой слетел с лестницы, словно коршун. В здание мастерской он внёсся уже как ураган. Громогласные потоки брани он сопровождал угрожающими жестами. Голос его эхом разносился по огромному помещению длиной как супермаркет. Кучка людей собралась возле серебристой Тойоты. Они спорили, но как только услышали голос Лозового, все притихли.

От возбуждения Андрей сильно хромал, глаза налились кровью, как у разъярённого быка.

– Где этот идиот? – орал Андрей. – Где он?!

Группа людей расступилась, подставляя жертву палачу.

Володька, будто дурачок, с глупой улыбкой на лице. Казалось, он ждал, что его сейчас будут бить, и был к этому готов.

Лозовой быстро осмотрел помятый бампер и повернул к Володьке некрасивое в гневе лицо.

– Ты что совсем debil?

Минуты две Лозовой крыл Володьку выражениями, какие используют большей частью люди грязного физического тру-

да, да и то в редких случаях. Его словесные излияния заставляли краснеть даже бывалых мастеров. Во время таких речей, понятное дело, все молчали. Им были привычны подобные тирады хозяина, и все по опыту знали, вмешиваться нельзя.

– Отремонтируешь машину за свой счёт и быстро, чтобы я не успел этого заметить. Как такие придурки на свет родятся?.. – и ещё минута отборных ругательств.

Лились потоки брани на голову бедного Володьки.

Такие скандалы заканчивались всегда одинаково. Лозовой выговаривался сначала на виновника происшествия, затем на окружающих, иногда что-то ломал, что-то бросал, а потом уходил. Все это знали, и привыкли к одному и тому же сценарию. Но неожиданно произошло то, что немного изменило цепь событий и, к удивлению присутствующих, усмирило хозяйский гнев.

Андрей так увлёкся, что не услышал шагов.

Вдруг женский голос прервал его неделикатную речь:

– Какое право вы имеете так унижать человека?!

В яростной злобе Андрей повернул голову, запнулся и оторопел. Но то, что он увидел, было настолько неожиданно, что слова застряли в горле.

В двух шагах от него стояла – Она.

Откуда она взялась? Откуда?

Стройная, светлая, красивая. Андрей подумал, что ему

показалось. Будто выдал желаемое за действительное, и теперь она всюду ему мерещится. Но нет, это в самом деле Она. Но только другая. Волосы мягко обрамляли милое лицо. Светлое пальтишко и по-детски розовые сапожки, всё это казалось нереальным и даже сказочным. Она, как добрая фея, прилетела, чтобы защитить человека от зла. Андрей вдруг совсем забыл, почему он здесь.

– Как вы можете так оскорблять человека?

Она стояла напротив него, словно лилипут напротив великана, маленькая и смелая. Во взгляде огонь, он перекрывал дыхание. Слова её били точно плетью, но Андрей не чувствовал этих ударов. Словно в тумане он стоял и не мог шевельнуться. Не мог поверить, это она – здесь, рядом.

– Вы кто? – прохрипел Андрей в недоумении.

На мгновение она смутилась, но в следующую секунду указала на Володьку:

– Я его жена!

Медленно, словно на это требовалось усилие, Андрей перевёл взгляд на Володьку. В этот момент Володька выглядел очень жалким. Он потупился и топтался на месте, будто ему было неловко, что его жена прерывает его же экзекуцию.

Она – его жена?

– А вы? – обратилась она к остальным. – Стоите и спокойно слушаете. При вас человека втаптывают в грязь. Эх вы, товарищи! Как вы можете терпеть это. Он не имеет никакого права так оскорблять людей. Он один, а вас вон сколько, и

вы позволяете одному человеку так с вами обращаться?

Все смутились. Не могли же они сказать, что привыкли, и ничего страшного в этом нет.

Она всё говорила, а Андрей почти не слышал её слов, только смотрел. Будто бы издалека доносился её голос. Люди и машины, все куда-то исчезли, была только Она.

Она замолчала, и он очнулся, огляделся вокруг. Дверь, которая выпускает гнев, – захлопнулась и Андрей почувствовал, что как будто избавился от долгого плохого сна. С удивлением он понял, что больше не может выдавить ни капли злости. Рассеяно повернулся и пошёл к выходу под испуганными взглядами рабочих.

В приёмной он прошёл мимо вскочившей было с места Лизы в свой кабинет. Там огляделся, будто не понял, куда попал.

– Да, – спокойно сказал сам себе, точно с чем-то соглашаясь. – Так и есть. – Взял пальто и вышел.

В каком-то баре в этот вечер он отчаянно напился. Неизвестно как пришёл домой. Мама открыла дверь, а он поплёлся мимо неё в спальню. Не раздеваясь, упал на кровать.

– Андрюша, что с тобой?

– Я не знаю, мама, – ответил он, засыпая. – Не-зна-ю.

Глава 5

Прошла неделя, за ней вторая. Март закончился, властвовал апрель. Весна медленно, но настойчиво, заполняла улицы. Последний снег таял, оставляя грязные лужи. Меж серых дождливых дней всё чаще случались дни тёплые. Высушенные апрельским солнцем тротуары заполонили сменившие гардероб люди. Воздух наполнялся неуловимым ароматом весны. Он словно заставлял проснуться и подумать о чём-то новом. О любви, радости, надежде. Перемены природы влияли на перемены в человеке.

После того дня Андрей не пытался больше увидеть Надю. Магазин он обходил стороной. А мысли о ней старался выбросить из головы. Она – чужая жена, достаточный повод.

Но не получалось. Бесконечно он вспоминал тот день в мастерской, когда она оглушила своим появлением, занозой вонзилась в сердце. Не мог забыть по-детски сердитое лицо, волосы цвета пшеницы, пальто, мягко обтягивающее талию. Голос, что звучал, словно мелодия, и нет сил забыть его ноты.

Хрупкая, но в тоже время сильная. Намного сильнее Андрея. Эта сила заключалась в пронзительных лучах, что исходили от неё. Они разрушали его волю и его гнев. В тот момент он почувствовал власть этой девушки над собой и понял, что пропал. «Не нужно вспоминать о ней – она жена

Горохова», – думал Андрей. Он уговаривал себя забыть, но не мог.

Что нужно сделать? Как забыть? Он пытался развлекаться с приятелями. Он пил до иступления, до беспамятства. Забывался. Иногда получалось. Чаще – нет. Утром, ещё находясь в состоянии между сном и явью, образ Нади первым вырисовывался в сознании.

Это было мучительно. Лишало надежды на то, чтобы выкинуть из головы всякое о ней напоминание. Андрей почувствовал, как заболел, но не болезнью, а одержимостью. Сознание как будто само по себе отказывалось принимать другие мысли, кроме самой нестерпимой. Андрей не умел страдать, поэтому, чтобы утешить тоску, он просто напивался.

Это не выход, но его воля и сила в чужих руках. Та, кому они принадлежали, даже об этом не догадывалась. Андрей удивлялся, отчего он не может разрешить эту задачу. Почему не действует, а только жалеет себя? Но он не мог, ничего не мог.

Она – уборщица, а муж её – Горохов. Вот и всё. Все доступные объяснения.

А тут ещё весна.

Кто придумал это время? Кто дал ему этот аромат? Кто заставил его так действовать на людей? Зачем? С какой целью?

Кровь Андрея кипела. Он не мог ни спать, ни есть. Ме-

тался и не знал, что ему, в конце концов, нужно. Невероятно трудными оказались попытки сдержаться. Трудней всего было обходить магазин. Каждый день Андрей пытался понять, почему должен это делать. Старался ответить на этот вопрос. А потом снова и снова повторял – «Чтобы Её – не встретить».

Ревность словно костёр сжигала изнутри. Он не понимал, что Она могла найти в таком парне, как Горохов. Как оказались вместе эти двое? Может, дружили со школы, или познакомились в парке на танцах? Все эти вопросы буравили сознание. Но когда он представлял, как Горохов лежит рядом с ней, прикасается, целует, Андрею хотелось пойти и на него наброситься. Сломать руку или ногу, всё равно.

«А что если она любит его? – задавал он себе вопрос. – Если у них любовь, тогда я тут при чём? Я ничего не смогу изменить. А что, собственно, я собирался менять? Убить его и завладеть ею? Смешно». И он пытался представить, как что-нибудь случается с Гороховым. Представлял, как тот попадает под поезд или летит с моста. Да что угодно.

С Гороховым Андрей старался не сталкиваться, чтобы не наговорить гадостей. В мастерскую заходил только в случае крайней необходимости. Рабочие перешёптывались, посмеивались. Или, может, это только казалось?

Из окна офиса виден двор мастерской. Сюда заезжают машины, туда-сюда снуют мастера и клиенты. Иногда Андрей видел Горохова. Он казался тупым и каким-то обыкновен-

ным. Что она могла найти в этом парне?

«Откуда он взялся? – думал Андрей. – Странно. Кажется, его порекомендовал Михалыч. Интересно, сколько лет он работает здесь? Раньше ведь я совсем не обращал на него внимания».

После сцены в мастерской Андрей стал ненавидеть Горохова тихой ненавистью. Он видел в нём соперника, более удачливого, хотя и слабого. Чувство гордости Андрея было задето при виде «дурака», обладающего драгоценным кладом.

Так и жил бы Андрей в муках, если бы не вмешались обстоятельства.

Глава 6

Неожиданностью для работников мастерской стало повышение зарплаты. Все шептались – это неспроста, что-то тут не так. Почему хозяин вдруг так расщедрился? Замучила совесть? Замаливает былые грехи? А может, ему что-то нужно?

Если бы когда-нибудь хоть один из них пришёл к Лозовому и сказал, что недоволен зарплатой, то, скорей всего, был бы спущен с лестницы. Это в лучшем случае. В худшем, попросту уволен. Поэтому довольствовались тем, что получали. Благо, хоть не хуже, чем у других, а иногда и лучше. Так чего жаловаться? Есть работа – хорошо, у других её вообще нет. Уходить в свободное плавание автослесари и электрики не решались, боясь потерять место на престижной техстанции. Но когда хозяин повысил заработок почти на двадцать пять процентов, это вызвало некоторую настороженность и удивление.

Но настораживаться, как оказалось, было незачем. Тот, кто сказал – заела совесть, оказался недалёк от истины. Андрей не сразу всё обдумал, но некоторые моменты Надиных слов всё же дошли до его сознания. Он не считал себя плохим человеком, и старался не совершать дурных поступков, но он не мог контролировать свою вспыльчивость. Понимал

это, и от этого не становилось легче.

Наоборот, после каждой такой истории, его сильно мучила совесть. Слишком долго он находился под влиянием своего отца, и очень глубоко засели вредные привычки. Ощущение власти над людьми понемногу разрушало другие, более человеческие черты его характера. Но он умудрялся всё же возвращаться к ним и сожалеть о поступках, совершенных в ярости.

Бухгалтер Анастасия Петровна работала на фирме с самого начала её открытия, ещё при Александре Николаевиче – отце Андрея. Она знала всё и обо всех. Многолетняя работа с семейством Лозовых научила выдержке и терпению. Поэтому бухгалтерша стойко выносила все истерики хозяев, не без ущерба для своего человеческого достоинства. Она давно приспособилась к условиям работы в фирме, и никакая передряга уже не могла выбить Анастасию Петровну из колеи.

В пятьдесят девять – очень подтянута и элегантна. Крашенные блондексом волосы чётко лежали в идеальном каре. Макияж, маникюр – всё, как положено элегантной женщине, следящей за течениями моды. На носу очки в позолоченной оправе. Она смотрела поверх них на собеседника, и казалось, что именно она управляет здесь всеми.

В кабинет Андрея Анастасия Петровна входила с видом хозяйки и покровительницы. Она единственная умудрялась

говорить с ним в моменты его ярости, и это его очень злило, но и ослабляло гнев. Она одна могла утихомирить Андрея, как утихомиривала когда-то его отца. Почти невидимое её влияние сказывалось во всем, что было хорошо для фирмы.

При всей любви к Лозовым, Анастасия Петровна всё же лучше чувствовала себя в общении с работающими на них людьми. Она была с рабочими и за рабочих. Поэтому все продвигаемые ею идеи служили только для пользы подчинённых. По возможности, и не в ущерб хозяевам. Ходили слухи, что она была любовницей отца Андрея. Будто именно из-за неё от него ушла жена. Но это были только слухи, ничем, собственно, не подтверждённые.

В дверь постучали. Анастасия Петровна вошла в кабинет.

– Можно, Андрей Александрович? – вопрос явно запоздал.

Он хмуро посмотрел на дверь, и взгляд его несколько смягчился.

– А, да-да.

– Я принесла личные дела, как вы просили. И учётные книжки, – она положила на стол увесистую папку.

– Да-да, присаживайтесь.

Она села напротив. Быстрым внимательным взглядом оценила его настроение и спокойно облокотилась на стол. Андрей пододвинул папку и начал перелистывать.

– А цифры? – спросил он, не поднимая взгляда от доку-

ментов.

– Вот, – протянула она другую папку.

– Хорошо, – и он погрузился в разглядывание записей.

Через пару минут Андрей откинулся в кресле и посмотрел на Анастасию Петровну.

– А когда в последний раз мы повышали зарплату?

– Так, сейчас посмотрим, – она подвинула папку к себе и полистала. – Ага, вот. Так, раз, два, три, четыре. Четыре года назад, – заключила она.

– Четыре года назад, – повторил Андрей.

Он встал, медленно прошёлся по кабинету, остановился у окна и с минуту смотрел во двор. Потом вспомнил о присутствии бухгалтерши и сказал: – Анастасия Петровна, я вас прошу сделать перерасчёт по зарплате и увеличить её на двадцать пять процентов.

– На двадцать пять процентов? – подскочила она. – Но это почти...

– Я вас прошу сделать это, – сказал он так, словно она хозяйка, а он подчинённый.

– Но можно сделать это постепенно. Иначе нужно будет поднять цены на услуги, – попыталась возразить она.

– Цены мы и так поднимем, это никуда не денется. Но сначала мы поднимем зарплаты, – сказал он, теперь уже тоном, не терпящим возражений.

Андрей подошёл к столу и открыл где-то посередине папку с личными делами. Получилась так, что открытая случай-

но страница оказалась с фотографией Горохова Владимира Михайловича. Андрей уставился на ненавистное лицо. Достал из файла бумаги, пролистнул их и бросил на стол. Но потом посмотрел более внимательно и вытянул один лист. Это была ксерокопия паспорта.

Анастасия Петровна притихла, ожидая других распоряжений, но Андрей резко сказал:

– Идите работайте.

Бухгалтерша подхватила документы и скрылась за дверью так быстро, что Андрей за своими мыслями не заметил этого исчезновения.

Глава 7

На копии паспорта Владимира Горохова стояла дата расторжения брака. Бывшая жена – Цветкова Надежда Александровна.

Впечатление, которое произвело это открытие, было подобно маленькому грому внутри. Сначала Андрей растерялся, стоял и смотрел на кусок бумаги.

«Так значит, они в разводе? В разводе! Может быть, живут вместе? Ребёнок – Горохов Андрей Владимирович. Странно, почему она сказала, что его жена? Ну конечно, только для того, чтобы встать на его защиту. На самом деле она ему не жена! Не жена!» – звено за звеном выстроилась короткая цепь догадок.

Андрей быстро записал на листке адрес, схватил пальто. Теперь решение принято.

Приблизительно через полчаса после сцены в кабинете молодой мужчина зашёл во двор по улице Вишнёвой и обратился к женщине на лавочке:

- Вы не подскажете, где тридцать второй дом?
- Да вот он, прямо перед вами, – указала она на дом напротив. – А вам кто нужен?
- Владимир Горохов, а точнее, его жена – Надежда Цветкова, – ответил мужчина официальным тоном.

Тётя Люда Бубенцова, а это была именно она, пустилась в пространные объяснения, так как подумала, что человек этот из полиции.

– А, так вам Надька нужна? А она ведь теперь живёт в своей квартире, а не в Вовкиной. С тех пор, как убили её мать. Это вам вот в тот подъезд нужно, – она указала на соседний, – на второй этаж, квартира направо. Только если вы из полиции, не говорите, что я вас направила. А что она опять натворила?

Мужчина не дослушал последнюю фразу и быстро ушёл в указанном направлении.

Андрей нажал кнопку звонка. Тишина. Нажал ещё раз. Щёлкнул замок, дверь отворилась. Надя в коротком халатике в мелкий цветочек. Удивление во взгляде.

– Это вы?

– Можно я войду? – сказал Андрей и вошёл. Ей пришлось отступить.

Дверь захлопнулась. Надя вздрогнула. Посмотрела на дверь и перевела испуганный взгляд на Андрея. Кинулась в комнату, но он резко схватил её за плечи и прижал к стене.

– Тихо, – прошептал Андрей.

– Зачем вы пришли? – попыталась вырваться Надя.

– Поговорить. Я хочу поговорить.

И действительно, он шёл сюда, чтобы всё понять. Хотел узнать, какую роль играет эта девушка в его жизни. Полный

решимости, он предполагал, что она не станет пускать его, готов был войти с напором. Но не думал, что когда увидит её, всё остальное перестанет иметь значение.

А теперь, когда, обхватив за плечи, почувствовал тепло её тела, он не мог двинуться, не мог ослабить объятий. Андрей почувствовал, как Надя напряглась, попыталась вырваться, но он прижимал всё сильнее и сильнее. Губы его коснулись её шеи, и он уже перестал понимать, что делает. Мощная волна желания закрутила и понесла.

Всё, чего он хотел, чего желал, было здесь. Девушка, к которой рвалась душа, влекло тело, к которой стремилось сердце, теперь тут, в его объятиях. Андрей прижимал Надю, и казалось, что она уже не могла пошевелиться. Он почувствовал её слабость.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. То, что он увидел в этом взгляде, открыло ему тайну её сердца. Там было всё – свет, трепет, ожидание. И любовь. Чтобы понять это, не нужно было говорить. Взгляд лучше любых слов. В нём ответы на все вопросы. Андрей понял, что между ними нет ни одной преграды. Она – его. Давно – его. И она ждала, долго ждала. До него вдруг дошло значение того, первого взгляда, что обжёг ему сердце.

Это была любовь.

И тогда он набросился на неё, как голодный хищник на желанную добычу. Он сорвал все, что было на ней, и она не сопротивлялась. Она прильнула. Ответила на его порыв.

Невидимая завеса слетела, и Андрей почувствовал ничем не прикрытое желание.

Никогда ещё он не знал ничего похожего. А если и знал, то не помнил. Никогда не испытывал такой страсти и забвения. Мир вокруг как будто перестал существовать. И не было ничего, только он и она. Тела их сплелись. Время остановилось. Пламя, что горело в каждом из них, уже невозможно было погасить.

«Я люблю тебя», – шептал он.

«Я люблю тебя», – вторила она.

Если кто-то и может противостоять страсти, то это, наверное, люди с железной волей. Но некоторых это могучее чувство подчиняет настолько, что они не в силах сопротивляться. Страсть делает человека рабом.

У Андрея была горячая натура, он загорался от одного щелчка. Так во всём – в работе, в гневе, в любви. Правда, насчёт любви он не догадывался, пока не встретил Надю. И тут чувство вырвалось наружу, будто вулкан. Теперь Андрей уже не в силах остановиться. Его страсть, эта бушующая стихия, была словно прорыв плотины. Он не представлял, что любить можно по-другому, иначе, чем любит он. При всей силе своего характера он не мог сопротивляться этому чувству. Брал и брал, насыщался и не мог насытиться.

Бешено и страстно он любил, и не хотел ничего другого. Чувство не давало ни одной минуты перерыва. Надя просто

тонула в безумных проявлениях этой любви и была в состоянии полной отрешённости от мира. Андрей властвовал, а она подчинялась. Два человека, которым ничего больше не нужно, только быть вдвоём, в одной комнате, в одной постели. Словно в маленькой лодке в бушующем океане страсти.

С той поры – ни дня друг без друга. Андрей приходил и, как только дверь закрывалась, всё исчезало – стены, пол, потолок. Окружающий мир переставал существовать. Был только вакуум, который всё сильнее прижимал их друг к другу. Нещадно вдавливал, без надежды выбраться из него. В нём только страсть и любовь. Он и она.

Глава 8

Тёплым майским вечером лавочка тёти Люды полна. Все здесь. Тётя Маша и Фёдорович удобно разместились по обе руки Бубенцовой. Бабушки Настя и Дина – древние старушки, у которых не было развлечений, кроме как внимать чужой болтовне. Все они любили посидеть возле щедрой на горячие новости Людмилы. Все – искренние её почитатели.

– Надька совсем уже обнаглела, при живом муже хахаля приводит, – возмущалась Людмила. – Да ещё какого – из полиции!

Вообще-то, ей было всё равно, кого приводит Надя, лишь бы об этом посудачить.

– А откуда, позволь спросить, ты знаешь, что он из полиции? Он удостоверение показывал? – засомневался Фёдорович.

– Нет, но я этих нюхом чую! Сколько я их перевидала на своём веку, вам такого и не снилось, – покачала головой Людмила.

– А я давно говорила, – вмешалась в разговор бабушка Настя, у неё, в отличие от бабушки Дины, был очень острый слух, – ничего из этой Надьки путного не будет. Такая же, как мать, одна дорожка.

– Да я ещё раньше об этом говорила. Это вы уже мои слова повторяете, – ехидно заметила Бубенцова.

– А что, у кого любовник? – подставила ухо бабушка Дина.

Она почти не слышала, если только кто-то не кричал ей на ухо. Странно, но когда дело касалось любовных тем, до неё долетало гораздо больше слов, чем из разговоров на политические и жилищные темы.

– Да у Надьки Цветковой – любовник! – прокричал в ухо старушки Фёдорович.

Тут недалеко шёл с работы Володька. Он как раз подходил к лавочке и слова, которые волей-неволей услышал, больно резанули слух. Он подошёл поближе, и от неожиданности все притихли. Первой нашлась тётя Люда:

– А, Володя. Ну как дела? Как сынок, жена? – льстиво спросила она.

– Это про что это вы сейчас говорили? – угроза послышалась в его словах.

– Да так, здоровье бабушки Дины обсуждали, совсем плохо старушка стала. Уже и на улицу посидеть с трудом выходит, а свежий...

– Нет. Вы говорили о Наде и про какого-то любовника?

– Ну, а раз слышал, то чего переспрашиваешь? – взвилась со скамейки Людмила. – Нужно за женой-то получше смотреть, а то мужика к себе водит, пока муж на работе.

Всё в Володьке закипело. Он глубоко вдохнул и громко выдохнул. Нужно было что-то ответить, так просто уйти

нельзя. Тогда он сказал первое, что подумалось:

– А вы разве не знаете, мы уже два года не женаты! Надя свободна, она уже не жена мне. А у меня есть девушка, и я собираюсь на ней жениться. Так-то! – он повернулся и пошёл домой.

По пути к дому Володька почувствовал, как закипает в нём злость. «Значит, Надя водит к себе мужика, а я как дурак вьюсь вокруг да около. Эх, и зачем развёлся. Что я теперь могу сделать? Какое право имею что-то говорить. Во, дела. Но кто он такой? Откуда взялся? Наверное, в магазине подцепила».

Когда они жили вместе, он не понимал того, что неожиданно стало понятным теперь. Сколько они были женаты – меньше года. Тогда Володька не мог не ощущать влияния, под которым пришлось принять всего одно решение. Да, он сам принял его, но ведь и выбора не было. Он хорошо помнил разговоры о суде и тюрьме. И конечно, мысли эти часто его тревожили.

А когда Надя попросила развод, Володька вздохнул с облегчением. Будто непосильная ноша упала с плеч. Конечно, он был несказанно рад свободе. И благодарен Наде за то, что поняла всю бессмысленность их брака.

После развода Володька встречался с другими девушками, но отчего-то все его отношения заканчивались, едва начавшись. Почему так происходило, он не задумывался. Просто списывал на вкусы и характеры.

В день, когда Надя пришла в мастерскую и встала на его защиту, он неожиданно для себя осознал, что она нужна ему. И всё это время была нужна. Володька хотел понять, чего же не хватало, когда они жили вместе. Возможно, близости, что должна быть у любящих друг друга людей. Надя была беременна, и он этого боялся. Она казалась чужой, отсутствующей, далёкой. А он не смел прикасаться.

Но прошло время, девочка-подросток превратилась в девушку. И какую! То, чего Володька не смог разглядеть тогда, теперь просто бросалось в глаза. Разве можно было это проморгать? Как мог он не видеть всех её достоинств, ведь они были так очевидны.

Сколько прошло времени? У Володьки был шанс всё вернуть. Но то, что раньше казалось простым делом, вдруг стало недоступным. Почему-то он был уверен – стоит захотеть, и она с радостью согласится начать всё с начала. Он тянул время. Гулял, развлекался и, конечно, встречался с девушками. А Надя сидела дома, занималась ребёнком. Володька был убеждён, что так будет всегда. Ничего не изменится.

Куда она может деться? Кому она нужна?

А теперь, оказывается, у неё есть кто-то, именно тогда, когда она так необходима самому Володьке.

Зоя Семёновна открыла дверь и сразу поняла, что-то не так. Настроения сына она улавливала, словно градусник температуру тела. Во всяком его движении замечала мельчай-

шие детали, даже если он старался их скрыть. Материнское чутьё ни разу не подводило. Он мог что угодно держать в голове, а она уже это распознавала.

Володька угрюмо вошёл в квартиру, не поцеловал, тихо скрылся в комнате. Она не стала докучать вопросами, засуетилась на кухне.

– Вова, иди ужинать, – покричала Зоя Семёновна через некоторое время.

Володька зашёл в кухню. Сел.

– Ты чего такой? – спросила как бы невзначай.

Он молча пододвинул тарелку с пловом, взял хлеб, начал есть.

– Вова, ну говори уже. Так и будешь молчать? Что случилось?

Ложка за ложкой – тарелка опустела.

– Да, на работе нелады, – сказал он. – Чай будет?

Зоя Семёновна налила чаю, поставила перед сыном вазу с печеньем.

– Доведёт тебя эта твоя работа. Одни только нервы.

– Ничего, справлюсь.

После ужина он закрылся в своей комнате, мать не тревожила. Она знала, дело совсем не в работе, слышала уже, о чём говорят во дворе. Да всё не решалась ему сказать.

В глубине души Зоя Семёновна надеялась на то, что Надя и Володя снова будут вместе. Тешила себя этой надеждой с самого их развода. Время всё исправит, думала она.

Но теперь, когда известно, что Надя с кем-то встречается, Зоя Семёновна расстроилась. Бестолковые попытки Володьки встречаться с девушками только раздражали. Молча она наблюдала, и ни разу сына не упрекнула.

А теперь она поняла – Володька узнал об отношениях Нади. Но что могла сделать она, его мать. Быть может, нужно было раньше поговорить с Надей. Попросить её задуматься, попробовать пересмотреть ситуацию. Именно она, Зоя Семёновна, должна была повлиять на выводы Нади. Где-то, возможно, и настоять. Хотя, кто знает?

Глава 9

Утро. Воскресенье, выходной. Когда дверь за сыном тихонько закрылась, Зоя Семёновна подошла к окну.

Решительной походкой Володька прошёл через двор и скрылся в подъезде дома напротив.

Прошло немного времени – Володька всё не выходил. Хороший знак. Зоя Семёновна вздохнула. Собралась отойти от окна, но тут заметила мужчину, которого раньше никогда не видела. Высокий брюнет в чёрном пальто вошёл во второй подъезд.

Что-то кольнуло в сердце. Нехорошее предчувствие заёрзало где-то внутри и вытолкнуло наружу однозначный ответ. Женщина поняла – это и есть тот человек, о котором все говорят. Без сомнения, это он. Зоя Семёновна заволновалась. Она пыталась что-то разглядеть в окне, но утреннее солнце отражалось в окнах соседнего дома и становилось непреодолимой преградой для взгляда, даже самого зоркого.

Всего через несколько минут после того, как в подъезд вошёл незнакомец, Володька выскочил оттуда, словно испуганный заяц, и побежал со двора.

Всё. Зоя Семёновна всё поняла.

В это воскресенье Володька решил поговорить с Надей. Он предполагал, что, возможно, уже поздно, но всё же наде-

ялся прояснить ситуацию. Возможно, то, что болтают – просто слухи и не больше. Люди ошибаются. Только один человек, сама Надя сможет подтвердить, либо разуверить. Значит, нужно действовать.

Утром, тихонько, чтобы не услышала мать, Володька пробрался в прихожую и тихо выскользнул из квартиры. Спустя минуту полный решимости нажал на кнопку звонка. Щёлкнул замок, дверь открылась. Надя.

При виде Володьки, сияющий взгляд её сразу потух.

– Вова?

– Я. А ты кого ждала? – с наигранной весёлостью произнёс он и зашёл в квартиру.

Надя нехотя посторонилась.

– Я, вообще-то, сейчас занята, ты не мог бы зайти попозже?

– Потом я буду занят. Мне нужно срочно с тобой поговорить. Пожалуйста! – и он, прошёл на кухню, не дождавшись приглашения, и сел. Надя вошла следом.

– Я хочу поговорить с тобой, – просительно сказал он и постарался отвести взгляд от голых Надиных коленок.

– Говори.

Володька замялся.

– Я тут подумал. Ну, так, поразмышлял. Решил спросить тебя, может, нам, ну это... – он не мог подобрать нужных слов и силился вспомнить, то, что собирался сказать. – Ну, опять пожениться?

– Зачем? – удивилась Надя.

Этот её тон испугал. Всё. Кончено. Володька почувствовал, что всё испортил. Нужно не так начинать. Надо было хоть цветы купить.

– Я понимаю, что уже поздно, или может, ещё нет? Но тут, видишь, такая штука выходит, мне как-то плохо без тебя. Я подумал, если мы уже были женаты, то может, опять поженимся. Я вроде как люблю тебя и Андрюшку, нехорошо, если он будет расти без отца. Я хоть и рядом, но не с ним. Вот я и подумал, что если мы опять распишемся, то заживём, как и прежде, одной дружной семьёй.

Надя улыbnулась.

– Володь, ну ты чего? Мы вроде уже говорили об этом. Ты сам согласился, что так будет правильно. Решили же – каждый живёт своей жизнью.

– Ты знаешь, – Володька вдруг сделался серьёзным и посмотрел на Надю, – я просто чувствую, что не могу без тебя. Мне без тебя очень плохо.

Она не отвечала, опустила глаза. Задумалась. Он смотрел и понимал, что она где-то далеко. Не с ним. И это взбесило.

– Ты что, собираешься мужиков водить сюда? В квартиру, где мой сын? – злобно сказал он.

– Что? – испуганно спросила Надя. – Что ты говоришь?

– Это не я говорю, это весь двор говорит. Надька, мол, к себе мужиков водит, как и её мать когда-то водила.

Она застыла от этих его слов. Из комнаты вышел малень-

кий Андрюша. Заспанный, в пижаме. Он тёр глаза и тихо хныкал. Надя подхватила его и прижала к себе.

– Папа, – сказал Андрюша и протянул к Володьке руку, но Надя держала его и не отпускала.

– Уходи, – коротко сказала она Володьке и пошла в комнату.

Володька пошёл следом. Надя усадила сына на диванчик и резкими движениями стала переодевать. Володька наблюдал. Надя повела Андрюшу на кухню, потом вернулась в комнату и остановилась напротив Володьки.

– Если ты всё сказал, то можешь идти. Потому что я не хочу тебя больше слушать, – грозно прошептала она.

Резко Володька схватил её за плечи и привлёк к себе:

– Значит, всё? – прошипел он.

– Всё!

Это разозлило ещё больше. Как может она, которая столько ему обязана, бросать такие слова. Володька решил, что не уйдёт, пока не добьётся ответа. Резко он повалил её на диван и стал иступлённо целовать. Надя билась и вырывалась, а он судорожно хватал её за руки. Как кошка, она царапала и кусалась, но силы были неравны. Ведь Надя маленькая, хрупкая, а Володька жилистый и злой.

Как далеко зашла бы эта борьба, неизвестно. Всё окончилось так же внезапно, как и началось. Чьё-то грубое вмешательство завершило эту бесшумную возню. Сильная рука схватила Володьку за куртку и отбросила на пол. Он даже не

сразу понял, что произошло. Несколько секунд лежал лицом вниз, затем медленно перевернулся и сел. Надя вскочила с дивана и выбежала на кухню.

Володька поднял глаза и не сразу осознал, кто перед ним. Спустя секунду вскочил на ноги и оказался лицом к лицу с Лозовым.

– Ах, вот, значит, как! – в этот момент он даже забыл свой перед ним страх.

Лозовой молчал. Володьку обурежала обида и злость. Сейчас ему было всё равно. Но он понимал, драка может плохо кончиться. И в запале Володька уже не разбирал слов:

– Значит, это ты?! Ну конечно, кто же ещё! Ходишь к этой потаскухе. Её весь двор таскал. Думаешь, она чистая? Ошибаешься. Она потаскуха, и нет ни одного мужика в округе, который бы ею не пользовался. Она не сказала тебе, что в пятнадцать уже была беременна, от кого – неизвестно? А я только прикрыл великодушно её позор! Конечно, кто о таком будет трезвонить направо и налево. Не дура. А ты спроси между делом, может быть, расскажет историю своей жизни.

Лозовой медленно взял Володьку за ворот куртки. Во взгляде – что-то страшное, от чего у Володьки перехватило дыхание. Он подумал, что тот сейчас будет его убивать. Но Лозовой потащил Володьку в прихожую.

– А я, – продолжал Володька, из последних сил выплёскивая из себя накопившуюся желчь, – как дурак женился на ней. А теперь и ты попался на эту удочку! Наивность увидел.

Давай. Можешь пользоваться. Только, пока тебя нет, к ней ходит ещё несколько мужиков...

Он не договорил, потому что оказался на лестнице. Лозовой отпустил его куртку, и Володьке пришлось ухватиться за перила, чтобы не упасть. Он не стал здесь задерживаться – слишком много уже наворотил – выскочил из подъезда и кинулся бежать со двора. Лишь бы подальше.

В этот день он рассеянно блуждал по городу. Сначала смеялся над всем произошедшим. Но потом немного поостыл и понял, чего наворотил. К вечеру он уже терзался и мучился. Боялся представлять, что будет дальше.

Андрей вернулся в квартиру. Глаза его чёрные, словно ненастоящие, злые. Он посмотрел на Надю, и казалось, сейчас растерзает её на мелкие кусочки.

Она стояла в прихожей.

– Это правда? – спросил Андрей.

– Нет, – Надя посмотрела ему в глаза, голос её дрогнул.

– Мне нужно подумать, – он вышел в открытую дверь.

Остановился на площадке, как будто пытался на что-то решиться. Потом стал медленно спускаться. Он словно бы ждал, что она окликнет. Кинется вслед за ним, и будет умолять вернуться. Начнёт плакать и объяснять, что всё неправда, и Горохов сказал это сгоряча.

Но она не кинулась. И Андрей ушёл.

Глава 10

Андрей был в растерянности. То, что случилось, вернуло его с небес на землю. Он вдруг как будто увидел себя со стороны. Человека, который очертя голову бросился в объятия неизвестности.

Слова, сказанные Гороховым – отрезвили.

«Пока тебя нет, к ней ходит ещё несколько мужиков...» – Андрей представил Надю в объятиях разных мужчин, и его будто передёрнуло. Нет, не может быть. Такого он не мог допустить. Нет. Это ложь. Ложь.

Но достаточно ли хорошо он знал Надю? Да вообще не знал. Сколько слов они сказали друг другу – почти ничего. Как мало они разговаривали. Только любили. Андрей не смог вспомнить хоть что-то похожее на беседу. Только объятия, желание, поцелуи и ничего другого. А она – такая маленькая и тихая, с доверчивым лучистым взглядом – его Надя. Нет, не может быть.

А если Горохов сказал правду? Если в этой девушке за пеленой чистоты и скромности сидит другое, коварное существо. Что если она не та, за кого себя выдаёт? Ведь тогда, в мастерской, в глазах её не было ничего нежного и ласкового.

А если это месть? Да нет, не станет человек столько времени притворяться. Это невозможно. Ведь Андрей видел, как она вырывалась из грубых объятий Горохова. Но, может

быть, это была только игра? Тогда в чём её смысл?

Червь сомнения поселился в сердце Андрея, и теперь день за днём отравлял существование. Шли дни, недели. Чем больше времени проходило, тем меньше оставалось решительности, тем дальше отодвигался день выяснения отношений. Он не мог заставить себя пойти туда.

Ревность – вот что хуже всего. Она рисовала нелюбимые картины, и Андрей был готов биться головой об стену, лишь бы не представлять всего этого снова. Он кипел, метался, корчился. Жил в этом состоянии, и всё же не мог ничего решить.

«Но ведь она не твоя собственность, – говорил внутренний голос, – и ты не можешь ею распоряжаться. Она свободна – так же, как и ты. Чего же ты хочешь? Какие твои права? Она не твоя жена и не должна сидеть и ждать тебя. Тогда пусть ждёт кого угодно. А если постараться забыть? Как будто ничего не было. Может, будет легче».

Он старался не думать, не оглядываться на былое, с головой уйти в работу. Но чем больше пытался отстраниться, тем больше тосковал. Воспоминания не отпускали. Образ Нади, её глаза, волосы, тело. Её запах. Как можно это забыть?

И всё-таки Андрей решил попытаться.

Он разрывался между желанием перечеркнуть все – забыть, уйти, убежать, и стремлением прийти и всё простить. Сколько раз он хотел бежать туда, на Зелёную улицу. Хотел, чтобы снова пропала память, и всё ненужное, неприятное

стёрлось бы в один момент. Сколько раз упрекал себя за то, что поверил в слова соперника. Ведь чувствовал – это ложь. Наглая ложь.

Чем дальше, тем больше он теряет надежды на то, что Надя простит его малодушие. А если это не малодушие, а задетая гордость? Сложно даже допустить, чтобы его – Андрея Лозового – заменили. Это просто невозможно.

Каждый раз, когда в окно кабинета он видел Володьку Горохова, ревность, словно болезненная рана открывалась и кровоточила.

Почему они развелись? Ведь на это должны быть какие-то причины. И если развелись – почему этот парень не отпускает? Зачем не оставит её в покое?

Думал Андрей и тосковал.

Решение проблемы неожиданно подсказала мама. Однажды утром она завела разговор:

– Тебе, Андрюша, скоро тридцать шесть. Давно пора подумать о том, что я не вечна, и кто знает, сколько ещё протяну, – начала она.

– Мама, ты чего? Ты у меня ещё молодая, – Андрей подошёл к матери и поцеловал в щёку.

– Вот ты всегда можешь вовремя успокоить, – улыбнулась Галина Васильевна. – Но учти, прежде чем я умру, хочу понынчить внуков. Посмотри, вон у наших соседей Дубковых уже двое внучков?

– Будут и у тебя внуки, не переживай. Обещаю, – засмеялся Андрей. Он хотел успокоить мать, да и разговор не был ему приятен.

Эта тема всегда приносила ноющее чувство. И хоть он не помнил ни жены, ни сына, в глубинах сознания что-то ёкало при упоминании о них. Будто потеряно что-то нужное, а что, не мог вспомнить Андрей.

С этого дня он серьёзно задумался, старался представить Надю в роли своей жены, но брошенные Гороховым слова рубили все мечты. Да, нужно поскорее забыть. Найти замену. Стряхнуть с себя навязчивое состояние безысходности. Как выполнить это поскорее. И что значит – замена.

Андрей принял решение непременно выполниться задуманное, не озираясь на душевную муку. Цель есть – осталось ей следовать. Найти достойную невесту. Но где же искать? Где он бывает? В барах и ресторанах. Девушки в таких заведениях не очень годились на роль добропорядочной жены. А где же взять такую девушку, которая отвечала бы всем его требованиям?

В кабинете он сидел за столом и пытался составить список достоинств, которые хотел бы видеть в своей будущей жене: симпатичная, милая, воспитанная, стройная, умеет вкусно готовить, вести хозяйство, не лезет в дела, ладит с мамой, любит детей и так далее. Список получился довольно длинный. Андрей усмехнулся. Где же найти такую девушку?

В дверь тихонько постучали. Вошла Лиза, поставила на

стол чашку кофе и, плавно покачивая бёдрами, пошла к двери.

«Да, хороша, – пронеслось в голове Андрея. – А может, на ней жениться? Нет. Не думаю, что она подошла бы. С таким маникюром сложно управляться на кухне. Слишком носится со своей красотой. Наверное, смотрит в зеркало и обожает то, что видит. Нет, такие дамочки не по мне. Может, я и старомоден, но привлекает меня более естественная красота, а не нарисованная». И ему опять вспомнилась Надя.

Он глянул на листок и понял, что описал все достоинства Нади.

«Почему я никак не могу от неё избавиться? Это какое-то безумие. Нет, всё! Что найду – то и будет».

Андрей скомкал лист и кинул в мусорную корзину.

Глава 11

Володька страшно переживал и совсем не понимал, почему так поступил. Откуда взялась эта злость и ненависть.

Зачем набросился на Надю? Зачем высказал столько гадостей?

Всё, мосты сожжены и нет пути назад. Теперь окончательно всё испорчено. Как оправдаться? Какие слова говорить?

Целыми днями он вкалывал в мастерской. С этой работы он не мог уйти – трудно найти хорошее место. Будь Володька хоть немного решительней, смелее, или гордость его оказалась бы более чувствительной – ни минуты бы не раздумывал и ушёл. Но работа стояла на более важной ступени, чем гордость. Его не выгоняли – он не уходил. Конечно, если бы Лозовой дал ему отставку, Володька не стал бы сопротивляться, но тот молчал, и он продолжал выполнять свои обязанности.

Однако понимание того, что отношения Нади и Лозового всё-таки расстроились, тешили самолюбие. Отчасти Володька был рад такому повороту событий, хоть свои хорошие отношения Надей он также почти разрушил. Почти, или разрушил? Может, всё ещё поправимо? Возможно, Надя вот только теперь поняла его любовь. Разглядела. Обдумала. Осознала.

Беспокойство доставляло и осознание силы Лозового.

Страшный его взгляд. Рука. Голос. Володька вспоминал и сомневался. Слишком неравны шансы. У Лозового – вон сколько всего. А что у Володьки? Зарплата?

Возможно, Надя на фирму Лозового и клюнула. А если так, как сыграть на её корыстности? Не могла же она не знать о том, что Лозовой владеет фирмой. А если знала, то на это и повелась. Такая мысль успокаивала Володьку. Он пытался расширить границы своих рассуждений там, где сам себя неизменно оправдывал, а Лозового делал виноватым.

Также, думал Володька, Лозовой теперь всё знает о прошлом Нади, и уже не захочет её видеть. Скорей всего, он ходил к ней как к простушке, скоротать время. А Надя не могла отказать, ей просто льстило его внимание. И вот – опять перевес. Получается, Володька помог отвадить того, кого она не хотела. Такие выводы приходили просто и легко. И везде Володя оказывался невиноватым.

Но среди всех этих поверхностных раздумий одно было спрятано очень глубоко. Он силился не подходить к этой мысли как можно дольше, чтобы не огорчать себя. Но словно иголка она колола и колола. И не позволяла о себе забывать.

Что если это – любовь? Надолго, навсегда. Значит, все попытки Володьки – бессмысленны. Ведь если это настоящее чувство, его не разрушить никакими словами и обвинениями.

Ложку дёгтя подлила и Зоя Семёновна. Она не сказала,

что следила за ним, но чётко дала понять – она всё знает. Отвертеться не удастся.

– Чего ты туда пошёл? Три года не была нужна, а теперь, когда у неё кто-то появился, и тебе приспичило. Не поздно ли спохватился? – говорила она вечером во время ужина.

Володька молчал. Слова матери раздражали.

– Я тебе сколько раз говорила – смотри, встретит Надюша нормального парня, и не будет долго думать. Выйдет за него. Она девка молодая, чего ей одной сидеть. А ты всё по гулянкам шатаешься. Ещё не нагулялся?

– Да хватит уже, – резко оборвал её Володька. – Сколько можно?

– Столько, сколько нужно! Я твоя мать и в своём доме могу высказываться, как хочу и когда хочу. А ты слушай и не перебивай. Раз ума нет, может, чужим разживёшься.

– Мама, я тебя прошу. И так тошно, ещё ты со своими моральями.

– Тошно? А мне не тошно смотреть, как ты жизнь свою без толку проживаешь. У тебя была возможность жить нормальной семьёй, а ты что сделал? Никак не мог успокоиться, прошлое ворошил. А теперь получи плоды своих трудов. Ты же счастье держал в руках, и не воспользовался. И чего ты сейчас от неё хочешь? – вопросительно посмотрела на сына Зоя Семёновна.

– Я тебя прошу, не вмешивайся. Я сам знаю, как мне жить, и не нуждаюсь в твоих советах, – он встал и ушёл в свою

комнату.

Зоя Семёновна села на табурет и положила руки на колени. Ей было жаль сына, но что она могла сделать?

Возможно, если сходить к Наде и поговорить с ней начистоту, то ситуация прояснится. Только Надя сможет объяснить, что им всем делать дальше.

На следующий день после работы Зоя Семёновна завернула к бывшей невестке. Надя открыла дверь, улыбнулась.

– Ну, как живёте? – Зоя Семёновна вошла.

– Хорошо живём.

Андрюшка выбежал из комнаты с машинкой в руках.

– Баушка! – закричал он, бросил машинку и обхватил Зою Семёновну за ноги. – А сто ты мне плинесла?

– Ах ты, мой золотой! Конечно, я тебе что-то принесла, – и она достала из хозяйственной сумки пакет с бананами. – Вот, держи.

– Бананы! – радостно закричал Андрюшка, а потом серьёзно спросил: – А кафеты плинесла?

– А вот и конфетки, – достала она следующий пакет.

Андрюша взял всё, что ему принесли, развернулся и пошёл в комнату.

– А спасибо кто будет говорить! – прокричала вслед ему Надя.

– Пасиба! – слышалось в ответ.

Надя и Зоя Семёновна улыбнулись друг другу, и пошли

на кухню. Надя включила чайник, достала из шкафчика печенье.

Зоя Семёновна не стала долго томить и сразу приступила к делу.

– Надюш, я знаешь, чего пришла?

– Догадываюсь, – села напротив свекрови Надя.

– Ты пойми меня правильно, – начала женщина, – я не собираюсь ничего говорить насчёт Вовки. То, что он лопух, и ежу понятно. Просто хотела бы знать, какие твои планы. Что бы ты ни решила, я приму, как есть, и слова не скажу поперёк. Мне просто хочется спать спокойно, не мучится.

Надя опустила взгляд.

– Я сама ничего не понимаю, – наконец выдавила она. – Если недавно ещё всё понимала, то сейчас и не знаю, что сказать вам.

– Но ты любишь его?

– Кого?– не поняла Надя.

– Того парня.

– Люблю.

Закипел чайник. Надя встала, налила чаю.

Когда она снова села, сказала:

– Но теперь он, наверное, уже никогда не придёт.

– Почему?

– Потому что теперь он думает, будто ко мне ходит куча мужиков, – выдавила Надя и глубоко вздохнула.

Зоя Семёновна поставила чашку. Она поняла, что хоте-

ла сказать Надя. Губы свекрови сжались, строгое выражение появилось на полном лице.

– Только вы не ругайте, – забеспокоилась Надя. – Я понимаю, он сгоряча всё сказал. Я только не могу понять, зачем? Что плохого я ему сделала?

– Да потому что дурак – вот почему!

Долго они ещё сидели, разговаривали. За окном стемнело, но Зоя Семёновна не спешила уходить. Она понимала, что нет ни одного человека, кому Надя могла бы довериться. Никого, кроме неё – бывшей свекрови.

Глава 12

Зорким глазом следила тётя Люда за малейшими передвижениями Нади Цветковой. Неизвестно уж, каким способом, но Бубенцова была в курсе всего, что касалось этой девушки. Идёт Надя выкинуть мусор или выскочила в булочную, гуляет с Андрюшей или сходилa к свекрови, всё это тщательно перерабатывалось на лавочке возле третьего подъезда. Из любого передвижения Нади получались вполне интересные темы. Талант Людмилы всё перекручивать помогал создавать такие истории, которые неизбежно ждала популярность.

Чутким барометром, предсказывающим перемены погоды, Людмила реагировала на любое изменение в жизни Нади. Возможно, интерес этот вызван был старым противостоянием с Надиной матерью, или, может, ещё какой причиной, но уже много лет всеми способами Людмила, старалась доказать жителям двора, что семья Цветковых сплошь люди недостойные.

Конечно, было замечено и то, что происходило с Володькой Гороховым. Небольшая доля внимания уделялась и другим жителям двора, но это только по роду службы. На первом месте всегда квартира Цветковых. Людмила откровенно скучала, если не было никаких новостей со второго этажа. А когда маломальская весточка поступала, хваталась за неё, словно это последнее дело жизни.

И вот наконец новая история. Любовник Нади избил бывшего мужа, да так, что тот, еле ноги унёс.

– Я своими глазами видела, как Володька весь в крови выбежал из подъезда. А вслед за ним этот огромный мужчина с ножом, – говорила Бубенцова в то воскресенье, когда всё произошло.

– Батюшки! Неужели правда с ножом? – в испуге прижала ладони к груди тётя Маша.

– Вот такого размера, – Людмила указательными пальцами показала расстояние сантиметров в пятьдесят.

– Батюшки!

– Не может быть, чтобы вот так просто по двору люди с ножами бегали, – рассудительно засомневался Фёдорович. – Верно, вы что-то напутали.

– Да я, – возмутилась Людмила, – до сих пор без очков читаю! Зрение стопроцентное! А вы хотите сказать, что я нож с палкой перепутаю?!

– Я вам, конечно, верю, но всё-таки сомневаюсь, – приутих пенсионер.

– Так вот, Вовка припустил, что аж пятки сверкали. А тот за ним! Бугаина! С таким страшным лицом, что я подумала – убийца! Хорошо вовремя успела в подъезд заскочить. А то не знаю, чтобы со мной было. Точно – маньяк!

– Кому ты нужна в таком возрасте? Тут любой маньяк испугается, – съязвила тётя Маша. Она постепенно стала пони-

мать, что Людка бессовестно врёт.

– Ага, вам смешно, а из меня чуть дух не вылетел. Видали бы вы, какой у этого амбала вид страшный был, просто Кинг-Конг.

– Так он что, Надькин любовник, этот Кинг-Конг?

– А ты думала, кто? В эту квартирку вечно какие-нибудь ненормальные ходят.

Подошла Татьяна Кирилловна. Вмешалась.

– Люда, ты бы с выводами не торопилась. А то послушать тебя, все люди какие-то монстры получаются. А к Наде у тебя вообще предвзятое отношение. Случая не пропускаешь, чтобы ей все косточки не перемять. Чего ты прицепилась к девчонке? Она молодая, вспомни, как к тебе в молодости ухажёры толпами бегали.

– Кто это ко мне бегал? Только Гришка, да и то мы с ним уже двадцать пять лет душа в душу живём, – разгорячилась Людмила.

Она не любила, чтобы обсуждали её прошлое. Старалась этого избегать. Но всякий раз, когда Татьяна Кирилловна присоединялась к беседе, то разговор словно переворачивался, и темой становилась сама Людмила. Она попыталась вернуться к предыдущему обсуждению, но это было не так просто сделать.

– Да, как же. А когда он напьётся, ты тоже с ним душа в душу живёшь?

– Ну выпил человек маленько, пришёл домой и спать ло-

жится. Он же не буйный, – отбивалась Людмила.

– Это как сказать. А вспомни погром, который он с друзьями во дворе устроил, детские качели все переломал.

– Так то когда было? Единичный случай. Нечего и вспоминать, – раздражалась Людмила все больше. – И вообще, не об этом сейчас толкуем.

– В том-то и дело. О себе ты разговаривать ой как не любишь, зато других обсудить – это всегда пожалуйста. Язык у тебя, Люда, без костей, – женщина развернулась и пошла прочь.

– А я ничего от людей и не скрываю! – прокричала вдогонку Бубенцова, а потом тише добавила: – Скажите пожалуйста, какая мать-заступница выискалась.

Тётя Маша и Фёдорович молча слушали эту перепалку. А потом нервно заёрзали. Они знали, что обсуждать людей нехорошо, и не относили себя к числу сплетников. Но что ещё можно делать, сидя полдня на лавочке, как не разговаривать о чём-то или о ком-то. Слова Татьяны Кирилловны на мгновение затронули их совесть. Но каждый тут же извинил себя тем, что говорит почти все время только Людмила, а они всего лишь слушают.

Глава 13

Давний друг отца Андрея, Николай Николаевич Буров – владелец двух автосалонов и трёх автомоек, заехал по мелкому ремонту в мастерскую. Невысокого роста, лысый, с круглым упругим животом, энергичный и весёлый.

– А что, хозяин у себя? – спросил он секретаря, словно мячик, вкатившись в приёмную.

– У себя, – ответила Лиза.

– Доложи – Буров на пороге. Чего сидишь как кукла раз-малёванная? – бесцеремонно прикрикнул Николай Николаевич.

Лиза засуетилась. Наманекюренным ногтем нажала вызов.

– Андрей Александрович, к вам Буров.

– Слышу-слышу, – дверь кабинета распахнулась. – Сколько лет, сколько зим, Николай Николаич!

– Принимай гостя, – распахнул Буров объятия.

Мужчины обнялись, словно Гулливер с лилипутом, и скрылись за дверью кабинета. Лиза кинулась к зеркалу, но услышала сигнал, намекающий на кофе.

– Какими судьбами? – спросил Андрей, доставая из шкафа коньяк.

– Да, по мелочи заехал. Не, Андрюха, я не буду, – показал

он на бутылку. – Только после вчерашнего оклемался. Моя старуха чуть в порошок меня не стёрла – так запилила.

– Кстати, как там Марья Ивановна? – Андрей убрал коньяк обратно в шкаф.

– Да ничего. О тебе часто спрашивает, всё надеется заполучить тебя в женихи нашей Дашке, – и Николай Николаевич громко с баском засмеялся. – Ты бы зашёл как-нибудь – проведаль. А то она с меня не слазит, сходи – сходи. Вот, пришёл! Ну, рассказывай, как у тебя дела? Вижу – процветаешь.

– Пока тьфу-тьфу-тьфу. А зайти – зайду, если пригласите.

– Ты нам вроде как не чужой. Приходи, когда хочешь, – Буров обернулся на дверь, в проёме появилась Лиза.

Обтягивающее платье недвусмысленно намекало на аппетитные формы его хозяйки. Она грациозно держала маленький поднос с двумя чашечками. Буров разглядывал секретаршу еле видными из-за пухлых щёк глазками. Как только Лиза притворила за собой дверь, выдохнул:

– Ух, персик! Ну, Андрюха, и секретарша у тебя. Мне бы такую. Но с моей старухой об этом только мечтать приходится. Она всех моих секретарш как на кастинге проверяет. Чтоб не дай бог не была молодая, красивая и незамужняя. Разве ж это жизнь?

– Так она для вас старается, чтобы вы ненароком с пути истинного не сбились, – улыбнулся Андрей.

– Что да, то да. На баб я падкий.

– Вот, сами признались. Да и вообще, дядя Коля, меньше

эмоций – здоровее будете. В вашем-то возрасте и по бабам?

– Тут ты, Андрюха, прав, старый я уже стал. Но идрит ты её в качель, хочется ещё немного повыкобениваться. Ну не могу я без этого. Хорошо хоть командировки спасают, а то ж от моей ну никак не спрячешься. Везде найдёт. И ты подумай, – громко поставил чашку на стол Буров, – даже по карманам что-то выискивает. Ревнует.

– Как же такого видного мужчину не ревновать? – засмеялся Андрей.

– И не говори, – приосанился Николай Николаевич. – Я ещё мужик – будь здоров!

Снова заглянула Лиза.

– Николай Николаевич, ваша машина готова.

– Ну, Андрюха, был рад повидать. Беру с тебя слово, что завтра же вечерком заглянешь к нам на ужин. Мать по такому поводу стол накроет будь здоров. Отказа не принимаю, – Буров крепко пожал Андрею руку.

– Обязательно буду, – пообещал Андрей и пошёл провожать гостя. Они сердечно расстались и Николай Николаевич сел в свою машину, лихо развернулся и уехал.

Лозовой вернулся в кабинет. Сел в кресло и задумался.

«Вот и решилось. Может, так будет лучше? Я устал и не хочу больше думать о ней. Буровы – хорошие люди. И отец был бы рад. Но, что скажет мама? Наверное, она тоже будет рада. Я же вижу, что её мучает. Хочет внуков. Маме уже

шестьдесят четыре. Да, я на правильном пути. Завтра пойду к Буровым. Не нужно откладывать. Дашка, наверное, стала совсем красавицей. Да, пусть так и будет».

Глава 14

Утром за завтраком Андрей рассказал матери о встрече с Буровым и о приглашении в гости. Галина Васильевна заметно повеселела. Вспомнились былые годы и давняя дружба. А ещё то обстоятельство, что дочь Буровых Дашенька, возможно, заинтересует Андрюшу.

Лелея радужную надежду на возможность породниться с хорошей семьёй, Галина Васильевна проводила сына на работу и не забыла о напутствии:

– Андрюша, ты там присмотришь к Дашеньке. Кто его знает, может, сам Бог помогает нам.

Андрей улыбнулся и вышел.

Ровно в семь часов вечера он стоял на лестничной площадке возле квартиры Буровых. Думал, как нажать кнопку звонка. В одной руке цветы и бутылка шампанского, в другой коробка с тортом. Руки заняты, пришлось повернуться задом к двери и постучать ногой. Из-за двери послышался сердитый голос Николая Николаевича:

– Я щас кому-то по голове постучу, – щёлкнул замок, дверь открылась и его маленькая круглая фигура появилась на пороге.

– Андрюха! Это ты хулиганишь? – он расплылся в обаятельной улыбке. – О, вижу не с пустыми руками. Проходи.

Мать, встречай гостя! Дашка!

Из комнаты в буквальном смысле выбежала женщина с такой же фигурой, как у Николая Николаевича. Ещё издали стала громко причитать:

– Андрюша, сокол ясный! Ах, какой красавец! Дай я тебя разгляжу. Ну ты смотри! Дашка, беги скорей сюда, Андрюша пришёл! Ой, ну надо же, вот и скажи. А ходил ещё под стол пешком, когда я тебя в последний раз видела.

– Здравствуйте, – только и успел сказать Андрей. Он казался себе великаном среди маленьких толстых людей.

– Скажешь тоже, под стол, – вмешался Николай Николаевич. – Видишь, у человека руки заняты. Бери давай, помоги ему. Дашка!

В прихожую вышла девушка ростом немного повыше родителей. На вид лет двадцать пять. Светло-русые волосы её зачёсаны назад и заплетены в тугую толстую косу. Круглое лицо всё в веснушках, голубые глаза обрамляют рыжие ресницы. Фигура в просторном платье казалась круглой, но полнота её ничуть не портила. Она была совсем не современна, как то по-деревенски проста и довольно мила. Почему-то было понятно, что родители имеют на неё абсолютное влияние, так же, как и она имеет влияние на них. Не нужно было долго думать, чтобы понять – она очень домашняя, и не мудрено, что была не замужем, а коротала дни, помогая матери по хозяйству.

В момент, когда Андрей увидел Дашу, образ Нади боль-

ным уколом отозвался где-то в сердце. Было какое-то сходство, только Даша намного плотнее. Странное это ощущение, смотреть на одного человека и видеть в нём другого. Но обстоятельство это – большой плюс. Не придётся привыкать к иному, нелюбимому образу. И цель, которую Андрей наметил, не казалась теперь такой уж невыполнимой.

– Возьмите же у него торт, не стойте как куклы! Вот уже две матроны, рты поразевали! Настоящего мужика, что ли, давно не видали? Конечно, по красоте со мной ещё никто не сравнился. Извини Андрюха, будешь вторым, – Николай Николаевич не мог скрыть радости.

Даша смутилась, густо покраснела, подошла и взяла из рук Андрея торт. С высоты роста Андрея она казалась маленькой и круглой. Николай Николаевич взял шампанское, Марья Ивановна цветы. Женщины пошли на кухню, мужчины в гостиную.

Квартира Буровых грешила старомодной роскошью. Нагромождение некой вычурной безвкусицы оставляло в человеке, попавшем сюда, впечатление двойное. С одной стороны, в глаза бросалась дороговизна обстановки, а с другой, присутствовала некоторая стилевая неразбериха.

В гостиной единственное, что подходило друг к другу – кожаный гарнитур, состоящий из большого кирпичного цвета дивана и кресел. На этом кирпичный цвет оканчивался. Вся остальная мебель была расцветок самых разных. Хрустальная старомодная люстра похожа на медузу, щупальца

которой низко свисали и едва не касались головы Андрея. Здесь сразу приходило понимание, насколько тугой кошелёк у жильцов этой гостиной. Каждая вещь по отдельности, несомненно, стоила кучу денег. А всё вместе, и представить трудно.

Андрей с интересом разглядывал статуэтки, что в великом множестве стояли на полках. Николай Николаевич рассказывал, где и по какому случаю что куплено. Миниатюрные копии статуй, слабость Марьи Ивановны, несколько не вписывались в общий вид гостиной, привнося сюда дух навязанной античности, и казались совсем уж лишними.

Спустя несколько минут в комнату вошла Даша.

– Прошу к столу, – она смущалась и краснела, отчего совсем не становилась привлекательней, а даже слегка наоборот.

– Ну наконец-то, – обрадовался Буров и, потирая руки, повернулся к гостю. – Ну, Андрюха, подкрепимся. Сегодня сам Бог велел.

Вошли в столовую. Здесь, как и в гостиной, старина и роскошь.

Большой стол уставлен всевозможными яствами, что видом своим обещали удовольствие. В центре стола на серебряном блюде красовался румяный гусь. Бутылка шампанского в чаше со льдом. Андрей, хоть и видал столы с богатыми закусками, но был удивлён фантазией хозяйки.

Всё говорило о том, что стол не просто накрыт к ужину,

а накрыт по поводу. Гости ждали. К приходу его тщательно готовились.

Андрей невольно сглотнул слюну при виде такого изобилия. Сели. Николай Николаевич и Марья Ивановна с обоих концов стола, а Андрей и Даша друг напротив друга, по центру.

– Андрюша, откройте, пожалуйста, шампанское, а то Николаю нельзя доверять такое ответственное дело, он обязательно всё разольёт, – с улыбкой попросила Марья Ивановна.

– А какой смысл от шампанского, если его тихо открывать? – весело подхватил хозяин дома. – Я считаю, что торжественность момента всегда подчёркивается выстрелом пробки от шампанского.

В бокалах пенилось игристое, все смеялись над бесконечными шуточками хозяина. Даже Даша оказалась совсем не манерной, перестала робеть и участвовала в общей беседе.

Андрей часто смотрел на неё и пытался представить в роли своей жены. Странно, но это получалось довольно легко. Он видел свой дом и эту девушку в нём хозяйкой. Он даже детей смог представить. Почему-то это были три девочки, похожие на Дашу. Лучше не приходилось и желать. Ну и что же, что нет любви. Она будет, было бы уважение, и тогда не придётся долго ждать.

Андрей настойчиво уверял себя в том, что все складывается очень удачно. Обстоятельства привели его в этот дом, как раз туда, куда нужно. Тогда и не стоит сопротивляться.

Эта семья нравилась ему, так почему не породниться. И мама будет счастлива.

Деньги его не интересовали. Сам небеден. Андрей знал, не будь у Николая Николаевича всего того, что было, это не повлияло бы на решение. И будь Даша совсем небогатой невестой, Андрей всё равно бы её выбрал. Только потому, что она дочь Бурова. То, что он видел и слышал, вполне устраивало, не вызывало тревог и опасений.

Спокойная, послушная, хозяйственная и скромная Даша понравилась ему.

«Чего ещё раздумывать. Вот – всё, что мне нужно», – мелькнула мысль.

В этот вечер, за этим столом – он решил свою дальнейшую судьбу.

Глава 15

– Видишь, мать, какого жениха я нашей Дашке отыскал, – говорил Николай Николаевич жене, лёжа в кровати, перед сном.

– Да, неплохо, если бы они поженились. Андрюша парень, что надо. Я помню его маленьким, какой послушный мальчик был. Вот только неизвестно, понравилась ли ему наша Дарьюшка.

– А ты ещё больше корми её, тогда точно понравится.

– Ну, да. Сам вон какое пузо отъел, а дитя что, голодом морить вздумал? – огрызнулась Марья Ивановна.

– Так мне, слава Богу, замуж не нужно выходить.

– Болтаешь тоже, что не попадая. Ах, если бы она ему понравилась, – вздохнула женщина.

– Как же она может не понравиться. Девка не балованная, мужиками не испорченная, по хозяйству всё умеет – что ещё надо? – заворчался Николай Николаевич.

– Да кто его знает. Вкусы-то у людей разные.

– Я весь вечер наблюдал за ним, – приподнялся на локте Николай Николаевич. – И, чтоб мне лопнуть, прямо тебе говорю, он от Дашки взгляд не мог оторвать.

– Вечно ты что-нибудь придумываешь, – засмеялась Марья Ивановна, но слова мужа были ей приятны.

– Точно говорю, смотрел и смотрел на неё, я-то всё заме-

чаю. И поверь моему слову, не пройдёт и пары месяцев, будет просить её руки.

– Тьфу, на тебя, наговоришь тоже. Пару месяцев. Нужно хотя бы год встречаться, а потом только предложение делать. Вспомни, сколько ты за мной ухаживал.

– Да это когда было, а теперь так долго никто не встречается, тят-ляп и в ЗАГС.

– Я тебе дам тят-ляп, – рассердилась Марья Ивановна. – Чтобы я свою доченьку, кровиночку вот так замуж выдавала? Не дождёшься.

– Ну и будет твоя кровиночка ещё десять лет в девках куковать, – грозным шёпотом сказал Николай Николаевич и плюхнулся на подушку.

Они немного помолчали. Каждый думал, как неплохо было бы заполучить Андрея в зятя. Парень он обеспеченный, а значит, не будет гнаться за богатым приданым. Сын давнего друга – обстоятельство тоже в пользу Андрея. Красив. В общем, одни плюсы.

Если бы знали они, что заинтересованность Андрея так плотно пересекалась с их целями, то возможно уже завтра повели бы под венец свою глубоко любимую доченьку.

– Там посмотрим. Что будет, то будет, – сказала Марья Ивановна и выключила лампу.

С того дня жизнь в доме Буровых стала менять направление. Почти каждый день приходил Андрей, приносил пода-

рочки или сладости для матери и дочери. С Николаем Николаевичем ездил на рыбалку. Все ждали и чувствовали – женьтиба не за горами.

Прошёл месяц, наконец Андрей пригласил Дашу погулять. Суэта по этому поводу была невероятная. Марья Ивановна носилась по квартире с платьем и не знала, куда его приткнуть, чтобы не помялось. Николай Николаевич ходил по гостиной из угла в угол и раздавал указания.

– Мама, где мои белые босоножки? – кричала Даша из своей комнаты. – Куда ты их положила в прошлом году?

Марья Ивановна прибежала с платьем в руке.

– Мама, что ты носишься, ты его окончательно помнёшь! Дай сюда, – Даша попыталась взять платье из рук матери, но так неловко, что оно упало на пол. – Ну вот, в чём я теперь пойду? – на глаза девушки навернулись слёзы. – Почему я не могу сама всё приготовить? Ты вечно суёшься со своей помощью.

– Но, котёнок, я же хочу как лучше, – плаксиво сказала Марья Ивановна.

– Чего вы тут ссоритесь, – подоспел Николай Николаевич.

– Могу я хоть раз в жизни собраться сама?! – нервно выкрикивала Даша. – Сколько можно?! Надоела ваша постоянная возня. Мне уже не пять лет!

– Вот когда заведёшь свою семью, тогда и будешь командовать. А сейчас пока ещё я в доме хозяйка! – сердилась Марья Ивановна.

– А я не хочу подчиняться твоим правилам!

– Девочки не ссорьтесь.

Раздался звонок в дверь.

Тёплый летний вечер. Набережная. Легкие волны бьются о стену, лунная дорожка вдалеке блестит и ломается.

Он и Она. Ветерок треплет волосы Андрея. Даша исподтишка поглядывает. Внутри у неё ощущение тихого счастья. Вечер кажется волшебным, а спутник её – кажется самым красивым мужчиной на земле. Как долго она об этом мечтала. Сколько раз засыпала с мыслями о любви. Сколько дней тосковала в одиночестве. И теперь совершенно не могла поверить в то, что всё это наяву.

Конечно, она влюбилась в него в тот самый момент, когда он стоял на пороге с цветами и тортом. Возможно, появившись на том пороге кто-то другой, влюбилась бы и в него. Слишком долго она была лишена общения хоть с какими-то мужчинами. И так долго ждала того, в кого можно влюбиться.

Они шли медленно и тихо. Ничто не тревожило и не останавливало. Лишь игривый ветерок напоминал – время не стоит на месте, всё движется, всё меняется безвозвратно.

Неожиданно Андрей остановился и посмотрел на Дашу.

– А что ты скажешь, если я попрошу тебя выйти за меня замуж?

– Я соглашусь.

– Хорошо, – сказал он и пошёл дальше.

Она секунду постояла и пошла за ним. Долго ещё молча бродили они по вечернему городу. У каждого свои мысли, надежды и желания.

Глава 16

О чем же думал Андрей? А он старался ни о чём не думать. Так легче. Ведь если начнёт разбираться, то поймёт, как крепко увяз, и как нелегко будет выпутываться. А зачем? Всё хорошо. Просто отлично. Как нельзя лучше. Нужно смотреть вперёд и не оглядываться назад. Ведь это очень просто. Словно начал жизнь заново. И нет никакого прошлого.

Как он жил? Непонятно. Судьба дала ему второй шанс, но он совсем не знал, как им воспользоваться. Жил спокойно, пока не увидел Надю. Встреча эта всё перевернула. С того дня словно одержимость завладела Андреем. Не было ничего, что могло её остановить. Да и вроде зачем?

А что теперь? Призрачная цель кажется спасением от одержимости. Она как лекарство, которое не лечит, а только ненадолго облегчает боль. Упрямо он стремился выполнить задуманное. Решимость эта была болезненной и неестественной.

Странно, что Буровы этого не замечали. Ослеплены успехом и рады тому, что у дочери появился жених. Они видели только то, что хотели видеть, и не замечали тоску во взгляде Андрея.

Он не останавливался. Ходил к Буровым, даже если ему этого не хотелось. Честно старался, заставлял себя полюбить

Дашу. Ведь она не противна ему, и возможно, новое чувство вытолкнет старое. Андрей мужественно терпел нудные, подчас пошловатые, задушевные беседы Николая Николаевича, навязчивые расспросы Марьи Ивановны. Он смирялся. Странно, как они этого не замечали.

Были моменты, когда он просто хотел встать и уйти. Без объяснений. Сбежать от них, спрятаться. А иногда возникало желание открыться. Не мучить ни себя, ни Буровых. Сказать всё, как есть. Но что-то держало. Тупая боль где-то в груди, не настоящая, но призрачная, не отпускала. Напоминала о чём-то, что заставляло терпеть. Ведь он, не из тех, кто поворачивает на полдороге.

Но уже скоро Андрей осознал, какую тяжесть положил себе на плечи. В какой-то момент он почувствовал, что нельзя заставлять себя делать то, чего не хочешь. Это труднее, чем он предполагал. Бесконечная мука. Постоянная ложь себе и другим омрачала жизнь. Цель, что казалась лёгкой, стала самой трудной.

Все попытки отбросить воспоминания оборачивались тоской и страданием.

Ведь на самом деле – всё очень просто. Он мог просто забыть слова, сказанные Гороховым. Тем более что даже не разобрался в их правдивости. А теперь уже поздно разбираться. Прошлого не воротишь.

Тщетно пытался он забыть Надю. Её образ словно преследовал. Что бы Андрей ни делал, куда бы ни пошёл, всюду

казалось – она где-то рядом. Искал её взглядом, но не находил. Он избегал мест, где мог её встретить. Но очень хотел встретить там, где бывал.

Дни бежали за днями. Новые обстоятельства как трясина засасывали Андрея. И он не сопротивлялся.

Часто взгляд его останавливался на лице Даши. Выискивал сходство и находил. Но как только она произносила хоть одно слово – всё терялось.

Глава 17

Большой слабостью тёти Люды Бубенцовой был поход по магазинам модной одежды. И хотя она не имела достаточно денег на такого рода обновки, но присутствие при покупке вещей другими людьми всегда вдохновляло. Продавцы некоторых магазинов уже знали её в лицо. И когда она входила, кривили физиономии и возмущённо переглядывались. Но это обстоятельство совсем не смущало Людмилу Бубенцову. Вопреки их недовольству, она наслаждалась исследованием новых коллекций одежды, не заботясь о настроении продавцов.

В тот день пошёл дождь. В хорошем расположении духа и предвкушении удачной прогулки по магазинам Людмила вышла из дома. Из-за дождя она не стала менять план мероприятия, и с улыбкой достала из сумочки потрёпанный зонтик.

Сначала она планировала пройтись пешком, но пришлось сесть на троллейбус, ведь лучшие магазины находились в центре города, а по дождю так далеко не уйдёшь. На остановке Площадь Ленина, женщина вышла из троллейбуса и сразу увидела «Свадебный салон». Название напомнило молодые годы. Ну как не зайти?

Интерьер ослепил белым. Стены, мебель, платья. Всё.

Людмила ходила среди этого великолепия и мысли её уносились далеко, к тому дню тридцать лет назад – дню её свадьбы. Она вспомнила, какой была красивой и счастливой. Вспомнила родителей. Ещё немного, и Людмила пустила бы непрошеную слезу, но тут до неё долетели слова:

– Я думаю, нам нужно взять эти тарелки, – щебетала девушка. – Они очень красивые. Ты знаешь, я ещё никогда в жизни не выбирала тарелки, это всегда делала мама. Она всё выбирает для меня и папы.

– Но теперь ты станешь самостоятельной и сможешь делать это сама, – ответил молодой человек.

– А если тебе не понравится то, что я выберу? Если оно будет отвратительным? – со смехом сказала девушка.

– Тогда я просто ничего не скажу.

Желание посмотреть на пару заставило Людмилу немного выглянуть из-за стеллажа со свадебной посудой. Девушка стояла спиной, а молодой человек лицом к Людмиле. И это лицо показалось очень знакомым.

Да что там, показалось! Это был тот парень, что постоянно ходил к Цветковой, а после случая с Володькой – исчез. И вот теперь он здесь, с этой маленькой толстушкой, выбирает тарелки для свадьбы! И так мило, во всём уступает! Это интересно. Какое будет выражение лица у Надьки, когда она об этом узнает?

Планы Людмилы резко поменялись. Точно сыщик, напавший на верный след, женщина почувствовала прилив энергии.

гии. Она поспешила домой, чтобы поскорее пустить в дело всё увиденное и услышанное.

«Вот они, мужики, – думала она. – Только успел расстаться с одной, как уже собирается жениться на другой. А что если он давно хотел жениться на этой, а к Надьке ходил коротать время? Даже очень может быть. Скорей всего, эта – дочь богатеньких родителей. Судя по её фигуре, он женится на ней ради денег. Жаль я лица не рассмотрела. А с Надьки что возьмёшь, да ещё и с ребёнком. Простушка. Вот тебе и мужики!»

На какое-то мгновение Людмила даже пожалела Надю. Но это было действительно лишь мгновение.

По дороге женщина придумала план визита. Зашла домой, переделалась в халат, надела фартук. Азарт и волнение подстёгивали.

Уже через десять минут Людмила подошла к двадцатой квартире и нажала кнопку звонка. Пара мгновений, и дверь открылась. Надя с полотенцем в руках, удивлённый взгляд.

– Здравствуй, Надюша, – тётя Люда попыталась использовать всю приятность лица и голоса. – Извини, что отвлекаю. Я тут затеяла борщ варить, кинулась, а лука нет. К тёте Маше поднялась, а она ушла куда-то, наверное, на базар. Не займёшь пару луковиц? Я как куплю, сразу отдам.

– Ну конечно, проходите, – Надя пошла на кухню, Людмила следом.

– Как у вас тут симпатично всё стало, – польстила Людми-

ла. – А я, ты знаешь, сегодня в центр ездила. Не поверишь, кого встретила, – она подождала, когда Надя поинтересуется, но та молча искала в столе лук. – Так вот, твой знакомый, тот высокий брюнет, с невестой в свадебном салоне выбирал тарелки для свадьбы. Я чуть не поздоровалась, но потом вспомнила, он ведь меня не знает.

Людмила стала расписывать прелести магазина, когда Надя перебила её:

– Вы зачем пришли? – в голосе угрожающие нотки.

– За луком, – медленно попятилась Людмила.

– Убирайтесь! – Надя указала на дверь.

Женщина хмыкнула, развернулась и вышла.

В тот день весь двор говорил о том, что бывший Надькин любовник – женится. А Надька, когда узнала эту новость, начала кидаться на людей и бить посуду. И даже кинула одной тарелкой в тётю Люду Бубенцову, которая всего лишь, вежливо попросила две луковицы.

Часть 3

Глава 1

Никто не знает, что случится завтра, на следующей неделе, или через месяц. Даже если вы выстроили планы на будущее, вполне возможно, что они рухнут, под влиянием непредвиденных обстоятельств. Только вы намечаете цель и пытаетесь ей следовать, как она начинает ускользать, не в силах противостоять воздействию навалившихся случайностей.

Пытаясь ответить на вопросы, Надя ещё больше запутывалась. Каждый раз наталкивалась на воспоминание о злополучном воскресенье. В растерянности она искала выход, пыталась понять, почему так произошло. Хотелось вернуть всё назад, попробовать изменить случившееся. Но это уже невозможно.

Она не строила планов, а просто жила мгновеньями счастья. Не думала о том, что будет дальше. Все желания были сосредоточены на встречах с Андреем. Все мысли о нём. Ей не приходило в голову, что это может когда-нибудь закончиться. И тем более не думала Надя, что конец всему положит тот человек, которому она так доверяла.

О запоздалых чувствах Володьки она догадывалась. Уже через некоторое время после развода его поступки говорили о том, что он жалеет и хотел бы вернуть их прежнюю жизнь. Возможно, если бы он не тянул так долго, его желание могло бы осуществиться. Ведь столько времени никого, кроме него, не было рядом. И если бы он хотя бы намекнул о своих намерениях или планах, возможно, тогда всё сложилось бы по-другому.

Воздушные замки давно разрушились. Надя жила, понимая реальность, и ощущала потребность в том, чтобы кто-то был рядом. Она хотела любить. Этого требовала не только душа, но и тело. Достаточно было одного порыва со стороны Володьки, и жизнь их обоих тут же поменяла бы направление. А он молчал. Только смотрел угрюмо, и ни на что не решался.

С Володькой она не чувствовала того, самого настоящего, невыдуманного чувства. И всё же она не стала бы отказываться от единственного человека, который был рядом, будь он хоть немного решительней. Время утекало безвозвратно, каждая минута отдаляла Надю от Володьки. Она ждала, а он молчал. И момент был упущен. Володька слишком долго сомневался.

Когда Надя уже не рассчитывала на перемены, появился Андрей. И сердце девушки проснулось. Чувства, почти забытые, хранящиеся где-то под замком, вдруг вырвались на-

ружу. И пустота существования заполнилась новыми, неизвестными ощущениями.

Кто бы мог подумать, что неожиданная встреча в магазине всё перевернёт. В тот самый момент, когда Надя увидела Андрея, все вопросительные знаки отпали сами собой. Она наконец поняла, чего ждала, к чему стремилась, и чего так не хватало. Желание любить и быть любимой завладело умом. Та ниточка, которая привязалась к сердцу тогда, в больнице, и от времени ослабла, натянулась как струна.

День, когда Андрей появился на пороге квартиры – не забыть никогда. Надя помнила каждое мгновение этой встречи. То безумие, которое охватило обоих. Слова, что он говорил. Никогда она не была так счастлива, и не испытывала ничего подобного. Слеплённая чувством, жила, словно во сне. Не сомневалась в его любви ни на мгновение, так же, как не сомневалась и в своей.

Каждую секунду она его ждала. Время без него становилось пыткой. И он приходил снова и снова, уносил в мир страсти, из которого с трудом возвращалась Надя, когда за Андреем закрывалась дверь. Может, это был только сон? Нет. Нет!

Ночами она долго не могла заснуть. Думала и тосковала. Сон не приходил, мысли метались. Ночью страх и отчаяние наполняли душу. Однажды, побывав на вершине счастья, уже невозможно было не стремиться к ней вновь. Надя боялась того, что всё может закончиться. Исчезнуть. Вдруг

он разлюбит? И только когда несколько слезинок падали на подушку, Надя засыпала.

Мечты, грёзы. Какие сладостные и оживляющие. Что может им помешать? Надя мечтала. Всегда вместе, всегда рядом. Ни разлуки, ни ссор. Будущее представлялось светлым и лучистым. Ничто не в силах разрушить их мир. Никакие преграды, казалось, не могут встать на пути этого счастья. Стойкая уверенность придавала силы и окрыляла. Этот сладкий сон не должен закончиться никогда.

Но он закончился.

Всю свою жизнь Надя брела, словно в сером тумане. Шла, не ведая пути. Но вдруг яркая вспышка осветила дорогу. На одно лишь мгновение. А потом оставила мрак и непроглядную тьму.

Всё рухнуло. Оборвалось. Разве можно было предположить, что это будет так грубо. Удар невероятной силы обрушился и смял все, что попало на пути.

И пустота. Опустела квартира. Опустела душа. Чувства – раздавлены и растоптаны. Слова – ножом прошли по сердцу. Зачем всё это? Зачем так жестоко?

Каждый день ждала Надя, что вот сейчас раздастся стук или прозвонит звонок. Она вздрагивала при любом звуке и даже шорохе. Но шли дни, а ничего не менялось.

Тишина. Пустота. Тоска.

Слёзы были друзьями и утешителями, но уже и они не приносили облегчения.

«Зачем жить, если я не нужна ему?» – думала Надя. И только мысли о маленьком Андрюше удерживали от неразумных поступков. Со стороны могло казаться, что всё спокойно. Никто не догадывался о буре страдания, что кипела в её сердце. Беспомощность не была видна снаружи, но изводила изнутри.

Известие о женитьбе Андрея совсем подкосило Надю. Если и была хоть какая-то надежда, то теперь – всё. Правда это, или нет, осталось только обо всём забыть. Жить дальше. Как это сделать? Как можно забыть то, что давало силы?

Но теперь – конец всему. Он – женится. Вот и всё.

Глава 2

Когда в дверь позвонили, Надя в ванной полоскала бельё в тазу. От неожиданности она так вздрогнула, что пролила на пол воду и намочила тапки.

– Ах ты...

Кто-то позвонил ещё раз, более требовательно. Надя переступила лужу и пошла открывать.

На пороге стояла девушка. Тёмные очки скрывали чуть ли не половину лица. На пухлых губах такой слой блеска, что Надя почти увидела своё отражение. Тёмные волосы прядами спадали на грудь. Тугое платье с откровенным декольте прикрывало разве что самые главные места и совсем не прикрывало стройные ноги в босоножках на высоченных каблуках. Рядом с девушкой большой красный чемодан на колёсиках.

– Здравствуйте, – официальный тон девушки насторожил Надю. – Здесь проживают Цветковы?

– Да, – произнесла озадаченная Надя.

– Надюха! – девушка так стремительно кинулась на Надю, что чуть не сбила с ног.

Вдруг неожиданная догадка пронеслась в голове Нади и она выдохнула:

– Маринка!

Неизвестно, что могло сейчас ещё больше удивить и обрадовать Надю, чем приезд сестры. Это событие показалось ей внезапным решением всех проблем. В порыве радости она забыла о печали. Ощущение одиночества, что преследовало последнее время, неожиданно куда-то исчезло. Надя поняла, что она не одна, есть родной человек, который поддержит, выслушает и утешит.

– Вот, приехала погостить с недельку. Если не прогоните, – развязно сказала Марина, когда зашла в комнату и огляделась вокруг. В её тоне чувствовалась настороженность, как будто она ждала, что её могут прогнать. – Уютненько у вас тут. Обои новые, люстра. Надо же, а я думала, что и ты сбежишь. А может, мама пить бросила? Ну, чего молчишь?

Надя восхищённо смотрела на сестру, но при упоминании о матери взгляд поник. Она грустно сказала:

– Мама умерла.

– Как? Когда?

– Уже три года прошло.

Марина села и закрыла лицо руками. Надя села рядом с сестрой и обняла её за плечи. Какое-то время слышно было только, как тикают на стене часы.

– Это я виновата, – наконец подняла голову Марина. – Мне нужно было попытаться повлиять на неё, что-то сделать.

– Никто не виноват. Так получилось. Не вини себя.

Вечером сели на кухне. На столе закуска и вино. Говори-

ли обо всём. Марина рассказала свою историю, с того самого дня, когда ушла из дома. Как поселилась у парня, потом они поехали покорять столицу. Там она бросила его, ведь он оказался неудачником. Нашла работу в баре. Потом были ещё парни и бары. И наконец – стрип-клуб. Там за ней стал ухаживать богатый дядя, который теперь содержит её и оплачивает все счета. Подробности своей истории Марина густо перемешивала бранными словами, и Надя оборачивалась на дверь и повторяла:

– Тише, Андрюша спит.

После истории Марины Надя рассказала о себе. О беременности и женитьбе, о больнице и разводе.

– Вижу, и у тебя тут страсти кипят, – заключила Марина. – Давай выпьем, сестричка. За то, чтобы всё у нас было хорошо. Да, за всё хорошее, – и она отхлебнула из бокала. – А ты знаешь, я тебе вот что скажу. Никуда он не денется от нас, этот твой, как его, Лозовой. Обещаю, уже на следующей неделе приползёт к тебе на коленях и будет прощения просить как миленький. И не такие приползали.

– Да нет. Он не такой. Знаешь, какой он гордый, ни за что не придёт. И я не пойду. Как я могу теперь ему на глаза показаться. Да и женится он. Нет, ни за что.

– Верь мне. Если за дело берётся Марина Цветкова, сценический псевдоним Кобра, то считай, сестра, дело сделано.

Надя долго отнекивалась, но Марина стояла на своём. Выпитое вино и страстное желание помочь сестре так раззодо-

рило так, что уже завтра она планировала что-нибудь предпринять.

Они вспоминали, смеялись и плакали. Сколько лет прошло с тех пор, как они виделись? Когда Марина ушла, Наде было двенадцать, а теперь девятнадцать.

Семь долгих лет.

Глава 3

Сестра приехала на неделю, но эта неделя была самой весёлой и шумной в жизни Нади. Расплачиваясь кредитной карточкой «папочки», как называла Марина своего покровителя, она накупила для Нади столько одежды, обуви и всякой всячины, сколько та и представить не могла.

– Тебе, Надюха, нужно имидж поменять, а то ты как-то просто выглядишь. Что ты носишь? Посмотри. Это разве одежда? – она взяла двумя пальцами цветастую Надину юбку. – Ужас. Такое, наверное, и в деревне уже никто не носит.

Вечерами Марина выводила Надю в свет. Не было ни одного ресторана или ночного клуба, куда бы она её не потащила.

Каждый вечер Надя приводила Андрюшу свекрови.

– Правильно, Надюша, давно тебе нужно развеяться, – говорила Зоя Семёновна.

Наде не слишком нравилось такое времяпровождение, но она так долго жила однообразно, что совершенно не могла сопротивляться и окунулась в водоворот событий, который выдернул из состояния монотонности.

В купленных сестрой нарядах Надя чувствовала себя неуютно и нелепо. Внимание парней в клубах казалось неприятным и неискренним. Несколько раз она пыталась противиться и выказывать недовольство, но сестра и слу-

шать не хотела. Напоминала о скором отъезде, и когда, мол, ещё удастся вместе покуролесить. Делать нечего, приходилось подчиняться.

Дни летели стремительно и незаметно. По утрам Надя забирала Андрюшу и вела в детский сад, затем шла на работу. Марина обычно спала до обеда. Потом собиралась и уходила. Куда – не говорила. Надя чувствовала, сестра что-то замышляет, но что именно, не могла понять, даже не пыталась.

Вечернее платье с золотистым отливом, босоножки на шпильке, волосы мягкими завитками спадают на лоб. Кто эта девушка? Она совсем не похожа на ту простую Надю – уборщицу в магазине.

В этот вечер сестры сидят за маленьким столиком в одном из лучших ресторанов города. Лёгкая музыка обволакивала и опьяняла. Все столики заняты. За соседним воркует влюблённая пара. Слева супруги вчитываются в меню и обмениваются сдержанными фразами. Чуть дальше компания весело что-то отмечает. Лучи медленно перебегают взглядами с одного лица на другое. Никто не скучает. Никто, кроме Нади.

Сегодня последний вечер. Завтра Марина уезжает. И поэтому Надя грустит. Завтра она опять останется одна. Но Марину это обстоятельство несильно печалит, она разговорчива, вертится и озирается по сторонам. И совсем не слушает Надю, что пытается сказать о своей грусти.

– Не выдумывай, – говорит Марина. – Я же не навсегда уезжаю, теперь буду приезжать почаще, чтобы не дать тебе закиснуть.

Но Надю это не успокаивает, и она грустит ещё больше.

Нежная мелодия окутала полумрак зала чарующими звуками. Певица на маленькой сцене затянула грустную песню. Звуки этой песни казались знакомыми. Надя прислушалась, и почувствовала – вот-вот, и слеза не удержится. Ещё немного, и грусть, которая скопилась, выплеснется наружу. Она посмотрела на сестру и поняла, мысли Марины где-то там, за Надиным плечом. Именно туда устремился жадный взгляд сестры. Она вдруг заёрзала.

Кто-то подошёл и сказал:

– Разрешите пригласить вас?

От неожиданности Надя вздрогнула.

– О, вы так любезны, – плаксиво проворковала Марина. – Но, к сожалению, я подвернула ногу и не смогу теперь танцевать, а вот моя сестра, – она указала на Надю, – с удовольствием с вами потанцует.

Надя с трудом повернула голову. Это был – Он. В его глазах изумление. Он словно застыл.

– Ну что же вы замерли? Приглашайте девушку, – весело как ни в чём не бывало сказала Марина. – Или вы так потрясены её красотой?

Будто бы замороженный, Андрей подал руку:

– Прошу вас.

Надя медленно протянула ладонь. Она будто окунулась в тихий омут его глаз. И словно не было ничего, что могло помешать. Не было нескольких месяцев разлуки. А когда он прижал Надю к себе, дрожь пробежала по телу. И никогда, только он и она. Ни людей, ни столиков, ни музыкантов, лишь мягкий свет, чарующая музыка и волшебство.

Но закончилась музыка. Волшебный момент исчез. Возвращение в реальность произошло не сразу. Ещё какое-то мгновение они стояли и смотрели друг на друга. Он очнулся, проводил её до столика и ушёл.

Потом Надя ни разу не обернулась и не посмотрела туда, где был он. Но чувствовала пристальный взгляд. Сестра болтала, будто бы издалека доносился её голос.

Неожиданно Марина подняла руку, подзывая официанта.

– А теперь быстро уходим, – сказала она и бросила на стол деньги.

– Как уходим? – растерялась Надя.

– Уходим, – процедила Марина, при этом губы её были растянуты в улыбке. – И не оборачиваемся.

Она подхватила Надю под руку и стремительно, но всё же соблюдая приличия, потянула к выходу. Надя не упиралась и не оборачивалась.

– Ничего не понимаю. Почему мы так резко ушли? – спросила она уже в такси.

– Потом поймёшь, – загадочно улыбнулась Марина.

Надя задумалась. Только теперь до неё стало доходить,

что встреча в ресторане не была случайной. Сестра всё продумала, когда посадила Надю спиной к компании, и не давала обернуться. Всё просчитала. И у неё получилось.

Глава 4

Андрей достал сигарету, чиркнул зажигалкой, закурил. Он поднял голову. Чёрное небо, бездонная звёздная темнота. Мысль только одна. Почему?

А ответа нет. Только небо тихое, бесконечное.

Из ресторана – музыка и голоса. Этот гул не мог вернуть в реальность. Не мог напомнить, что там, в полумраке зала, сидит – невеста. Та, на которой Андрей женится очень скоро. Та – кого он выбрал. С кем будет жить в радости и печали. С кем должен делить постель. Он не мог вспомнить всего этого сейчас, потому что мысли совсем далеко. Там, откуда они столько раз пытались уйти. И вопрос. Почему?

Столько дней пытался он забыть Надю, но стоило увидеть её, и в сердце снова разгорелся пожар. Всё, что с таким трудом забывалось, вновь вспыхнуло от одного только взгляда.

Он стоял и смотрел в пустоту неба, и не мог понять, почему так происходит. Зачем судьба снова их столкнула? Какой смысл в том, что теперь ещё больше будет его душе? Вроде бы всё решено и нет возврата к прошлому. Но твёрдая уверенность в том, что ничто не сможет помешать этой женитьбе – пошатнулась. Та крепость, которую он так тщательно воздвигал, закачалась, и мелкие камни сомнений полетели на землю. Теперь Андрей начал сомневаться. Неужели поздно?

Когда родители Даши узнали о том, что Андрей сделал ей предложение, решили отметить это знаменательное событие в лучшем ресторане города. Недолго думали и через несколько дней большой кампанией семьи Буровых, Лозовых, Егоровых и Ломакиных уже шумно отмечали столь важный повод в ресторане «Морской».

Николай Николаевич гулял с размахом. Так, как он любил и умел это делать. Гости обильно поглощали отборные яства и выпивку. Правда, что касалось выпивки, тут жены немного отставали от мужей, дабы не выглядеть неприлично. К середине вечера некоторые из гостей были уже изрядно захмелевшими. Андрей почти не пил. Он старался контролировать обстановку и не допустить дебоша, на который, как он знал, был способен Николай Николаевич Буров.

Хорошо приняв на грудь, Буров и его друг Егоров, директор банка, а также молодая жена Егорова Нина – выплясывали на танцполе и потешали всех присутствующих в заведении в этот вечер. Марья Ивановна краснела за мужа-балагура, но остановить его не пыталась, так как хорошо знала – это чревато проблемами.

Андрей докурил третью сигарету и вернулся в зал. Когда зашёл, сразу бросил взгляд на столик, где сидела Надя и остановился. Ни Нади, ни её спутницы не было.

В этот момент он услышал слова:

– ...Выдаю свою дочь за этого красавца.

Громкие аплодисменты зазвучали вокруг. Все взгляды устремились на Андрея. Гости улыбались, а он стоял и не понимал, чему они улыбаются. Подскочил Николай Николаевич и с трудом дотянулся до плеча будущего зятя.

– Иди, Андрюха, приглашай невесту. Сейчас для вас будут играть, – и потянул Андрея за руку.

Ничего другого не оставалось, как сделать приятное лицо и повести Дашу танцевать. Влюблённый её взгляд не нравился Андрею. Мысли совершенно в другом месте. Только когда услышал её голос, опомнился.

– Что? – переспросил Андрей.

– Я говорю, папа сейчас даст жару, – и она показала в сторону отца.

А там правда было на что посмотреть. Буров выплясывал посреди зала рядом с женой Егорова. Она лет на двадцать моложе своего мужа. Красивая, но не чванливая. Жена Егорова, так же, как и сам Егоров, любила веселиться. И вот она извивалась словно змея в обтягивающем платье. Егоров крутился неподалёку, он высоко поднимал руки и резко опускал вниз, своеобразный этот танец всех веселил, а танцор, только знай притопывал в такт музыке. Потное лицо его мелькало тут и там. Толстая фигура комично подёргивалась, но его не смущало ни пристальное внимание, ни смешки публики. Два толстяка и красавица этим вечером задавали настроение всем. Глядя на них, посетители вдохновлялись и шли танцевать, покорённые задором и молодецкой удалью этого забав-

ного трио.

За столом неизменно сидели Марья Ивановна, Даша, Га-лина Васильевна, Андрей. Семейство Ломакиных в составе мужа, жены и их дочери. И ещё один друг Николая Николаевича – Сомов, владелец сети магазинов продовольственных товаров.

Сомов, также любил выпить и покутить, но сейчас его беспокоила язва, и он с завистью наблюдал за весельем хозяина банкета. А так как в нём самом не было дозы спиртного, достаточной для неосознанных поступков и поддержания шумных баталлий уже изрядно выпивших друзей, то и вёл он себя вполне прилично. Сомов тоже любил устраивать бедламы, но сегодня был не тот день.

Неотъемлемой чертой семейства Ломакиных была чопорность. Он и она – высокое начальство из управления. Они приглашались в дом Буровых на всякое торжество и считались хорошими друзьями. Все понимали, такие люди не могут вести себя иначе, дабы не стать посмешищем и не испортить репутацию. Этим они и извинялись. Хотя в компаниях более тесных и они давали волю своим внутренним желаниям.

Марья Ивановна знала, как ведёт себя муж, когда выпьет. Она очень этого стыдилась, но поделаться ничего не могла. Так как хорошо понимала, начни она придирааться, он и вовсе лишит её права присутствия на банкетах. А ведь это были какие-никакие выходы в свет. Значит, с поведением мужа

приходилось мириться.

Даша с детства привыкла к выходкам отца. Понимая, что хорошо, а что плохо, она замечала некоторую неприличность в том, как он веселился. Но ведь родителей не выбирают. Отец был не простым работягой со среднестатистической зарплатой, и некоторые огрехи его поведения можно легко простить. Даша знала минусы, но такие весомые плюсы всё равно перевешивали.

Застолье кипело. Гости дружно переговаривались. Какой врач лучше полечит зубы, с чего начинать семейную жизнь, как воспитывать детей, какие цены на продукты, кто, куда ездил отдыхать в этом году.

Всем весело. Все довольны. Даже Галина Васильевна, при сдержанности в характере, несказанно рада состоявшемуся событию. Ей, быть может, больше, чем другим, хотелось, чтобы дело поскорее решилось. Сын наконец-то был счастлив. А если будет счастлив он, то, конечно, и она будет счастлива.

И только один человек сидел за этим столом и не до конца понимал, что он тут делает. Никто не замечал его недоумения. И то, что творилось в этот момент в его душе, было только ему известно.

А думал он о том, вот – ещё один шаг и все кончено. Смотрел на Дашу и только теперь начинал понимать, как велика разница между ней и той, которую он держал в объятьях чуть раньше. Только теперь до него стала доходить вся аб-

сурдность его поступков и невозможность завершения начатого. И если раньше вся эта затея казалась такой удачной, то сейчас ему захотелось встать и бежать отсюда. Куда-нибудь подальше, чтобы больше никогда не видеть никого из этих людей.

Глава 5

Дома Надя напустилась на сестру:

– Зачем ты привела меня туда?

– Чтобы ты развлеклась, – пожалала плечами Марина.

– По-твоему, это развлечение?

– Я хотела как лучше. Чтобы вы снова встретились и посмотрели друг другу в глаза. Я думала, когда он увидит тебя такую красивую, не сможет устоять.

– Он женится, – Надя задумчиво смотрела в тёмное окно. – Разве ты не знала?

– Но ведь ещё не женился. Слушай, Надюха, – Марина повернула сестру к себе и положила руки ей на плечи. – Если ты ничего не будешь делать, то так ни с чем и останешься. Думаешь, я не видела, как он на тебя смотрит? Да его будто током шандарахнуло. Равнодушный человек так не смотрит. А когда вы танцевали, думаешь, я не видела, как он тебя обнял. Нелюбимого человека так не обнимают. Ты должна бороться и не отдавать его другой. Он любит тебя – это видно невооружённым глазом. Но для того, чтобы быть с ним, ты ничего не делаешь.

– А что я должна делать, по-твоему? Ходить и мозолить ему глаза?

– Да хоть бы и так. Вон я, сколько мозолила глаза своему «папочке», и пожалуйста, теперь у меня его кредитка, – за-

смеялась Марина.

– Но ты не любишь его? – спросила Надя.

– Кому нужна эта любовь? – Марина резко отстранилась и опустилась в кресло, достала из блестящей сумочки сигарету и закурила. – От неё только слёзы и бедность. А я не хочу быть бедной.

Что-то было у неё на сердце, то, чего она так и не рассказала сестре. Надя не стала спрашивать.

– А ты, – снова весело заговорила Марина, – должна бороться – есть за что.

Утром Марина уехала. Снова слёзы, объятья. И вот Надя опять одна. Как будто ветер утих, жизнь потекла по-старому. Монотонность вновь окутала привычным покрывалом.

Несколько дней Надя жила под впечатлением от приезда сестры. Старалась следовать её советам. Внутренние звончки время от времени напоминали о том, что говорила Марина. Нужно бороться, не опускать руки. Надя понимала правоту этих слов, но как это сделать? Как попытаться повлиять на реальность, что окружила плотным кольцом? Как выбраться из неё?

Нужно хотя бы попытаться найти другую работу. Если не искать, то можно так и прожить уборщицей всю жизнь. С этого дня Надя решила взяться за поиск работы, и в случае неудач не отступать. Сначала нужно сходить за советом к Татьяне Кирилловне.

Вечером Надя постучала к соседке в дверь.

– А, Надюша, заходи, – женщина обрадовалась приходу Нади и засуетилась. – Сейчас чайник поставлю. Ну как сестра, уехала уже?

– Да, утром, – Надя села на стул, но тут же привстала. – Вам помочь?

– Сиди, сиди – ты гостья, – женщина доставала из холодильника масло, сыр и колбасу.

– Да не тревожьтесь, я на минуточку.

– Теперь пока чаю не попьёшь, не выпущу, – Татьяна Кирилловна порезала сыр и колбасу.

– Хорошо. Я вот чего пришла, подумала, может, вы подскажите. Я хочу подыскать другую работу. Не потому, что теперешняя мне не нравится, а просто хочу что-то поменять.

– И правильно. Давно пора поменять работу. Я не хотела тебе говорить раньше, но раз ты сама затронула эту тему, то скажу. Тебе, Надюша, нужно учиться. Может, попробовала бы поступить куда-то. Да хоть в училище или на курсы какие. На повара или парикмахера. Профессию получишь. Действительно, не век же тебе быть уборщицей.

– Думаете, меня примут? – засомневалась Надя.

– А чего же не примут. Сходи, пока лето, и узнай, как и что. За спрос не берут.

Посидели ещё немного, поговорили о том о сём.

Уходила Надя от соседки вдохновлённая, с твёрдой решимостью. И как она сама такое не сообразила? А может, и ду-

мала, но боялась допустить. Вдруг не получится.

Глава 6

Иногда достаточно мелочи, чтобы жизнь потекла в другом направлении. Стоит маленькому обстоятельству поменяться, как то, что вы считали привычным и устоявшимся, начинает казаться совсем не тем. Как тяжело становится осознать всю неправильность и тщетность прилагаемых усилий.

После встречи в ресторане Андрей многое осознал. Теперь всё показалось ещё более сложным и запутанным, и он понял, как глубоко увяз.

Образ Нади, той, что была в ресторане, неизменно стоял перед взором. Теперь это уже не полевой цветок, это орхидея, что влечёт ненасытного гурмана.

С новой, ещё большей силой, его тянуло туда, на улицу Вишнёвую. Так, что даже невозможно стало сопротивляться. Вечерами, когда город окутывала темнота, разбавленная светом фонарей, Андрей выходил из дома и шёл туда, где живёт Надя. Много ночей, он бродил вокруг её дома. Иногда стоял и смотрел на плотно зашторенные окна.

Неодолимая тоска сжимала сердце. Там за этими шторами – Она. Достаточно сделать несколько шагов к подъезду и подняться на второй этаж. А там можно просто нажать на кнопку звонка и все преграды, воздвигнутые неверием и упрямством, будут разрушены. Но он стоял и не делал этих спасительных шагов.

Что он скажет, когда она откроет дверь?

Шли дни, а ничего не менялось. Андрей всё также терзался и страдал. Выхода он, как будто, не видел. Временами, самым простым решением казалось бросить всё и уехать далеко. Но разве это поможет?

Приготовления к свадьбе шли полным ходом. Словно снежный ком, накатывались обстоятельства, неотвратимо подвигающие ненавистный день. И Андрей принимал их без сопротивления. Бунтовал только внутри. Никто из окружающих не замечал и намёка на недовольство. Ни мама, ни Буров, ни Даша. Всё шло своим чередом и ничего тревожного не предвещало.

Но если бы все они имели возможность проникнуть в мысли Андрея, то неприятно удивились бы их направлению.

Глава 7

Каждый человек предназначен для своего дела. Но бывает, проживёт половину жизни и обнаружит, что занимается не тем. И хорошо, когда ещё есть время всё исправить. Начать сначала. А если нет?

Шли дни, недели. Надя училась на курсах кройки и шитья. Добросовестно постигала науку ножниц и иголки. Это то, что она любила, и то, что получалось у неё лучше всего.

На курсах у Нади появилась подруга. Правду говорят – противоположности притягиваются. Крупная девушка с непривлекательным совсем лицом, стала той, кого в Надиной жизни никогда не было – подругой. Нелепо смотрелась эта парочка со стороны – маленькая Надя рядом с большой Полиной. Надя тянулась к умной подруге, Полина к доброй Наде. И их тихая, душевная дружба казалась окружающим странной.

Они любили читать. Обсуждали, спорили, смеялись. Забывали о времени, не успевали наговориться.

Надя понимала, не пойдя она тогда к Татьяне Кирилловне, не посоветуй та записаться на курсы, не было бы этой дружбы. Сколько раз вечерами Надя мысленно благодарила судьбу за то, что послала ей такого человека.

Дни летели словно птицы. Не угонишься. Незаметно под-

красась осень. Глядь, и покрыла дорожки рыжим ковром. Светло-серая дымка окутала солнце, отчего оно казалось прикрытой абажуром тусклой лампой.

Медленно брели подруги по дорожке парка.

Вдруг кто-то окликнул:

– Поинка!

Девушки обернулись. Приближался молодой человек, высокий и крупный.

– О, Серёжка! Ты как здесь оказался? – спросила Полина и покраснела, глядя то на Надю, то на Серёжу.

– А я увидел вас с улицы и решил подойти, – произнёс Сергей и покосился на Надю.

Неуверенная догадка мелькнула в голове Нади. Встреча явно была неслучайной. Повисла неловкая пауза. Полина будто спохватилась, сказала:

– Надя – это мой брат Сергей.

– Очень приятно, – протянула руку Надя.

Снова притихли.

– Можно с вами прогуляться? – попытался скрасить неловкость Сергей.

– Конечно можно, – просто сказала Надя, и они вместе пошли дальше.

Спустя некоторое время они уже весело болтали. Потом Надя глянула на часы:

– Пора бежать в садик за Андрюшей.

У ворот парка она рассталась с братом и сестрой.

На следующий день Серёжа ждал подруг после курсов. Пригласил в кафе.

Надя наблюдала за братом и сестрой. Они очень похожи, хоть и совершенно разные. То, что в Полине казалось грубым для девушки, в Сергее было на своём месте. Он не был красавцем, но черты его не были неприятны. Казалось, надень на него кольчугу и латы, дай в руки меч, и вот, пожалуйста – вылитый Илья Муромец. Конечно, если ещё и бороду приклеить.

Сергей настоящий богатырь. В детстве родители отдали своего маленького, но по сравнению со сверстниками – большого сына на борьбу. В спорте он многого достиг. Теперь тренировал детей в спортивной школе.

Наде нравился этот большой, добрый парень. Теперь Надя, Полина и Сергей стали неразлучной троицей. Гуляли и вечерами с маленьким Андрюшкой.

Трудно было не замечать взглядов Сергея. И Надя замечала. Возможно, потому, что её исстрадавшееся сердце никак не могло успокоиться. Но теперь она решила – не нужно ждать. Сидеть у окна, подперев ладонью подбородок. Надо брать то, что вкладывает в руки судьба. Надя поняла, Серёжа – это и есть подарок судьбы. И нельзя от него отказываться. Рядом с ним она чувствовала себя защищённой. Он – большой и сильный. Разве можно от этого отступить? Нет.

Прошумела дождями осень. Покружила ветрами и мете-

лями зима. Весна наступила внезапно. Ещё не успел растаять февральский снег, а тёплые лучи уже подбадривали прохожих.

Надя много трудилась, уже брала мелкий ремонт и небольшую перешивку. Уволилась из магазина. Заработка хватало на неприхотливые нужды. Немного поднакопила денег и даже смогла купить новую электрическую швейную машинку.

С Сергеем дружба оставалась пока только дружбой. Уже давно было понятно, что он влюблён. Надя чувствовала это, но он молчал. Робел, краснел при встрече. А она не могла помочь ему, не была уверена. Она не знала, какие чувства испытывает сама. Несомненно, он нравился ей, но разве это любовь?

Глава 8

Тихим апрельским вечером неразлучная тройца прогуливалась по набережной. Воздух наполнен теплом и ароматом весны. Свет резных фонарей мягко падал на воду, казалось, будто там, где он оканчивался – ничего нет. Только тьма.

Надя прижалась плечом к руке Сергея. А он уловил это движение, и как будто дружески привлёк её к себе. Всё получилось само собой. Дальше так и шли, обнявшись. Болтали о чем-то, смеялись. Неожиданно Надя умолкла. Напряглась. Рука дрогнула и опустилась.

Навстречу шёл Лозовой. Под руку его держала миловидная девушка. Расстояние быстро уменьшалось. Когда осталось всего с десятков шагов, Надя попыталась спрятаться за плечом Сергея. Но тут произошло неожиданное.

– Андрюха! – вдруг выкрикнул он и быстро пошёл навстречу Лозовому.

– Серёга! – кинулся к нему Андрей.

– Как ты? Где ты?

– А ты как? Сто лет тебя не видел. Как спорт? – радостно перебивал Андрей.

Несколько минут они весело обнимались. Задавали друг другу вопросы. Совсем позабыли об окружающих. Но когда момент радости поутих, спохватились и стали знакомить девушек. Всё это время Надя стояла позади Сергея. Зато боль-

шую фигуру Полины трудно было не заметить.

– Это Даша – моя невеста, – весело приобнял Андрей полную девушку, а она зарделась, и при свете фонарей лицо её стало казаться пунцовым.

Серёжа повернулся к сестре:

– Полинку ты знаешь, а это, – и он открыл Надю на всеобщее обозрение, – Надя! – Он сказал её имя так, что у любого, кто слушал его, сразу создалось впечатление большой Надиной значимости.

Андрей тихо остолбенел. Кроме Нади, видимо, этого никто не заметил. От неожиданности встречи и, возможно, сам того не желая, Андрей задал нелепый вопрос:

– А Надя кто?

– Невеста! – спокойно сказала Надя.

С того дня отношения между Надей и Сергеем круто изменились. Он не спрашивал, почему она так сказала. Понял, видно, это намёк на его нерешительность. А раз она так прямолинейна, то нечего ждать, сколько ещё можно набираться смелости.

В один из дней он встретил Надю и Полину. Сестра вдруг отыскала причину и ушла по каким-то срочным делам. Сергей вызвался проводить Надю. Они шли медленно, будто старались потянуть время. Почти не говорили, словно обдумывали то, что нужно сказать.

Вскоре оказались перед подъездом. Немного постояли.

Неожиданно Надя взяла его за руку и легко потянула за собой. Теперь он уже ни в чём не сомневался. Он шёл за ней и хотел только одного – обнять её и никогда больше не отпустить. И он держался за её маленькую руку, как за соломинку, и боялся отпустить.

Когда дверь захлопнулась, и они оказались в квартире лицом к лицу, нерешительность снова охватила Сергея. Надя подошла, положила руки ему на грудь. Прикосновение это придало смелости. Больше он не мог себя сдерживать. Обнял, и его мощные плечи как крылья укрыли худенькую фигуру Нади. Она прижалась лицом к его рубашке. Потом подняла голову, и он поцеловал её в чуть приоткрытые губы. Нежно целовал волосы, глаза, плечи. Поднял, словно былинку, и понёс в комнату.

А она потянулась к нему, хрупкая, послушная, словно воск в его руках. Они понимали друг друга. Без слов.

Надя ощутила, что нужна ему так же, как и он ей. Только один раз в голове промелькнул другой образ. Промелькнул и исчез, будто и не было вовсе.

Глава 9

Иногда Надя сомневалась, правильно ли поступила. Не устояла под напором нежности и не сумела отступить перед искренним чувством. Слишком долго была одна. А если ошиблась? Она смотрела ему в глаза и тут же отбрасывала сомнения. Почему тогда она отвечает ему взаимностью? Почему ей приятны его прикосновения и поцелуи? Что если вот это и есть – любовь. А то, другое, было лишь страстью и увлечением?

Только теперь Надя поняла, что уверенно смотрит в будущее. Ведь рядом с ней человек, который укроет от любой жизненной непогоды. Она решила никогда, ни при каких обстоятельствах этого не разрушить. Этот маленький мир. Её и его. Тёплый, уютный, нежный. Больше не о чем мечтать.

И чем дальше погружалась, тем страшнее становилось. Надя не хотела потревожить его ничем, но встреча на набережной, не выходила из головы. Рано или поздно Сергей всё узнает, так лучше рассказать о прошлом без утайки. Только вот где взять смелость и решиться. Оказалось, представить легче, чем сделать. Порой Надя мысленно начинала этот разговор. Взгляд её словно говорил, но губы молчали.

А Сергей ни о чём не спрашивал, только прижимал крепко. И долго не хотел отпускать, и Надя ничего другого не желала.

Она молчала. Но однажды все же пришлось заговорить.

Каждый день Сергей встречал Надю и Полину с курсов. Полина теперь редко ходила с ними. Чаше прощалась тут же, у ворот. Иногда им удавалось уговорить её зайти в гости, иногда нет.

Когда Полина ушла. Надя и Сергей медленно пошли домой. Она держала его под руку, а он что-то рассказывал о работе.

– Да, кстати, сегодня в спортшколе я встретил Лозового, – он почувствовал, как Надя вздрогнула и напряглась. – Помнишь, которого мы встретили на набережной?

– Помню, – тихо ответила Надя.

– Так вот, я пригласил его с невестой к нам в гости.

– Нет! – резко сказала она.

Сергей не поверил тому, что увидел. Насторожился. Строго посмотрел на Надю, в её взгляде испуг.

– Я что-то пропустил?

В одно мгновение тысяча мыслей пронеслась в его голове. Но только одна осталась. Он вдруг вспомнил те слова, которые Надя сказала на набережной. Невеста. Вспомнил реакцию Лозового. Вся та сцена заново встала перед глазами, но уже под другим углом. Как будто кто-то повернул софит и осветил тот момент с другой, неожиданной стороны. Серёжа посмотрел на Надю. Она не сказала ни слова, но глаза не лгали. В них – боль, страх и отчаянье. И тогда он понял всё.

Как тяжело падать с неба на землю. Вот парил, не замечал ничего, что происходит вокруг. Летал, опьянённый счастьем, и думал, что счастливы те, кто рядом.

Но что-то идёт не так, и в следующий момент – падение. И хорошо бы не разбиться в дребезги. Но – неизвестно.

– Ты знаешь его? – выдавил он, глядя в испуганные глаза. – Да – ты его знаешь!

– Знаю, – эхом повторила Надя.

Дальше шли молча. Он пытался понять – как то, что узнал, может отразиться на их с Надей отношениях.

Пришли домой. Сели. Каждый понимал, разговора не избежать.

– Скажи что-нибудь, – виновато начала Надя.

– Он для тебя что-то значит? – спросил Сергей и пристально посмотрел ей в глаза. Если она скажет неправду, он поймёт.

– Нет, – твёрдо сказала Надя.

Но он не почувствовал облегчения. Теперь что бы она ни сказала, сомнений не избежать.

– Я не знаю, что мне думать.

Надя взяла его руку и прижала к своей щеке.

– Ты не должен думать об этом. Всё в прошлом, – сказала она. – Я с тобой, и никто другой мне не нужен.

Эти слова не смогли утешить его. Не то чтобы он не верил, просто знал, что теперь не будет ему покоя – такого, как раньше.

Глава 10

Странное дело – именно тогда, когда Володька считал, что безответно влюблён в Надю, он встретил другую девушку. И она, не догадываясь о том, сумела пошатнуть его уверенность в теперешних его чувствах. Больше того – открыла Володьке глаза на их абсолютную ошибочность.

Так получилось, что случайная встреча в троллейбусе выдернула Володьку из пустых страданий.

Каждый день в одно и то же время он на троллейбусе ехал на работу. Тут он заметил девушку-кондуктора. Огненно-рыжие волосы её словно сияли, когда на них падали лучи солнца. Володька заморожено наблюдал, как искрятся они и переливаются. Он смотрел на девушку и удивлялся её хорошему настроению. Уже с утра она успевала подбодрить пассажиров и шуткой, и улыбкой. словно солнышко озаряла салон.

Володька хотел, чтобы она поговорила и с ним. Спросила, как дела или что-то ещё. Тогда он мог пригласить её погулять или выпить кофе. А пока не знал, как подойти, чтобы не выглядеть глупо. Несколько дней он набирался вдохновения, чтобы решиться. И вот однажды помог случай.

Утром в полвосьмого Володька запрыгнул в троллейбус. Солнечная девушка на своём месте. На следующей останов-

ке в троллейбус вошла шумная компания студентов. Один парень весело предъявил студенческий и передал его другому. Девушка-кондуктор заметила уловку и стала требовать оплатить проезд. Но справиться с такой когортой не могла. Неожиданно для себя Володька поспешил ей на подмогу, и встревоженным студентам пришлось сойти.

А Володька в благодарность получил улыбку. С этого дня она здоровалась с ним, и даже перекидывались парой фраз. Через неделю они уже весело болтали, через две, он осмелелся пригласить её на свиданье, а она согласилась. И вот они уже встречаются каждый день и не могут жить друг без друга.

Так быстро влюбляться Володьке ещё не доводилось. После того как он любил Надю, думал, что это навсегда. Оказалось – нет. С Надей всё непонятно и запутано. После неудачной попытки объясниться Володька крепко задумался. И тогда он понял, что не в том месте ищет. Конечно, он жалел, что так грустно всё вышло. А потом постарался выкинуть из головы мысли о Наде и удивился, как легко это у него получилось.

В Машу он влюбился быстро и просто.

В то время как Надя поступила на курсы, Володька уже всюду ухаживал за хохотушкой Машей. Она носила футболку, джинсы и кроссовки, потому что вела активный образ жизни. Володька и не заметил, как её интересы стали его интересами. Она заставила его купить велосипед и каждый вы-

ходной они ехали путешествовать по окрестностям города.

Володька словно начал жить заново. Словно свежий ветер ворвался в его жизнь и показал разницу. Раньше его вечная хандра из-за Нади совсем не давала осмотреться. Лишь теперь он понял, как много упустил, и принялся навёрстывать упущенное с удвоенной силой.

С Зоей Семёновной он познакомил Машу уже на третий день. Девушка ей очень понравилась. Но всё же она осторожно принимала это Володькино увлечение. Кто знает, что дальше будет. А дальше было вот что.

Как-то утром, за завтраком сын объявил:

– Мама, я собираюсь жениться.

Зоя Семёновна так и села:

– На ком? А, ну да, на Маше.

– Конечно на Маше, – засмеялся Володька. – А ты ещё кого-то знаешь.

– Я не то хотела сказать, – засуетилась мать. – А ты любишь её?

– Что за вопрос – конечно, люблю, – удивился Володька.

Зоя Семёновна не знала, что ещё можно сказать. Но позже высказалась, как могла. О том, что опасается такого серьёзного события. Напомнила о горьком опыте. Сказала, что заметила – сын не такой, как прежде. Постаралась предостеречь от неверного шага. И всё в таком духе.

Отношения с Машей хорошо влияли на Володьку, и он,

по уши влюблённый, быстро убедил мать в серьёзности намерений. А так как он был полон нетерпения и желания поскорее жениться, тянуть не стали, подали заявление.

По такому случаю, Володька решил накрыть стол на работе.

После смены в подсобке мастерской мужики громко проносили тосты за здоровье молодых. На шум пришёл Лозовой, но его тоже усадили праздновать. Подвыпивший Володька просто требовал, чтобы Лозовой выпил за него и его невесту Машу. Тот, услышав, что Горохов собирается жениться на какой-то Маше, не стал отказываться и компанию поддержал.

Часам к одиннадцати многие ушли домой. Завтра рабочий день, а нужно ещё отдохнуть от сегодняшнего. К двенадцати в подсобке остались только Лозовой и Володька. Оба были пьяны настолько, что вели душевную беседу, как старые добрые друзья.

– Ты знаешь, – говорил Володька, подперев рукой щеку, которая часто соскальзывала, – я тебе никогда бы этого не сказал, никогда, но ты мой друг, – он стукнул кулаком по столу, – и если не скажу сейчас, пока ты мне – друг, то потом – никогда.

– Но я не понимаю, – заплетающимся языком пытался говорить Лозовой. – Что ты мне хочешь сказать? – и он вопросительно уставился на Володьку.

– И скажу! – вскричал Володька, привстал и опять сел. – Тс-с. И скажу, – перешёл он на шёпот.

– Ну?

– Я сбрежал тогда, помнишь, в тот день, у Нади. Понимаешь меня? Сбрежал.

– Что сбрежал? – не понял Андрей.

– Про мужиков, – и Володька опустил голову на руки. – Не ходил к ней никто. Я от злости так сказал. От злости, понимаешь?

– Так ты сказал неправду... – попытался встать Андрей, – про Надю?

– Да. Я сказал неправду про Надю, – просто, как ребёнок, повторил Володька.

Лозовой сидел какое-то время и молчал. Мысли его были трезвы, но тело не слушалось. Вспомнился тот день. Слова, сказанные Гороховым. Поспешные выводы. Даша. Буров. И ещё, ещё что-то. Он увидел Надю, как тогда, когда он её оставил. Увидел её рядом с Сергеем. Услышал слова, сказанные на набережной. Всё-всё он увидел в одно короткое мгновение. В голове загудело и стало давить. До него вдруг дошло, какую страшную ошибку он совершил. Поверил другому человеку. Его злости, ненависти. Поверил и ушёл. Бросил её, незаслуженно и грубо. Мысли стали путаться.

Горохов налил водки и подвинул стакан Лозовому. Молча выпили. В тишине мастерской было слышно, как вздохнул и

шаркнул ногой один, да чиркнул зажигалкой другой.

– Я знаю, что виноват, – сказал Горохов. – Но и ты тоже хорош, даже не разобрался.

«Не разобрался», – повторилось в голове.

Он опустил голову на стол и больше не слышал, что говорил Горохов. Как он встал и ушёл. Не слышал ничего.

Утром уборщица потормошила за плечо. Андрей поднял голову, огляделся вокруг. Перед ним стояла бутылка с водой.

Пожилая уборщица сочувственно проговорила:

– Андрей Александрович, утро уже. Скоро мастера придут, вы бы поторопились.

Он встал и хотел уйти, но вернулся и взял недопитую бутылку.

Глава 11

Всю следующую неделю Андрей пил беспросветно. Утром уходил на работу, по дороге покупал бутылку и запирался в кабинете. Иногда там, в кабинете, и ночевал, но тогда с утра посылал кого-то за бутылкой. Секретарша Лиза находилась в полном недоумении, но как ответственный сотрудник, умела принимать решения, пока хозяин пытался лечить душевные раны.

В доме Буровых все в смятении. На начало июня решено было подавать заявление в ЗАГС, но без присутствия Андрея сделать это невозможно. А Андрей вдруг куда-то запропастился. На звонки не отвечал. По рабочему телефону всякий раз секретарь говорила, что его нет на месте.

Николай Николаевич бушевал и возмущался. Марья Ивановна пыталась успокоить его, объясняя поведение Андрея большой занятостью.

– Какая может быть занятость? Моя дочь – вот чем он должен заниматься! Занятость! – отвечал Буров.

И Марья Ивановна замолкала – ведь он прав.

Даша отсиживалась в своей комнате, изредка пускала слезу. Она не знала, что думать и как вести себя в подобной ситуации.

Спустя неделю Буров решил сам навестить Андрея и вы-

яснить, что происходит.

Будущий тесть приехал в мастерскую в субботу в одиннадцать утра и сразу проследовал в кабинет Лозового. Лиза не успела даже встать, как Буров был уже в кабинете.

Картина, которая предстала перед ним, была совсем печальной. Андрей без туфель в расстёгнутой рубашке лежал на диване и смотрел в потолок. В безвольно свисающей руке сигарета. Рядом наполовину пустая бутылка коньяка. Чуть приоткрытое окно не спасает от запаха дыма и коньяка. На полу какие-то обёртки, апельсиновые корки и что-то ещё.

Буров подошёл к окну и открыл его полностью. Свежий воздух ворвался в комнату, заставил Андрея пошевелиться.

– Какого чёрта? – хрипло сказал он и посмотрел на Бурова.

– Ты что делаешь? – Николай Николаевич свёл брови. – Чем это ты, интересно, занимаешься?

– Не лезьте не в своё дело, – грубо ответил Андрей.

– Это и моё дело тоже. Когда жених моей дочери вдруг пропадает, закрывается в кабинете и целыми днями пьёт! Думаю, это и моё дело. Ты можешь мне внятно объяснить, что происходит?

– Не могу. Не знаю.

– А что со свадьбой?!

– С какой свадьбой? А... Свадьба. Не знаю, – вяло сказал Андрей.

– Как это – не знаю?! Если бы ты собрался жениться на ком-то, мне всё равно. Но ты должен жениться на моей дочери и это уже совсем другое дело. Я не потерплю, чтобы так поступали с моим собственным ребёнком!

– Николай Николаевич, что вы от меня хотите? Мне плохо, и я не хочу сейчас видеть никого. Никого – понимаете! Оставьте меня в покое! Все! – и он отвернулся к спинке дивана.

Буров совсем не ожидал таких слов. Он, конечно, зол на Андрея, но не так глуп, чтобы не заметить, что тому действительно паршиво. Буров решил не пороть горячку и попытаться помочь Андрею выйти из этого состояния. Подошёл, взял бутылку, закрыл её крышкой и положил в карман пиджака.

– Как хочешь, но пить ты больше не будешь, – он обернулся, налил в стакан воды из графина, подошёл к Андрею и резко плеснул на лицо.

Андрей вскочил как ужаленный. Он с яростью посмотрел на Бурова. Если бы это был кто-то другой, дело не кончилось бы так просто. Несколько секунд Андрей не понимал, что происходит, но потом неожиданно громко рассмеялся. Он смеялся и не мог остановиться. Было ясно – ему вовсе не смешно. Накопившееся внутри выливалось с этим невесёлым, почти истеричным смехом. Андрей резко сел на диван, вытер лицо и надел туфли.

– Ладно. Сегодня победа за вами, – сказал он.

– Ну вот и славно, – весело отозвался Буров.

– Лиза! – очень громко закричал Андрей. – Кофе!

Через пару минут Андрей с Буровым уже сидели друг напротив друга.

– Так что насчёт свадьбы? – поинтересовался Николай Николаевич, отхлебнув горячего кофе. – Дашка вся в слезах, считает, что ты её бросил. Мать себе места не находит.

– Да всё нормально. Просто у меня трудный период.

– Волнуешься перед свадьбой?

– И это тоже, – уклончиво сказал Андрей.

– А что мне сказать своим? Я же не могу сказать дочери, что ты боишься жениться.

– Я не боюсь, просто сомневаюсь. Могу я сомневаться?

– Можешь, но недолго, – строго сказал Николай Николаевич.

Он поставил пустую чашку на стол и подошёл к двери, что-то вспомнил и обернулся.

– Ты Андрюха лучше поторопись с решением. А то совсем не хочется становиться тебе врагом.

Он вышел.

За эту неделю много дум передумал Андрей. Он не мог осмыслить, как несколько лживых слов перевесили его кипящие чувства. Почему он сразу не поговорил с Надей. Не выяснил, так ли всё на самом деле? Но ведь что-то он спросил, и она ответила – «Нет». С другой стороны, что она долж-

на была ответить. Ей оставалось только оправдываться. Она ведь могла и солгать. И кому тогда верить? Наде – но потом бы ревновал и сомневался. Поверил Горохову – а зря.

Дальше ещё ошибка. Зачем поторопился, сделал предложение Даше? Кому и что хотел доказать? Искал невесту, но для чего? Кому хотел навредить? Как глупо. В итоге навредил самому себе. Даше, родителям. Наде.

И что теперь? Он – жених Даши, и не хочет жениться. Надя – невеста Сергея. Кому стало легче? Возможно, Надя полюбила Сергея? Нет. Не может быть.

Андрей вспоминал тот день, на набережной. Её слова. Она не выглядела счастливой, когда их произнесла. Это был – вызов. Доказательство неправоты. «Ты не принял меня такую, а он принял». Андрей вспоминал выражение лица Нади, когда она сказала слово: «Невеста».

Каждый день он терзал себя за это. Даже спиртное уже не помогало. Всё чего-то ждал. Какое-то великое вмешательство. Но ничего не происходило. Андрей пил и становился сам себе противен. Он понимал, проблемы так не решаются, но ничего не мог поделать.

И только когда на пороге кабинета появился Николай Николаевич, Андрей понял, как далеко завели его ошибки. Как много людей в этом замешаны. Уже ничто не сможет остановить это колесо. Теперь поздно.

Или нет?

Глава 12

Звонок. Марья Ивановна открыла дверь и замерла на пороге. Большой букет роз скрывал лицо человека. Через мгновение женщина всплеснула руками и радостно бросилась к гостю.

– Илюша! Ветров! Илюша! Какими судьбами?!

Даша услышала возгласы матери из прихожей и бросилась к зеркалу.

Илья Ветров – бывший одноклассник. Всегда был влюблён в Дашу. Родители часто вспоминали этого увальня в очках. После окончания школы он поступил на физико-математический факультет педагогического университета. Долгое время они с Дашей переписывались. Но потом Даша стала редко писать. А тут и вовсе прекратила, когда начала встречаться с Андреем. Илья пытался выяснить причину. Но ответа не получал.

Если бы он не тянул столько лет и не тратил всё свободное время на науку, то давно был бы женат на Даше. Но все силы и ум он отдавал работе, а задумываться о женитьбе никак не получалось. Когда Даша перестала писать, Илья серьёзно обеспокоился. Видимо, он думал, что она никуда не денется и вечно будет его ждать. Также трудность заключалась в том, что жили они в разных городах. После окончания уни-

верситета Илье предложили место, он не стал отказываться. И вроде бы всё складывалось хорошо в его карьере, но единственное, о чем он не догадывался – Даша всё меньше надеялась, что когда-нибудь он позовёт её замуж.

Поэтому совершенно спокойно она приняла предложение Лозового. Понимая, что в двадцать семь нужно хвататься за любого приличного соискателя руки и сердца.

Даша написала Ветрову о том, что вскоре выйдет замуж. Каково же было её удивление, когда в ответ она получила слова возмущения и негодования по поводу предстоящей свадьбы. В письме Ветров требовал, чтобы она ни в коем случае не выходила замуж. Иначе навсегда потеряет его доброе отношение. Слова эти до глубины души возмутили девушку, и она не стала отвечать на такую дерзость.

И вот он здесь.

Даша вышла в прихожую и церемонно поздоровалась с гостем. В последний раз, когда она его видела, а это было приблизительно пять лет назад, внешний вид Ильи Ветрова оставлял желать лучшего. Он всегда носил старые туфли и мятые брюки. Немодные рубашки и очки, которые не каждая бабушка наденет. Неказистый вид его всегда был поводом для насмешек. Но Даше он нравился, и она не обращала внимания на то, как воспринимали его другие.

Теперь в прихожей стоял совершенно другой человек. Это уже не был тот Илюха, с которым она делала домашнее зада-

ние, а кто-то незнакомый. В прихожей стоял мужчина в хорошем костюме. Волосы коротко подстрижены, очки в позолоченной оправе. Приятное лицо, плотная фигура. Вид солидный. Даже слишком.

Даша онемела от удивления. Она совсем не ожидала увидеть вот такого Илью.

– Вот, встречай гостя, Дашенька, – многозначительно посмотрела на дочь Марья Ивановна.

И даже качнула головой от какой-то скрытой гордости за Илью.

– Здравствуй, Даша, – Илья протянул цветы.

– Здравствуй, Илья, – покраснела девушка.

Повисла неловкая пауза.

– Ой, ну что же мы стоим? Илюша, проходи в гостиную, – всполошилась Марья Ивановна. – Сейчас побегу на кухню, сделаю чай, – и она скрылась, плотно прикрыв дверь.

В гостиной Даша села. Посмотрела на Илью долго и многозначительно. Она хотела что-то сказать, но он перебил её и быстро выпалил:

– Дорогая Даша, в связи с тем, что я получил от тебя письмо с сообщением о том, что в скором времени ты собираешься вступить в брак, я приехал, чтобы предотвратить этот необдуманный шаг и предостеречь тебя от неверного решения. Я категорически против. Категорически.

– Этот мой шаг – вполне обдуманный, – попыталась вставить слово Даша, но Илья опять её остановил.

– Пожалуйста, не перебивай, – он достал белоснежный носовой платок. Долго и тщательно протирал очки. – Я считаю, что ты не можешь выйти замуж ни за кого другого, кроме как за меня. Я хорошо всё обдумал и пришёл к выводу, что мы с тобой должны пожениться. В ближайшее время.

Даша поняла, что это и было предложение руки и сердца.

– Но почему ты понял это только теперь, когда я собираюсь выйти замуж?

– Да, я виноват в том, что слишком много думал. Но и ты пойми. Это серьёзный шаг и он не должен просто так совершиться. Необходимо всё досконально обдумать и взвесить. Теперь я готов сказать, что ты единственная, кто мне нужен в жизни. Только ты понимаешь меня так, как не понимает никто.

– Я-то тебя понимаю, а вот ты меня – нет. Мне уже не шестнадцать, и я хочу иметь семью, детей. А если ты будешь ещё десять лет думать, что остаётся мне? Сидеть и ждать?

– Ты права. Возможно, я это упустил. Прошу у тебя прощения. Я хочу сейчас, в этой комнате, чтобы мы раз и навсегда решили этот вопрос.

– Но что я могу тебе ответить, если даже не знаю, любишь ли ты меня?

Он немного замялся. Видимо, сделать это было труднее, чем решить самую сложную математическую задачу.

– Ты хочешь знать, люблю ли я тебя? Да, я тебя люблю, – коротко сказал он, и она поняла, что большего он никогда не

скажет. Такая у него любовь. Особая.

А ведь Лозовой никогда даже не говорил ей о любви. Она не видела в Андрее того чувства, какое должен испытывать влюблённый человек. Отношение его было скорее дружеским. Возможно, у него была другая причина жениться. Интересно, какая? Деньги? Так он небедный. Что могло его привлечь? Даша не могла понять. Только знала – она не чувствует любви Андрея. Да и то, что он всё время оттягивает срок свадьбы, становилось уже подозрительным. Теперь она стояла перед дилеммой. Что делать?

Выйти замуж за Андрея и жить в постоянном страхе, что он когда-нибудь уйдёт. Или выбрать Ветрова, который по-своему, но все же понимал её и любил. Даша задумалась. Вот так история. То ни одного жениха, то целых два.

В комнату зашла Марья Ивановна, принесла чай.

– Ну как вы тут, не соскучились? – она быстро накрыла на стол и снова вышла.

Молодые люди улыбнулись друг другу.

– Твоя мама не меняется, такая же гостеприимная, – заметил Илья.

– Да, – ответила Даша.

Потом они пили чай и разговаривали. Чуть позже пришёл Николай Николаевич.

– А у нас гость, – шёпотом сказала жена.

– Кто? – так же тихо спросил муж.

– Ветров.

В этот вечер всем стало понятно, что никакой свадьбы с Лозовым не будет. Будет свадьба с Ветровым. Причём чуть ли не завтра. И всем сразу стало легче.

Николай Николаевич вспоминал пьяное лицо Андрея и тихо радовался, что обстоятельства сложились так счастливо для его Дашеньки.

Марья Ивановна всегда любила Илюшу. А на свадьбу с Лозовым согласилась только потому, что не было других кандидатов на руку совсем не молодой дочери.

Даша была счастлива, но по-своему. Она догадалась, если бы раньше написала, что выходит замуж, то давно бы была замужем за Ветровым.

Оказывается, счастье её зависело только от неё самой.

Глава 13

Тихо и спокойно зажила Надя с появлением в её доме Серёжи. Душевное его отношение – словно целительный бальзам. Он залечивал раны и вдохновлял строить будущее. Серёжа хорошо ладил с Андрюшкой, учил делать зарядку, читал ему книги. Втроём они гуляли в парке. Надя даже не могла представить отношения лучше этих. Она была уверена в Серёже, как не была уверена в себе самой.

Всё шло к тому, чего она боялась. Невидимое ощущение, что не сегодня-завтра придёт день, и Сергей задаст самый главный вопрос. Надя старалась избегать моментов, когда видела в его глазах решимость.

Ответ её не был готов. Она пыталась собрать все «За». Почти не находила ни одного «Против». Но неизвестное, даже призрачное обстоятельство не давало переступить грань и полностью раствориться в желаниях своих и Сергея.

Но день настал. И Наде пришлось встать лицом к лицу с задачей, которую безуспешно она пыталась решить.

Как-то в один из субботних вечеров в начале июня Надя приготовила ужин и ждала Серёжу, он должен был вернуться с соревнований. Около восьми услышала, как открывается входная дверь. Из комнаты выбежал Андрюша, с радостным криком стал прыгать вокруг Сергея. Тот стоял в прихожей с букетом цветов.

Сердце Нади ёкнуло, в голове мелькнула догадка. Не успела сообразить, как Сергей уже встал на колени, взял её руку и сказал:

– Надюша, выходи за меня замуж.

– Ура! – закричал Андрюшка. – Мама вышла замуж. Ура!

Надя замерла. Момент был торжественным, и лицо Серёжи излучало столько тепла. Он ждал и улыбался. Казалось, он точно знал, каким будет ответ. Но секунды шли, а Надя молчала. И вот уже улыбка стала исчезать, и тут Надя решительно сказала:

– Да, я выйду за тебя.

Лицо Серёжи просияло. Он схватил Надю и стал целовать щёки, глаза, лоб. Цветы упали, Андрюшка поднял их, стал носиться по комнате и кричать: «Ура!»

Сказать, что Надя была в тот момент не счастлива, было бы неправильно. Конечно, она была счастлива и очень рада. Но ещё, в глубине своей души точно почувствовала, что подчинилась торжеству момента. А что ещё она могла сделать? Сказать «нет»? Разве не любила она Серёжу? Любила. Разве не хорошо с ним? Хорошо.

Так что ещё нужно?

Она не знала, но чувствовала – возврата нет, и не будет. И не надо. Зачем смотреть в прошлое и его теревить. Оно уже не вернётся. Нужно взять то, что есть, и этому радоваться и жить. Надя решила так и сделать.

В эту ночь им было не до сна. Только нежность и ласка.

Объятая, поцелуи. Они уснули, когда вставала заря и комната наполнилась мягким утренним светом.

Утром в дверь позвонили. Настойчиво, требовательно. Надя пошевелилась. Снова долгий звонок. Серёжа сел на кровати, натянул штаны и пошёл в прихожую. Открыл дверь.

На пороге стоял Лозовой.

– Я хочу поговорить с Надей, – спокойно сказал он.

– Зачем? – Серёжа провёл ладонью по лицу, будто стирая остатки сна.

– Мне нужно с ней поговорить, – упорствовал Андрей.

Серёжа вышел на лестничную площадку и прикрыл дверь.

– Слушай, Андрюха, мы хоть с тобой и друзья, но я ведь могу на это закрыть глаза. Я тебя прошу, не приходи сюда больше. Это нам не нужно. Надя согласилась стать моей женой, и я не хочу, чтобы что-то помешало. Ты меня понимаешь?

Казалось, Андрей внимательно слушает то, что ему говорят. Но сказанное, не произвело на него никакого впечатления. Лицо его было непроницаемым.

Он повторил:

– Мне нужно поговорить с Надей.

– Я тебя как друга прошу, уходи, – Сергей сказал это спокойно, но чувствовались жёсткие нотки.

– Я не уйду, – упрямо твердил Лозовой.

Сергей стоял на лестничной клетке, загораживал вход в

квартиру.

Вдруг Лозовой толкнул его в грудь и попытался открыть дверь, но не рассчитал. Сергей схватил его за руку и крутанул так, что тот согнулся и вскрикнул от боли. Потом отпустил руку и снова встал возле двери.

– Пусти меня, – грозно сказал Андрей.

– Нет. Тебе нечего здесь делать.

– Я не уйду, пока не увижу Надю. Пусть скажет, что не любит меня. И тогда я больше здесь никогда не появлюсь, – Андрей тёр руку и тяжело дышал.

– Нет, – Сергей сделал шаг вперёд.

Всем своим видом он давал понять, что не пустит Лозового в квартиру.

Но тот не собирался сдаваться и кинулся прямо на соперника. Сергей резко схватил его за рубашку и откинул на лестницу, что ведёт наверх. Андрей с размаху ударился лицом о перила и упал.

В этот момент дверь открылась, Надя вышла на площадку.

Один взгляд и она бросилась к Андрею, попыталась его перевернуть. Испуганно дёргала за плечо. Надя старалась поднять его, хваталась и тянула. Но он слишком тяжёлый.

– Что ты наделал? – повернулась она к Серёже.

А он стоял, не мог понять, что происходит. Только когда услышал слова Нади, очнулся, подхватил Андрея и скорей затащил его в квартиру.

Надя захлопнула дверь и побежала на кухню. В тот мо-

мент, когда она вошла в комнату, Андрей открыл глаза. На мгновение она остановилась, затем подошла и приложила к его лицу мокрое полотенце.

Всё это время Сергей стоял и смотрел. Наблюдал. От него не укрылось ни одно движение, ни один взгляд. Всё, чего он раньше не допускал, сейчас сложилось в единое целое. Именно теперь он понял, что скрывалось за грустью её глаз. О ком она вечно думала. Он осознал, что именно он тут лишний, а не кто-то другой.

Лозовой застонал и снова закрыл глаза. Надя побежала в кухню. Принесла лёд. Положила ему на голову.

– Андрюша, Андрюша, – повторяла она.

Тем временем Сергей зашёл в спальню, собрал свои вещи, огляделся вокруг и вышел в гостиную с большой спортивной сумкой. Надя посмотрела на него. Он почти ощутил, как тяжело ей в этот момент. Как борются в ней отчаяние, страх и любовь.

– Позови меня, если понадобится, – сказал Сергей и вышел.

Глава 14

Надя закрыла лицо руками. Медленно катились слёзы. Сначала она не поняла смысл сказанного Сергеем. Но когда слова эти дошли до сознания, поняла то, что навсегда потеряла. А взамен? Неопределённость, почти женатый Лозовой и одиночество.

Сейчас дверь закрылась за человеком, который никогда не обманул бы её и не предал. Заботился бы, как никто другой. И осознание этого стало тяжёлым открытием. Почему каждый раз, когда она начинает нормально жить, всё ломается? Рушится под напором разрушающих обстоятельств. Сколько ещё расплачиваться за старые ошибки?

Слёзы душили её, Надя всхлипывала и растирала слёзы ладонями.

Из детской вышел заспанный Андрюша.

– Мама, – он стоял возле Нади и теребил её за плечо.

Она открыла лицо и притянула к себе сына. Стала целовать его. Отчаянно, исступлённо.

– Мама, мне больно, – пытался высвободиться из её объятий Андрюша.

Надя опомнилась. Встала и повела его в ванную умываться. На кухне быстро собрала завтрак. Села напротив сына и смотрела, как он кушает кашу. В какой-то момент она забыла о том, что там, в гостиной, лежит Лозовой. Забыла, что ушёл

Серёжа. Забыла обо всех, кроме сына. Она смотрела на его ангельское личико, на его ручки, и не могла оторвать взгляд.

Но вот движение, и Надя увидала Андрея. Он вошёл в кухню. Волосы мокрые, щека опухла, глаз почти заплаыл.

Надя посмотрела на него и отвернулась.

– Я хочу с тобой поговорить, – хрипло сказал Андрей.

– Говори, – тихо сказала Надя.

Он медленно сел на табурет у входа.

– Я пришёл сказать тебе о том, что был неправ. Я наделал кучу ошибок. Мне нелегко признать это. Как дурак, поверил в слова Горохова. С тех пор я не живу нормально. Не знаю, могу ли рассчитывать на то, что ты когда-нибудь простишь меня?

Она сидела к нему спиной и смотрела в окно.

– Мама, не плачь, – сказал маленький Андрюша.

Надя быстро отёрла слёзы.

– Я понимаю – сейчас ты, наверное, не хочешь меня видеть. Я причинил тебе столько боли, – продолжал Андрей. – Скажи мне, есть ли хоть какой-то шанс всё исправить?

Молчание. Слышно только, как Андрюша стучит ложкой по тарелке.

Слова Андрея долетали до слуха, но не имели никакого воздействия. Надя сидела и слушала, и не могла ответить. Всё казалось неправильным. Разве мог он любить и причинять страдания? В те несколько встреч, что произошли после злосчастливого расставания, она видела, как тяжело ему от неё

отказываться. Но он мог попытаться сделать хоть что-то. А он не стал разбираться кто прав, кто виноват, а просто ушёл. Он принял решение и старался ему следовать. Но не думал о том, как теперь живёт она. Что с ней?

И вот он приходит и говорит, что допустил много ошибок. Что всё сделал неправильно. Как в это можно поверить? Она никогда не слышала от него ничего, кроме слов любви. И доверяла. А он ушёл и не возвращался. Так нельзя. Нужно было вернуться, чтобы поговорить.

Она не оборачивалась, не видела его лица, но чувствовала – он говорит то, что думает. То, что чувствует. Он так хотел пробиться к ней и поговорить. Возможно, им двигало действительно чувство. Только сейчас она поняла, что теперь уже ничто не сможет его оттолкнуть. Он пришёл к ней, к такой, какая она есть.

Маленький Андрюша потянулся за чаем, Надя быстро убрала пустую тарелку. Она не оборачивалась и не смотрела на Андрея. Просто не могла повернуться к нему, потому что знала, она сразу его простит.

– Я люблю тебя, – услышала Надя, но не обернулась. – Скажи что-нибудь.

Она хотела что-то сказать, но не могла собраться с мыслями. Или боялась, что голос изменит.

А в следующий момент она почувствовала, что больше не может молчать.

– Я не знаю, что тебе ответить. Я не могу так просто вы-

черкнуть всё. Сейчас многое изменилось, и я уже не та, что была прежде. Ты мог прийти раньше. Раньше понять свои чувства. Ты должен был поговорить со мной. Поверить мне. А теперь я не знаю, как быть. Сейчас я хочу, чтобы ты ушёл. Я должна подумать обо всём и решить, как жить дальше. Ты причинил мне боль. Как я могу теперь верить тебе. Не жди сейчас никакого ответа от меня. Его не будет. Уходи.

Она, конечно же, не хотела, чтобы он ушёл. Просто пыталась оттянуть тот миг, когда придётся посмотреть ему в глаза и забыть обо всём на свете. В душе она давно его простила. Когда открыла дверь и увидела его лежащего на лестнице, она поняла, что никто и никогда его не сможет заменить.

Она поняла, он стремился к ней, как и она стремилась к нему. Все действия их были продиктованы только тем, чтобы попытаться отдалиться друг от друга как можно больше. А потом когда-нибудь снова столкнуться и никогда не расставаться.

Они шли в разные стороны, но неминуемо приближались друг к другу. Эта сила неумолима. Сопротивляться ей бесполезно. Их попытки отдалиться, словно пружина, которую пытаются растянуть всё сильнее и сильнее. Но стоит ослабить и выпустить, она с молниеносной скоростью возвращается в прежнее положение. Так Андрей и Надя как ни пытались уйти друг от друга, всё напрасно.

Надя почувствовала, как он встал. Шаги. Дверь откры-

лась, скрипнула и захлопнулась. Ушёл. Словно холодный ливень окатил Надю. Слабость охватила тело. Она уронила голову на руки, закрыла глаза. Так сидела некоторое время.

– Мама, пойдём погуляем, – Андрюша подошёл и растерянно на неё смотрел.

Надя очнулась, наклонилась и обняла сына.

– Конечно пойдём, мой зайчик, – почти весело сказала она и поцеловала Андрюшу. – Конечно пойдём.

Глава 15

Андрей вышел из подъезда и поплёлся по двору. Какое-то время он медленно шёл по улицам. Вдруг в голове помутилось, он поискал взглядом лавку, не нашёл, подошёл к дереву и прислонился спиной.

Какая-то женщина проходила мимо, спросила:

– Что с вами? Вам плохо?

Он посмотрел на женщину, но она поплыла куда-то в сторону. Дерево и листва, всё поплыло.

Очнулся Андрей в белой комнате. С трудом открыл глаза и осмотрелся.

Утро или вечер. В комнате было ещё не светло, но уже и не темно. Или наоборот. Мысли путались. Он старался понять, что произошло. Вспомнил, как Надя сидела к нему спиной, Андрюша кушал кашу. Всё это было, как будто, очень давно.

Голова болела, в теле слабость. Он не понимал, как попал сюда. Но сейчас это было неважно. Как в тумане приходили люди в белых халатах. Стояли, что-то говорили, но Андрей ничего не слышал и не понимал. Рядом плакала мама. Он пытался утешить её, но не мог вымолвить ни слова. Буров ходил по комнате, махал на Андрея руками. Ничего не понял Андрей. Были ещё посетители. Даша и Ветров с виноватыми и счастливыми лицами. Лиза и Анастасия Петровна, рабочие

из мастерской. Люди всё шли и шли, но Андрей ждал только момента, когда в комнату войдёт Надя. А момент этот всё не наступал, и Андрей вновь проваливался в забытьё.

Сколько прошло дней, он не знал. Сколько ещё пройдёт, не имеет значения. Он равнодушно смотрел в окно, когда сознание на короткое время приходило к нему, и не чувствовал ничего, только боль в голове.

Однажды он услышал музыку и открыл глаза. Тихая плавная мелодия лилась из коридора. Андрей попытался понять, что это, откуда, и неожиданно сел на кровати.

– Наконец-то, – услышал он справа от себя и повернул голову.

Пожилая женщина стояла рядом с ним, опершись на швабру. Лицо её было очень ему знакомым.

– Очнулся, соколик. Уж больше двух недель ждём.

– Больше двух недель? – переспросил Андрей.

– А ты как думал? Уж столько людей сюда ходють, а ты всё как сонный. Так они постоят, постоят и уходят.

Андрей лёг.

– Что это ты повадился в больницу попадать? – спросила уборщица и продолжила мыть пол. Она сняла тряпку со швабры и начала полоскать её в ведре. – Уже второй раз ты у нас лежишь. Всё-то тебе неймётся. Ладно бы аппендикс какой, а то всё побитый да поломанный. Я помню, как тебя тогда привезли, весь в крови. Ужас. Никто и не думал, что

выживешь. Врач тогда так и сказал – неизвестно выживет, аль нет. Помню, никто тебя не приходил проведать. Только одна девчонка, она лежала в соседней палате с тобой. Как же её звали? Не помню уже, память не та стала, что раньше. Когда-то целые стихи за вечер учила, а теперь, – и она махнула рукой. – Как же её фамилия была, той девушки? То ли Бабочкина, то ли Клубничкина. Молоденькая такая девчонка. А уже с ребёночком. Да время сейчас такое. Не то, что раньше. Тяп-ляп – и ребёночек готов.

Андрей поднял голову и напрягся всем телом. То, что говорила эта женщина, вдруг ясно встало у него перед глазами. Как он мог забыть? Как допустил, чтобы это случилось?

Память столько времени предательски держала это где-то в глубине. Внезапность догадки огорошила. Прояснила всё в одно мгновение. Он вспомнил взгляд, который показался таким знакомым, там, в магазине, где он в первый раз увидел Надю. Как он мог забыть эти глаза, голос. Он вспомнил книги, что она читала, фразы, которые произносила. Он должен бежать. Прямо сейчас. Бежать к Наде.

Всё это так неожиданно ввалилось в голову, и с новой силой она заболела. Андрей откинулся на подушку.

– Вспомнила! – вдруг воскликнула уборщица. – Цветкова. Да, точно, Надя Цветкова! А я ещё думаю, простая такая фамилия.

Эти слова уже не были так важны.

Знакомый голос услышал он издалека. Приоткрыл глаза и увидел её – Надю. Она сидела рядом. В руках книга. Она – читала.

Глава 16

Новость о том, что Надя Цветкова выходит замуж, молниеносно облетела двор. Что способствовало такой скорости, мы легко можем догадаться. Странность заключалась лишь в том, что сама Надя пока об этом не знала.

Удивительно, насколько точно некоторые люди могут предполагать события. Не будем относить это к каким-то сверхъестественным способностям. Но было что-то такое, чего не мог понять никто.

Стопроцентное чутьё, которым обладала тётя Люда Бубенцова, не раз удивляло жителей двора. Иногда новость уже всех облетала, а событие происходило только некоторое время спустя. И это было поистине странно. Впрочем, к великому удовольствию самой тёти Люды, ещё ни разу её высказывания не оказались беспочвенными.

Так и теперь. Стоило ей увидеть в окно высокого брюнета с большим букетом белых роз, как мозг её заработал в направлении второго подъезда. И не будь она тётей Людой Бубенцовой, если не окажется в следующий момент именно в том месте, откуда хорошо будет слышно всё, что нужно услышать.

И хоть слышала она совсем немного и не видела вообще ничего, сделанные выводы были окончательными и бесповоротными.

К вечеру весь двор знал о том, что высокий брюнет сделал предложение Наде Цветковой. Он – владелец автомастерской, в которой работает бывший муж Нади.

Ещё долго во дворе на улице Вишнёвой удивлялись, как такая простая девушка могла покорить сердце красивого богатого мужчины.

© 2011 г

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.